Международный Аспект

ВЫПУСК №4(18)
ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 2024

International Aspect

VOL 5 NO. 4(18)
OCTOBER-DECEMBER 2024

МИРОВАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА: ФИГУРЫ И ПАРТИИ

Воины против бунтарей: психологический анализ нового состава европейского парламента • 4
Абраменкова Надежда Дмитриевна, Носикова Анна Вячеславовна, Скрипцова Ирина Евгеньевна

Приоритеты внешней политики администрации Дональда Трампа в отношениях с Японией • 39
Погодин Никита Сергеевич

Судьба герцогства Варшавского на завершающем этапе Наполеоновских войн (1813–март 1814 гг.) • 52
Удальцова Софья Константиновна

ISSN 2949-6381 (Print)
ISSN 2949-6365 (Online)

International Aspect

ACADEMIC JOURNAL
Published since 2020 quarterly
Vol.5, 4(18), 2024

Международный Аспект

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Журнал издается с 2020 г. ежеквартально
Том 5, Выпуск 4(18), 2024

Индексируется в РИНЦ

МА | Между народный аспект

Издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес издателя: 119454 Москва, проспект Вернадского, 76

Publisher: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76,

ISSN 2949-6381 (Print) ISSN 2949-6365 (Online)

Содержание

Современные международные отношения

Воины против бунтарей: психологический анализ нового состава европейского парламента* • 4
Абраменкова Надежда Дмитриевна, Носикова Анна Вячеславовна, Скрипцова Ирина Евгеньевна

Перспективы евроатлантической интеграции Боснии и Герцеговины в условиях разделения общества по этническому принципу* • 18
Сауткин Иван Анатольевич, Точинский Даниил Викторович

Приоритеты внешней политики администрации Дональда Трампа в отношениях с Японией • 39
Погодин Никита Сергеевич

История международных отношений

Судьба Герцогства Варшавского на завершающем этапе наполеоновских войн (1813 - март 1814 гг.)* • 52
Удальцова Софья Константиновна

Историко-культурные основания идеологического противостояния концепций Большого Ирана и Великого Турана на Южном Кавказе* • 69
Полякова Анна Александровна

Международные экономические отношения

ГЧП в экономике стран ЕАЭС, ШОС, БРИКС+, СНГ: новые технологии, старые проблемы и их решение • 101
Семёнов Александр Викторович

*Данные статьи получили наивысшие оценки в рамках исследовательского трека III Международного студенческого форума MGIMO New-Sci Generation Symposium

Для связи с редакцией: internat.aspect@gmail.com
intaspect.ru
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76
+7 (495) 229-41-78

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
София Беломытцева

Заместитель главного редактора
Равиль Шигапов

Редакторы
Елена Бурдина
Арсений Наумчик
Валентин Терентьев
Александра Журова
Влада Ровнова
Георгий Федоров
Анна Александрова
Офелия Закарян
Варвара Кеня

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель Редакционного совета
Андрей Анатольевич Байков, к.полит.н.

Ирина Вячеславовна Болгова, к.ист.н.
Игорь Александрович Истомин, к.полит.н.

Contents

Contemporary international relations

Warriors vs Rebels: Psychological Analysis of the New Structure of the European Parliament* • 4
Nadezhda D. Abramenkova, Anna V. Nosikova, Irina Ye. Skriptsova

Prospects for the Euro-Atlantic integration of Bosnia and Herzegovina in the context of the division of society along ethnic lines* • 18
Ivan A. Sautkin, Daniil V. Tochinskiy

Priorities of the Foreign Policy of Donald Trump's Administration in Relations with Japan • 39
Nikita S. Pogodin

History of international relations

The fate of the Duchy of Warsaw at the final stage of the Napoleonic Wars (1813 - March 1814)* • 52
Sofya K. Udaltsova

Historical and Cultural Foundations of the Ideological Confrontation Between the Concepts of Greater Iran and Great Turan in the South Caucasus* • 69
Anna A. Polyakova

World economy

PPP in the economy of the EAEU, SCO, BRICS+, CIS: new technologies, old problems and their solutions • 101
Alexander V. Semenov

*The articles received the highest ratings in the research track of the III International Student Forum MGIMO New-Sci Generation Symposium

EDITORS

Chief Editor
Sofiya Belomyttseva

Deputy Chief Editor
Ravil' Shigapov

Editors
Elena Burdina
Arsenii Naumchik
Valentin Terentyev
Aleksandra Zhurova
Vlada Rovnova
Georgii Fedorov
Anna Aleksandrova
Ofeliya Zakaryan
Varvara Kenya

EDITORIAL BOARD

Head of the Editorial Board
Andrey Baykov, Ph.D. in Political Science

Irina Bolgova, Ph.D. in History
Igor Istomin, Ph.D. in Political Science

Contact the Editorial Board via: internat.aspect@gmail.com
intaspect.ru
76, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119454
+7 (495) 229-41-78

Воины против бунтарей: психологический анализ нового состава европейского парламента

Абраменкова Надежда Дмитриевна,
Носикова Анна Вячеславовна, Скрипцова Ирина Евгеньевна
МГИМО МИД России,
Факультет международных отношений, 3 курс
19454 Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

РЕЗЮМЕ

В данном исследовании был проведен разбор психологических аспектов идеологии и позиционирования фракций в десятом составе Европейского парламента с опорой на теорию архетипов Е.В.Минченко. Работа проводилась на основе контент-анализа программных документов, публичных выступлений и медийного позиционирования фракций. В ходе исследования авторами было выявлено три доминирующих архетипа: Воин (Европейская народная партия, Прогрессивный альянс социалистов и демократов, Зеленые, Левые), Бунтарь (Патриоты за Европу, Обновляя Европу) и Искатель (Консерваторы и реформисты, Европа Суверенных Наций). Фракции-Воины демонстрируют установку на защиту статус-кво: ключевыми акцентами программ являются безопасность, защита традиционных ценностей ЕС и борьба с внутренними угрозами в лице политических сил, продвигающих независимую национальную повестку дня. Бунтари, напротив, выступают за радикальный пересмотр европейской политики, сочетая в рамках своих программ евроскептицизм с антисистемной риторикой и призывами к слому существующего европейского порядка. Искатели предлагают умеренные реформы, балансируя между критикой наднациональных институтов и прагматичной адаптацией к текущим вызовам. Распределение архетипов отражает глубинную поляризацию европейского политического пространства: почти половина фракций (4 из 8) ориентированы на консервацию существующего порядка, тогда как остальные либо отвергают его (Бунтари), либо ищут компромиссные решения (Искатели). Данное распределение сил свидетельствует об отсутствии консенсуса в европейском обществе относительно будущего ЕС и усилении конфликта между проевропейскими и национал-консервативными силами. В ходе исследования была выявлена гибридность архетипов некоторых фракций: Зеленые сочетают черты Воина (агрессивная защита либеральных ценностей) и Простака (имидж «близости к народу»); Левые – Воина и Заботливого (акцент на социальную справедливость). Данная особенность подчеркивает стратегическую адаптацию партий к запросам избирателей. По результатам исследования авторы заключают, что текущий состав Европарламента функционирует в условиях системного кризиса легитимности, а выявленный конфликт между описанными архетипами отражает нестабильность политической повестки ЕС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
Европарламент, фракция, голоса, депутат, архетип, брендинг.

Для связи с автором: nadjaabramenkova@gmail.com

Warriors vs Rebels: Psychological Analysis of the New Structure of the European Parliament

Nadezhda D. Abramenkova, Anna V. Nosikova, Irina Ye. Skriptsova
MGIMO University
School of International Relations, 3rd Year

ABSTRACT

This study presents an analysis of the psychological dimensions underlying the ideological positioning of political groups within the tenth European Parliament, utilizing E.V. Minchenko's theory of political archetypes as its conceptual framework. The research was conducted through systematic content analysis of official party documents, public declarations, and media representations of the parliamentary factions. Three predominant archetypes emerged from this examination: the Warrior archetype, embodied by the European People's Party, Progressive Alliance of Socialists and Democrats, Greens/EFA, and The Left; the Rebel archetype, represented by Patriots for Europe and Renew Europe; and the Seeker archetype, characteristic of European Conservatives and Reformists and Europe of Sovereign Nations. The Warrior-aligned factions demonstrate a pronounced orientation toward maintaining the status quo, with their platforms emphasizing security measures, the preservation of traditional EU values, and opposition to political forces advocating nationalist agendas. In contrast, Rebel factions promote a radical transformation of European politics, combining Eurosceptic positions with anti-establishment rhetoric that calls for fundamental changes to the existing European order. Seeker factions occupy an intermediate position, proposing moderate reforms that balance criticism of supranational institutions with pragmatic approaches to current challenges. This distribution of archetypes reflects deep-seated polarization within the European political landscape. Nearly half of the parliamentary groups (four out of eight) are committed to preserving the current system, while the remainder either explicitly reject it (Rebels) or seek negotiated alternatives (Seekers). Such division underscores the absence of societal consensus regarding the future trajectory of the European Union and highlights the growing tension between pro-European and national-conservative political forces. The research also revealed instances of archetype hybridization among certain factions. The Greens, for example, combine Warrior characteristics—particularly their vigorous defense of liberal values—with Everyman traits that emphasize their connection to ordinary citizens. Similarly, The Left merges Warrior elements with Caregiver attributes, focusing on issues of social justice. These hybrid configurations illustrate the strategic adaptation of political parties to evolving voter expectations and preferences. The study concludes that the current composition of the European Parliament operates within a context of systemic legitimacy crisis, with the identified archetypal conflicts serving as indicators of broader instability in the EU's political agenda.

KEYWORDS

European Parliament, faction, votes, deputy, archetype, branding.

Contact the author via nadjaabramenkova@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

На данный момент Европейский союз является одним из ключевых внешнеполитических оппонентов России. Чтобы успешно прогнозировать, в каком векторе будет развиваться европейское пространство в ближайшие годы, российской науке необходимо сформировать всеобъемлющий образ европейских политических элит и социума, интересы которого оказывают значительное влияние на расстановку политических сил. При выборе политических представителей массы, как правило, опираются на два фактора – идеологический и психологический: то есть, выбирают группировки, которые соответствуют их политическим интересам и внушают подсознательное доверие. В то время как идеологический фактор в российских исследованиях раскрыт довольно полно, с психологической точки зрения политический расклад в Европе еще не был рассмотрен. В данном исследовании был осуществлен анализ фракций текущего состава Европарламента как наиболее репрезентативного органа политической власти Европейского союза через призму теории политических архетипов Е.В. Минченко[1]. Авторы ставили своей целью определить те категории общественных лидеров, которые наиболее востребованы среди масс сейчас и, вероятнее всего, будут популярны в ближайшем будущем, дабы спрогнозировать характер изменения общественных настроений в европейском пространстве и, соответственно, политической повестки вместе с ними. За основу анализа были взяты восемь фракций десятого (текущего) состава Европарламента.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1) Провести детальный разбор каждой из восьми фракций десятого (текущего) состава Европарламента, выявить способы их самопозиционирования и ключевые пункты идеологии;

2) На основе проведенного анализа отнести каждую фракцию к одному из архетипов, выделенной теорией Е.В. Минченко;

3) Определить превалирующий среди всех фракций архетип и предположить причины его возобладания над остальными;

4) Составить прогноз по дальнейшим изменениям социально-политических настроений в Европе на основе потребности общества в одном из выделенных в ходе изучения Европарламента архетипов.

Главным образом исследование проводилось с помощью контент-анализа (просмотра веб-сайтов фракций, выступлений и дебатов их сопредседателей), а также метода анализа документов (анализ предвыборных программ каждой фракции).

В российских сборниках статей, а также на Интернет-ресурсах представлено немало материалов, посвященных внутреннему устройству Европарламента, распределению влияния партий и фракций внутри него (Р.У. Камалова, М.Н. Ушаков, Д.А. Шварц)[2] либо сугубо его эволюции и истории (С. Драйшер)[3]. Однако детального разбора Европарламента именно с точки зрения психологии и брендинговых технологий найти не удалось – а вышеизложенная необходимость понимания специфики

[1] См. приложение

[2] Камалова Р.У., Ушаков М.Н., Шварц Д.А. Оценка распределения влияния в Европейском парламенте в 1979–2014 гг. / Р. У. Камалова, М. Н. Ушаков, Д. А. Шварц; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2015. – 64 с. – URL: https://wp.hse.ru/data/2015/10/26/1080010598/WP7_2015_08____.pdf (дата обращения: 19.10.2024)

[3] Драйшер С. Эволюция Европарламента // Политическая наука. – 2012. – №4. – С. 105-122. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-evroparlamenta/viewer (дата обращения: 19.10.2024)

позиционирования подтверждает актуальность проведения такого рода исследования.

Европейская народная партия – самая многочисленная[1] фракция нового состава Европарламента, уже долгое время стоящая у руля Европейского Союза. В ее состав входят христианско-демократические и либерально-консервативные партии стран-членов ЕС.

Фракция заявляет, что стремится к защите культурно-исторических «корней» Европы и не согласна и с политическими силами, выступающими за всеобщий космополитизм с отказом от локальных культурных особенностей, и с теми, кто пропагандирует закрытые культурные общества в рамках ЕС (отказ от общеевропейской культуры). Главной целью своей деятельности, согласно политической программе, фракция видит создание такой версии объединенной Европы, которая гарантировала бы защиту населения во всех сферах общественной жизни, от вопросов государственной безопасности до соблюдения прав меньшинств[2]. В манифесте фракции от 2024 г.[3] в каждом пункте политической повестки читается посыл «мы вас защищаем»: защищаем экономически, создавая рабочие места и диверсифицируя поставки энергоресурсов; защищаем политически, борясь с Россией и евроскептиками; защищаем на ценностном уровне, поддерживая права человека, и так далее. Манифест партии изобилует такими выражениями, как «мы защищаем», «мы сохраняем», «мы заботимся». При этом особое внимание уделяется защите ЕС от внутренних угроз, направленных на слом текущих ценностей и на улучшение собственной стратегической обороноспособности Европы на реальном поле боя. Такие усилия, предпринимаемые главной политической силой Европы для подавления евроскептицистских настроений, символизируют четкое соответствие данной фракции архетипу Воина[4].

Прогрессивный альянс социалистов и демократов – стабильно одна из крупнейших фракций парламента[5]. Глава фракции – представительница Испании Ираче Гарсия Перес.

Программа фракции представляет собой достаточно стандартный для более левой партии набор идей, включающих социальные реформы, борьбу за права женщин и гендерное равенство, зеленые инициативы, расширение Европейского союза[6]. При этом в предвыборной кампании и заявлениях представителей фракции прослеживаются идеи защиты демократии, которая находится под угрозой со стороны внутреннего врага – правых партий. Альянс активно критикует фракцию Патриотов за Европу, видя в них основную угрозу ценностям Евросоюза и призывая бороться с ними – это даже указано в списке приоритетов фракции, в формулировке

[1] The Political groups of the European Parliament //About Parliament. – URL: https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/organisation-and-rules/organisation/political-groups (дата обращения: 19.10.2024)
[2] What we stand for // epp group in the european parliament. – URL: https://www.eppgroup.eu/what-we-stand-for (дата обращения: 19.10.2024)
[3] Manifesto 2024 // epp group in the european parliament. – URL: https://www.epp.eu/papers/ (дата обращения: 05.08.2025)
[4] См. приложение
[5] The Political groups of the European Parliament //About Parliament. – URL: https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/organisation-and-rules/organisation/political-groups (дата обращения: 19.10.2024)
[6] Our Priorities // S&D. – URL: https://www.socialistsanddemocrats.eu/what-we-stand-for/our-priorities (дата обращения: 19.10.2024)

«борьба с фашизмом и крайне правыми»[1]. Риторика с периода выборов вплоть до настоящего времени остается очень алармистской – даже новости на сайте фракции содержат призыв к тому, что нужно что-то делать прямо сейчас для защиты Европы от внутренней угрозы – широко используются такие слова и сочетания как «фракция предупреждает», «время показать силу», «защита». Много внимания в публикациях и выступлениях представителей фракции уделяется «последствиям» роста популярности крайне правых – по мнению фракции, это губительно скажется на ситуации в общественно-политической жизни Европы. У фракции прослеживаются явные признаки Воина[2], выступающего против внутреннего врага и защищающего существующий порядок.

Патриоты за Европу – третья[3] по количеству членов фракция нового Парламента, состоящая из правых и ультраправых партий. При этом она появилась незадолго до выборов как фракция для правой оппозиции и тех, кто недоволен сложившейся в Евросоюзе ситуацией. Ее успех был неожиданным, вызвав много критики со стороны представителей остальных фракций. Главным инициатором создания фракции стал венгерский премьер-министр Виктор Орбан, а сейчас ее возглавляет француз Дж. Барделла. Интересно, однако, что оппонентами фракции как «идейный лидер» воспринимается скорее Виктор Орбан – большинство речей и статей, критикующих Патриотов за Европу, сводится к критике правых сил именно в лице премьер-министра Венгрии.

Идеология фракции, сформулированная в «Патриотическом манифесте для европейского будущего»[4], характеризуется евроскептицистской риторикой, критикой состояния Евросоюза, желанием кардинально изменить существующий порядок, укрепить суверенитет стран-членов, проводить жесткую миграционную политику. Также яркую характеристику настроениям и психологическому портрету фракции дает ее сайт[5]. Лозунг фракции: «Главная оппозиционная партия в Европейском союзе».

В соответствии с лозунгом фракция находится в постоянной очень жесткой конфронтации с парламентским мейнстримом, говоря о полной деградации Евросоюза в его современном виде и необходимости срочных перемен как в его устройстве, так и в политических решениях. При этом перемены должны, по мнению фракции, носить достаточно консервативный характер – следует вернуться к «греко-романскому» и «иудео-христианскому» наследию, охранять культурные особенности каждой нации. Особое внимание также партия уделяет защите суверенитета каждого государства – отдельным пунктом в манифесте идет положение о прекращении перехода национального суверенитета к Евросоюзу, а также право на защиту своего суверенитета от угроз.

В риторике фракции прослеживается широкое использование такой лексики, связанной с понятиями

[1] The S&D group in the EU Parliament chooses Laureti as first Vice President: “United against nationalist forces” // EUnews. – URL: https://www.eunews.it/en/2024/06/26/the-sd-group-in-the-eu-parliament-chooses-laureti-as-first-vice-president-united-against-nationalist-forces/ (дата обращения: 17.10.2024)
[2] См. приложение
[3] The Political groups of the European Parliament //About Parliament. – URL: https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/organisation-and-rules/organisation/political-groups (дата обращения: 19.10.2024)
[4] PATRIOT’S MANIFESTO FOR EUROPE //Association of Accredited Public Policy Advocates. – URL: https://www.aalep.eu/patriot’s-manifesto-europe (дата обращения: 19.10.2024)
[5] Patriots for Europe // https://patriots.eu/ (дата обращения: 19.10.2024)

свободы, независимости, ослабления власти Брюсселя, а также сомнениями в способности Европы в ее нынешнем состоянии противостоять вызовам, стоящим перед ней.

Можно сказать, что находящаяся сейчас в жестко критикуемой оппозиции фракция практически идеально соответствует архетипу Бунтаря[1], который стремится к кардинальным изменениям.

Консерваторы и реформисты – фракция парламента, которая существует с 2009 года и стабильно находится в числе лидеров по количеству мест. Однако в 2024 году она оказалась на 4 месте[2] после Патриотов за Европу. Возглавляют фракцию итальянец Н. Прокачини и поляк П. Джаки.

Фракция включает центристские правые партии, продвигает идеологию реформирования Евросоюза и умеренной критики. Основные идеи схожи с тем, что наблюдается у Патриотов, за исключением евроскептицизма – партия выступает за «еврореализм»[3] и более лояльна к Евросоюзу. Лозунг фракции – «возвращая здравый смысл». Ему вполне соответствуют постулируемые представителями партии идеи: сочетание традиционно «патриотичных» охраны суверенитета, критики Евросоюза, призыва к реформе и контроля над миграцией с традиционно либеральными и популярными в Парламенте идеями о свободе предпринимательства, правах человека, решении экологических проблем. Важно отметить, что достаточно центристская позиция фракции подчеркивается в отсутствии крайностей и резких заявлений – наоборот, звучат идеи возврата к спокойному и понятному, к постепенным реформам. Если анализировать риторику, свойственную фракции, то можно отметить постоянное повторение формулировок «здравый смысл», «разумность», «реалистичный взгляд».

Консерваторов и реформистов можно отнести к типу Искателя[4] – фракция явно транслирует риторику разумного решения существующих проблем, трезвой оценки ситуации и поиска новых путей.

Фракция **Обновляя Европу** в новом Европарламенте занимает пятое место[5] по общему числу представителей, заметно ухудшив свои позиции по сравнению с дебютным предыдущим сроком полномочий. Заявления фракции относительно текущего состояния европейского общества носят несвойственный другим политическим группам алармистский характер.

Так, «Обновляя Европу» считает «очевидными» проблемы европейского общества относительно состояния демократических институтов и соблюдения прав национальных и сексуальных меньшинств[6]. Программа фракции выделяется обилием резкой и эмоциональной лексики, недвусмысленно намекающей на возросшую роль «экстремистских и популистских политиков» в ЕС, стремящихся «сократить права человека и разделить европейское общество»[7]. Кроме того, в июле 2025 г. фракция опубликовала

[1] См. приложение
[2] The Political groups of the European Parliament //About Parliament. – URL: https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/organisation-and-rules/organisation/political-groups (дата обращения: 19.10.2024)
[3] Who We Are? // ECR Group. – URL: https://ecrgroup.eu/ecr (дата обращения: 17.10.2024)
[4] См. приложение
[5] The Political groups of the European Parliament //About Parliament. – URL: https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/organisation-and-rules/organisation/political-groups (Дата обращения: 19.10.2024)
[6] Priorities 2024-2029 // Renew Europe. – URL: https://www.reneweuropegroup.eu/priorities (дата обращения: 19.10.2024)
[7] Promoting European Values. Our Values Are Not for Sale! // Renew Europe. – URL: https://www.reneweuropegroup.eu/what-we-stand-for/promoting-european-values (дата обращения: 05.08.2025)

стратегию «Реформируя Союз для объединения Европы»[1], в которой заявила о неизбежности и абсолютной необходимости значительных внутренних реформ ЕС для сохранения и укрепления единства Союза. Предлагается пересмотреть институциональные начала (они, по заявлениям фракции, «едва ли являются адекватными для Союза 27 стран»[2]), изменить порядок голосования по ключевым вопросам, экономические цели ЕС, провести правовые реформы (особенно в части порядка избрания членов Европарламента).

Ранее фракция также представляла свои планы по трансформации экономического и экологического аспектов деятельности ЕС и политики безопасности. Исходя из этого, можно заключить, что, несмотря на нахождение у власти, партия стремится к коренному изменению текущей политики ЕС по всем направлениям, а не к защите действующего на данный момент европейского порядка.

Хотя фракция и продвигает лозунг о защите традиционно установленных в Европейском союзе либеральных ценностей, связанных с толерантностью и свободой, она не считает, что политическая элита, находящаяся у власти в данных момент, их поддерживает. Еще большая опасность, по словам «Обновляя Европу», исходит извне – от набирающих популярность правых и ультраправых политиков, которые в последние годы все чаще входят в высшие круги ЕС. Борьба за «слом» (резкий пересмотр фундаментальных начал) установившегося в Европе порядка и свойственной ему тенденции к автократизации придает фракции «Обновляя Европу» яркие черты Бунтаря[3], действующего «изнутри» правящих кругов ЕС.

Фракция **Зелёные — Европейский свободный альянс** состоит из транснациональных партий «Альянс зеленых» и «Европейский свободный альянс» (EFA). Лозунг фракции – *We are changemakers.* Председателями фракции являются **Терри Райнтке** от немецких «зеленых» и **Бас Эйкхаут** от нидерландской «зеленой» партии (GroenLinks/PvDA)[4].

Фракция фокусируется на продвижении зеленой повестки и противостоянии неолиберальным и крайне правым тенденциям. В частности, на веб-сайте партии в разделе «Наше видение»[5] обозначено, что партия стремится бороться против любого рода дискриминации, будь то по половому, расовому, религиозному признаку – а в качестве одной из главных ценностей очерчивают «приоритет на защите прав всех людей… в ходе проведения всей политики». Нередко под правозащитными лозунгами у зеленых и либеральных партий маскируется именно антиправая риторика. Помимо прочего, в рамках программы партия обозначает курс на инвестиции в общественные услуги и социальную повестку: «Мы инвестируем в доступное жильё, чтобы снизить арендные ставки, в реновацию жилья для снижения энергетических затрат и в общественный транспорт, чтобы сделать поездки более доступными».

Сильная ориентация на защиту и оборону ценностей свободы, одновременно с превалированием подобного политического мнения внутри

[1] Reforming the Union to Unify Europe. Unavoidable Institutional Changes // Renew Europe. – URL: https://www.reneweuropegroup.eu/policies/2025-07-19/reforming-the-union-to-unify-europe (дата обращения: 05.08.2025)
[2] Там же. С. 3.
[3] См. Приложение
[4] Our Group. Greens/EFA. – URL: https://www.greens-efa.eu/en/who-we-are/our-group (дата обращения: 18.10.2024)
[5] Our Vision. Greens/EFA. – URL: https://www.greens-efa.eu/en/what-we-stand-for/our-vision (дата обращения: 18.10.2024)

парламента на протяжении уже многих лет, позволяет отнести фракцию к архетипу Воина. Воины, как уже было упомянуто выше, являются одним из подтипов правящих сил, ориентированных на активную защиту интересов избирателей, которые помогли им прийти к власти[1]. Причем некоторые Воины используют максимально резкие и порой даже агрессивные методы отстаивания занимаемой позиции и дискредитации политического противника. В частности, сопредседатель фракции Терри Рейнтке на одном из заседаний Европарламента позволила себе ряд довольно резких высказываний в сторону уже упомянутого в работе Виктора Орбана. Она утверждала, что «венгерскому лидеру в парламенте не рады» (цит: You are not welcome here)[2] и что его тирании, правовым нарушениям режима будет оказано соответствующее противодействие.

Одновременно данная фракция примечательна тем, что, помимо превалирующего архетипа Воина, ее частично можно отнести к Простакам/Славным малым. Главный посыл этого архетипа – «Я такой же, как вы», «Я близок к вам»[3] в данном случае выражается, прежде всего, в айдентике бренда фракции, в которой выдержаны все связанные с ней официальные ресурсы. А именно этот посыл заключен в дизайн-элементах, используемых на сайте лозунгах и ключевых фразах (например, заголовок одного из подразделов Fighting for you[4] на официальном ресурсе фракции). Также он выражается в активной, по сравнению с другими фракциями, стратегии по медийному присутствию представителей. К примеру, сопредседатель Бас Эйкхоут регулярно появляется в качестве спикера на главных политических программах нидерландского ТВ и видеохостингов (например, Buitenhof[5]). Также образ Славного малого подкрепляется его независимой медийной активностью: например, сопредседатель ведет собственный подкаст, название которого дословно переводится как «Звонок с Басом». Подобный заголовок подкаста также создает ощущение близости к лидеру.

Самая немногочисленная фракция левого толка **«Левые в Европейском парламенте»** выступает за «Европейский союз, действующий во благо людей и планеты[6]. Партия не пользуется большой популярностью и является одной из замыкающих по числу мест в Европарламенте (46 депутатов/6%)[7]. Доминирующий архетип фракции – Воин[8]: в высказываниях ее представителей и официальных документах прослеживается характерная для него направленность на «борьбу с внутренним врагом»[9]. Для данной фракции это выражается в стремлении к сокращению привилегий более состоятельных слоев общества – в социальном плане – и в борьбе с крайне правыми[10] – в политическом. В частности, сопредседатели фракции Мартин Ширдеван

[1] См. Приложение
[2] Terry Reintke vs Viktor Orban. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=vD8N2lekdN8 (дата обращения: 18.10.2024)
[3] См. Приложение
[4] Fighting for You. Greens/EFA. – URL: https://www.greens-efa.eu/en/fighting-for-you (дата обращения: 18.10.2024)
[5] Een sterk democratisch Europa. Malik Azmani & Bas Eickhout, Buitenhof. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=TrDD57TD5QQ&t=273s (дата обращения: 19.10.2024)
[6] Who we are / The Left. – URL: https://left.eu/who-we-are/ (дата обращения: 19.10.2024)
[7] The Political Groups. – URL: https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/organisation-and-rules/organisation/political-groups (дата обращения: 17.10.2024)
[8] См. Приложение
[9] Wir brauchen Steuergerechtigkeit, keine Milliardäre! – URL: https://www.martin-schirdewan.eu/wir-brauchen-steuergerechtigkeit-keine-milliardaere/ (дата обращения: 19.10.2024)
[10] Democracy and Ethics / The Left. – URL: https://left.eu/democracy-ethics/ (дата обращения: 19.10.2024)

(Die Linke, Германия) и Манон Обри (La France Insoumise) не раз во время своих выступлений выражали обеспокоенность по поводу авторитарных тенденций в некоторых странах ЕС, таких как Венгрия и Польша, подчеркивая необходимость защиты верховенства права и демократических ценностей внутри союза. Примечательно, что в позиционировании фракции также можно выделить второстепенный архетип, а именно Заботливый. Он выражается в высоком уровне сопереживания избирателю (менее состоятельным слоям населения, мигрантам, представителям меньшинств), которое представители партии транслируют в газетах и заявлениях в ходе выступлений[1]. Подобная тенденция в высказываниях представителей фракции прослеживается и в контексте внешнеполитических проблем: так, в июне 2025 года на веб-сайте Левых в Европейском парламенте появилось высказывание Манон Обри касательно бездействия ее коллег по союзу в вопросе противодействия Израилю и защите беженцев сектора Газа: «Пока миллионы людей сталкиваются с голодом и тысячи детей уже погибли, Европейская комиссия закрывает глаза на геноцид в Газе и продолжает вести дела с Израилем, как обычно»[2]. В силу своей немногочисленности фракция не характеризуется ярким, выделяющимся на фоне других образом, смешивается с остальными левыми партиями и поэтому непопулярна среди избирателей.

Наконец, одна из самых малочисленных[3] и молодых фракций Европарламента – **Европа Суверенных Наций** – объединяет правые, ультраправые и ультраконсервативные партии стран ЕС. Присущий ей евроскептицизм и критика текущей европейской политики в большинстве сфер говорят о восприятии ЕСН текущего периода развития ЕС как кризисного[4]. Программа партии начинается с фразы «Европейская цивилизация в опасности»[5], и главная опасность, с точки зрения фракции, лежит на ценностном уровне и проявляется в отходе от традиционных «Греко-римских библейских традиций» и поощрении развития движения ЛГБТ[6] и политики инклюзивности. При этом выбор путей выхода из него демонстрирует новизну политического мышления этой группы. Так, эта фракция – Искатель[7] предлагает защищать традиционные семейные ценности, жестко ограничивать миграционные потоки, отказываться от европейской централизации, заявляет о том, что Европе нужно найти новые пути выхода из кризиса ценностей. Все эти новые предложения, тем не менее, направлены, по заявлениям фракции, на достижение прежних целей - укрепление демократии и обеспечение безопасности ЕС.

В ходе данного исследования авторам удалось соотнести психологические архетипы классификации Е. Минченко с фракциями Европейского парламента; по итогам работы соотношение получилось следующее:

[1] См. Приложение
[2] The Left in the European Parliament. – URL: https://left.eu/plenaries/june-2025/ (дата обращения: 6.08.2025)
[3] The Political Groups. – URL: https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/organisation-and-rules/organisation/political-groups (дата обращения: 17.10.2024)
[4] Political Program // ESN Party. – URL: https://esn-party.eu/ (Дата обращения: 19.10.2024)
[5] What We Stand For. Political Declaration // ESN Party. – URL: https://esn-group.eu/what-we-stand-for (дата обращения: 05.08.2025)
[6] Международное движение ЛГБТ признано экстремистским, его деятельность запрещена на территории РФ.
[7] См. приложение

№/	Фракция	Архетип
1	Европейская Народная Партия	Воин
2	Обновляя Европу	Бунтарь
3	Европа Суверенных Наций	Искатель
4	Демократы и Социалисты	Воин
5	Патриоты за Европу	Бунтарь
6	Консерваторы и Реформисты	Искатель
7	Зеленые	Воин (Простак)
8	Левые в Европейском Парламенте	Воин (Заботливый)

Таблица 1. Соотношение архетипов и фракций Европейского Парламента 10-го созыва. Составлена авторами на основе исследования.

В результате соотношения архетипов и фракций удалось установить, что в текущем составе ЕП представлено 4 фракции-Воина; 2 фракции-Искателя и 2 фракции-Бунтаря. При этом, если обратить внимание на количественное соотношение членов фракций, то мы видим полное преобладание Воинов – они занимают 423 места. При этом Бунтарей заметно больше в количественном отношении, чем Искателей – 161 против 105.

Исходя из описаний архетипов, представленных Е. Минченко, и их психологического анализа Э. Юнгом, можно установить, что архетип Воина представляет собой скорее реакционных системных политических игроков, стремящиеся к удержанию текущего распределения сил и сохранению установленных этими акторами ценностей и институтов. Фракции-воины сконцентрированы на удержании статус-кво и защиты системы от новых идей, которые предлагаются фракциями-искателями и бунтарями. Последние, напротив, рассматривают текущую систему как кризисную и стремятся сломить ее, сменив правила игры и установив новую идейную основу для европейской политики. Остроты этой ситуации добавляет и то, что среди желающих изменить систему явно большей популярностью обладают именно Бунтари, продвигающие радикальный подход к изменениям.

Равное соотношение системных и «оппозиционных» системе сил в составе Европейского парламента говорит, во-первых, о кризисном положении политической сферы ЕС ввиду отсутствия консенсуса относительно базовых положений и ценностей; и, во-вторых, о поляризации самого европейского общества, избравшего на выборах в равной пропорции представителей этих двух сил.

Приложение
Классификация архетипических образов политика, разработанная «Минченко Консалтинг»

№ / п.п.	Архетип	Краткое описание основы образа
1	**Ребенок (Невинный)**	Открытый новому. Искренний и не умеющий врать. Несущий надежду на обновление. Кандидат от оппозиции или молодое поколение правящей партии. Иногда даже опытный политик, если сохраняет умение удивляться и открываться новым знаниям
2	**Сирота**	Страдающий и ищущий. В ряде случаев – оптимальный кандидат для протестного избирателя, который видит в нем отражение своей судьбы.
3	**Простак (Славный малый)**	Взрослый, адаптированный Ребенок или Сирота. Основной сигнал – «Я такой же, как вы», «Я думаю и чувствую так же, как вы». Успешный выбор в условиях антиэлитного голосования, даже для представителя элиты.
4	**Солдат**	Сирота, ставший из сына полка частью полка. Не рассуждающий, выполняющий любые приказы. Человек-функция. Частый вариант кандидата от «партии власти».
5	**Воин**	Целеустремленный и деятельный боец, стремящийся побеждать. Воюет «ЗА» избирателя. Может быть во власти («защитник от внутреннего или внешнего врага») или в оппозиции (лидер оппозиционного движения, идущего к победе).
6	**Заботливый**	Искренне сопереживающий. Готов выслушать и помочь. Подходит для кандидатов всех типов. У власти больше возможностей помочь, у оппозиции - лучше получается сопереживание.
7	**Искатель**	Ищет истину, новые пути решения проблем, новые правила или новую жизнь. Оптимальный кандидат для общества, которое осознало кризис старой модели.
8	**Бунтарь**	Стремится уничтожить сложившийся порядок вещей. Призывает восстать вместе с собой. Классический оппозиционный кандидат.

9	**Герой**	Победивший Бунтарь. Идет от победы к победе. Имеет список успехов.
10	**Любовник**	Герой, заслуги которого признаются и делают его популярным. Излучающий энергию жизни. Витальный, способный внушить аудитории спокойствие и радость.
11	**Творец**	Создающий новые смыслы, форматы. Тот, кто выводит из глубокого кризиса.
12	**Правитель**	Создает порядок из хаоса и поддерживает его, организует процессы, выстраивает иерархию. Классика кандидата от правящей партии.
13	**Наместник**	Правитель, опирающийся на внешнюю легитимность. Голосуют не за него, а за того, кто его поставил.
14	**Шут**	Недобунтарь. Не имеет сил противостоять власти открыто. Становится тайным союзником Правителя и инструментом управления его окружением за счет контролируемых атак.
15	**Маг**	Изменяет реальность к лучшему, владеет новыми технологиями и процедурами. Помощник Правителя или создатель альтернативной технологии власти.
16	**Мудрец**	Познавший истину, избавившийся от личных пристрастий, создающий и сознающий гармонию. Правитель на следующей стадии развития или консенсусная фигура для оппозиционной коалиции.
17	**Дурача-щийся**	Мудрец, наслаждающийся мелкими радостями жизни, понимающий и прощающий слабости рода людского. При этом обладает огромной житейской мудростью и иронией.

Таблица 2. Описания архетипических образов политика.
Источник: XIV рейтинг политической устойчивости глав регионов. Госсовет 2.0. // Minchenko consulting, 2023.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Драйшер С. Эволюция Европарламента // Политическая наука. – 2012. – №4. – С. 105-122. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-evroparlamenta/viewer (дата обращения: 19.10.2024)
2. Камалова Р.У., Ушаков М.Н., Шварц Д.А. Оценка распределения влияния в Европейскомпарламентев1979–2014гг./Р.У.Камалова,М.Н.Ушаков,Д.А.Шварц; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2015. – 64 с. URL: https://wp.hse.ru/data/2015/10/26/1080010598/WP7_2015_08____.pdf (дата обращения: 19.10.2024)
3. Democracy and Ethics – The Left // The Left. – URL: https://left.eu/democracy-ethics/ (дата обращения 19.10.2024)
4. Manifesto 2024 // epp group in the european parliament. – URL: https://www.epp.eu/papers/ (дата обращения: 05.08.2025)
5. PATRIOT'S MANIFESTO FOR EUROPE // Association of Accredited Public Policy Advocates. – URL: https://www.aalep.eu/patriot's-manifesto-europe (дата обращения 19.10.2024)
6. Political Program // ESN Party. – URL: https://esn-party.eu/ (дата обращения: 19.10.2024)
7. Promoting European Values. Our Values Are Not for Sale! // Renew Europe. – URL: https://www.reneweuropegroup.eu/what-we-stand-for/promoting-european-values (дата обращения: 05.08.2025)
8. Reforming the Union to Unify Europe. Unavoidable Institutional Changes // Renew Europe. – URL: https://www.reneweuropegroup.eu/policies/2025-07-19/reforming-the-union-to-unify-europe (дата обращения: 05.08.2025)
9. What we stand for // epp group in the european parliament. – URL: https://www.eppgroup.eu/what-we-stand-for (дата обращения: 19.10.2024)
10. What We Stand For. Political Declaration // ESN Party. – URL: https://esn-group.eu/what-we-stand-for (дата обращения 05.08.2025)
11. Wir brauchen Steuergerechtigkeit, keine Milliardäre! // Martin Schirdewan. – URL: https://www.martin-schirdewan.eu/wir-brauchen-steuergerechtigkeit-keine-milliardaere/ (дата обращения 19.10.2024)

REFERENCES

1. Drajsher S. Evolyuciya Evroparlamenta [The evolution of the European Parliament] // Politicheskaya nauka. – 2012. – №4. – Pp. 105-122. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-evroparlamenta/viewer (accessed: 19.10.2024)
2. Kamalova R.U., Ushakov M.N., Shvartz D.A. Ocenka raspredeleniya vliyaniya v Evropejskom parlamente v 1979–2014 gg [Assessment of the distribution of influence in the European Parliament in 1979–2014] / R. U. Kamalova, M. N. Ushakov, D. A. Shvarc; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M.: Izd. dom. Vysshej shkoly ekonomiki, 2015. – 64 p. URL: https://wp.hse.ru/data/2015/10/26/1080010598/WP7_2015_08____.pdf (accessed: 19.10.2024)

3. Democracy and Ethics – The Left // The Left. – URL: https://left.eu/democracy-ethics/ (accessed: 19.10.2024)
4. Manifesto 2024 // EPP Group in the European Parliament. – URL: https://www.epp.eu/papers/ (accessed: 05.08.2025)
5. Patriot's Manifesto for Europe // Association of Accredited Public Policy Advocates. – URL: https://www.aalep.eu/patriot's-manifesto-europe (accessed: 19.10.2024)
6. Political Program // ESN Party. – URL: https://esn-party.eu/ (accessed: 19.10.2024)
7. Promoting European Values. Our Values Are Not for Sale! // Renew Europe. – URL: https://www.reneweuropegroup.eu/what-we-stand-for/promoting-european-values (accessed: 05.08.2025)
8. Reforming the Union to Unify Europe. Unavoidable Institutional Changes // Renew Europe. – URL: https://www.reneweuropegroup.eu/policies/2025-07-19/reforming-the-union-to-unify-europe (accessed: 05.08.2025)
9. What We Stand For // EPP Group in the European Parliament. – URL: https://www.eppgroup.eu/what-we-stand-for (accessed: 19.10.2024)
10. What We Stand For. Political Declaration // ESN Party. – URL: https://esn-group.eu/what-we-stand-for (accessed: 05.08.2025)
11. We Need Tax Justice, Not Billionaires! // Martin Schirdewan. – URL: https://www.martin-schirdewan.eu/wir-brauchen-steuergerechtigkeit-keine-milliardaere/ (accessed: 19.10.2024)

Перспективы евроатлантической интеграции Боснии и Герцеговины в условиях разделения общества по этническому принципу

Сауткин Иван Анатольевич, Точинский Даниил Викторович
МГУ им. М.В. Ломоносова
Факультет мировой политики, 3 курс

РЕЗЮМЕ

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. являлись периодом важнейших перемен в современной истории Восточной Европы. Дестабилизация стран социалистического лагеря и его последующий демонтаж привели к возникновению новых очагов нестабильности в регионе. Этот процесс сопровождался возникновением и нарастанием внутриполитического кризиса в постсоциалистических странах, который в редких случаях мог привести к переходу стадии конфликта из латентной фазы в горячую. Последствия этих конфликтов продолжают оказывать непосредственное влияние на современную обстановку в бывших социалистических странах Европы. В этой связи особенно показательной является ситуация в Боснии и Герцеговине. Межэтнический конфликт, протекавший в этом регионе с 1992 по 1995 гг., завершился подписанием Дейтонских соглашений, предотвративших трехлетнее кровопролитие. Но стоит отметить, что при их подписании страны евроатлантического сообщества имели следующий интерес – не допустить возникновения на постъюгославском пространстве нового государства, объединяющего западнобалканские народы, тем самым претендующего на роль регионального лидера. Несмотря на заморозку межэтнического конфликта в Боснии и Герцеговине в 1995 г., на современном этапе евроатлантические структуры стремятся демонтировать дейтонскую архитектуру. Проблема заключается в возросшей мировой напряженности, которая интенсифицирует великодержавное соперничество в различных регионах мира. Босния и Герцеговина в этом случае не являются исключением. На пространстве этого государственного образования разворачивается соперничество между Москвой, которая опирается на Республику Сербскую, и Брюсселем, опирающемся на Федерацию Боснии и Герцеговины. В связи с интенсификацией великодержавной конфронтации на Балканах на современном этапе развития международных отношений в настоящей статье предпринимается попытка оценить, какова вероятность евроатлантической интеграции Боснии и Герцеговины в условиях разделения общества по этническому принципу. При проведении исследования авторы опирались на теорию структурации Э. Гидденса и структурный реализм, дополненный концепцией Дж. Миршаймера. В качестве рабочего определения используется «этнос» в трактовке советского этнографа Ю.В. Бромлея, дополненный характеристикой, указывающей на увеличение роли этничности в качестве инструмента, который используется политическими лидерами в борьбе за власть.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Босния и Герцеговина, боснийские мусульмане, сербы, НАТО, ЕС, этническое разделение, евроатлантическая интеграция.

Для связи с авторами: crv395@yandex.ru, daniiltochinsky@yandex.ru

Prospects for the Euro-Atlantic integration of Bosnia and Herzegovina in the context of the division of society along ethnic lines

Ivan A. Sautkin, Daniil V. Tochinskiy
Moscow State University
Faculty of World Politics, 3rd Year

ABSTRACT

The late 1980s and early 1990s were a period of major changes in the modern history of Eastern Europe. The destabilization of the countries of the socialist camp and its subsequent dismantling led to the emergence of new pockets of instability in the region. This process was accompanied by the emergence and growth of an internal political crisis in post-socialist countries, which, in rare exceptions, could lead to the transition of the conflict stage from a latent phase to a hot one. The consequences of these conflicts continue to have a direct impact on the current situation in the former socialist countries of Europe. In this regard, the situation in Bosnia and Herzegovina is particularly indicative. The interethnic conflict that took place in this region from 1992 to 1995 ended with the signing of the Dayton agreements, which prevented three years of bloodshed. However, it is worth noting that the countries of the Euro-Atlantic community had the following interest in signing these accords: to prevent the emergence of a new state in the post-Yugoslav space that would unite the Western Balkan nations and claim the role of a regional leader. Despite the freezing of the interethnic conflict in Bosnia and Herzegovina in 1995, at the present stage, Euro-Atlantic structures are striving to dismantle the Dayton architecture. The problem lies in the increased global tension, which intensifies the great-power rivalry in various regions of the world for influence. Bosnia and Herzegovina is no exception in this case. In the space of this state entity, a rivalry is unfolding between Moscow, which relies on the Republika Srpska, and Brussels, which relies on the Federation of Bosnia and Herzegovina. In connection with the intensification of the great-power confrontation in the Balkans at the present stage of the development of international relations, this article attempts to assess the likelihood of Euro-Atlantic integration of Bosnia and Herzegovina in conditions of ethnic division of society. In conducting the study, the authors relied on the theory of structuration by E. Giddens and structural realism, supplemented by the concept of J. Mearsheimer. As a working definition, «ethnos» is used in the interpretation of the Soviet ethnographer Yu.V. Bromley, supplemented by a characteristic indicating an increasing role of ethnicity as a tool used by political leaders in the struggle for power.

KEYWORDS

Bosnia and Herzegovina, Bosnian Muslims, Serbs, NATO, EU, ethnic division, Euro-Atlantic integration.

Contact the authors via crv395@yandex.ru, daniiltochinsky@yandex.ru

Распад СФР Югославия в конце XX века привел к возникновению новой зоны нестабильности в Юго-Восточной Европе[1]. Результаты конфликтов, возникших на постъюгославском пространстве, до сих пор оказывают непосредственное влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику бывших союзных республик Югославии. Особенным в этой связи является случай Боснии и Герцеговины (далее – БиГ), который, несмотря на трехлетний конфликт, привел лишь к закреплению status quo и попытке примирения трех государствообразующих народов.

Дейтонские соглашения[2] в 1990-е гг. отвечали интересам стран Запада, которые стремились не допустить возникновения на постъюгославском пространстве государства, претендующего на роль регионального лидера. Теперь же сербы в условиях роста доли мусульманского населения в демографическом составе БиГ активно апеллируют к положениям Дейтонских соглашений[3]. В ст. IV приложения 4 прописано, что 2/3 депутатских мест в Палате народов БиГ занимают представители Мусульмано-хорватской федерации, а лишь 1/3 мест принадлежит депутатам из Республики Сербской (далее – РС)[4], из чего следует доминирование бошняков и хорватов в Палате народов, действующих, по мнению сербов, сообща. Согласно условиям ст. V приложения 4, Президиум БиГ состоит из трех членов, среди которых представители каждого государствообразующего народа – босниец, хорват и серб[5]. Ключевые решения принимаются большинством, но любой член может наложить вето, если считает, что решение угрожает «жизненным интересам» его народа. Однако сербы утверждают, что босняки и хорваты часто действуют согласованно, оставляя сербского представителя в меньшинстве. Все это представляет собой главную проблему для окончательного закрепления Европейского Союза (далее – ЕС) и НАТО в регионе, так как позиция сербов фактически ведет к блокировке интеграционных процессов. В условиях повышения мировой напряженности Брюссель использует институт Высокого представителя (далее – ВП) для взлома дейтонской архитектуры и нивелирования роли во внутри- и внешнеполитической жизни БиГ второго энтитета – РС.

В этой связи Западные Балканы в очередной раз предстают в качестве арены великодержавной конфронтации[6]. Учитывая многовековой опыт исторического взаимодействия, их роль в контексте нарастания напряженности в международных

[1] Анникова В.А., Радусинович М. Этнические конфликты на территории бывшей Югославии // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2015. — №4. — С.94-95.
[2] Общее рамочное о мире в Боснии и Герцеговине // Представительство Республики Сербской в Российской Федерации. — URL: https://www.rsmoscowoffice.ru/assets/app/filestorage/%D0%94%D0%B5%D0%B9%D1%82%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20(%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82).doc (дата обращения: 10.10.2024).
[3] В БиГ обвинили Запад в подрыве Дейтонского мирного соглашения // РИА Новости. — URL: bosniya-1943230765.html (дата обращения: 16.12.2024).
[4] Общее рамочное о мире в Боснии и Герцеговине // Представительство Республики Сербской в Российской Федерации. — С. 35-36. — URL:https://www.rsmoscowoffice.ru/assets/app/filestorage/%D0%94%D0%B5%D0%B9%D1%82%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20(%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82).doc (дата обращения: 10.10.2024).
[5] Общее рамочное о мире в Боснии и Герцеговине // Представительство Республики Сербской в Российской Федерации. — С. 37. — URL: https://www.rsmoscowoffice.ru/assets/app/filestorage/%D0%94%D0%B5%D0%B9%D1%82%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20(%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82).doc (дата обращения: 10.10.2024).
[6] Там же. С. 88-89.

отношениях возрастает и для России. Так, РС потенциально может стать точкой опоры для проецирования Россией своего влияния на Балканах, что укрепит ее позиции в регионе[1]. «Втягивание» Брюсселем БиГ в евроатлантические структуры является попыткой закрыть это «окно возможности» для России на Балканах и нейтрализовать потенциальные очаги нестабильности.

Фактор разделенности БиГ на два энтитета, имеющих исторически обусловленные напряженные отношения между собой, в этих условиях предстает краеугольным камнем[2]. Так, руководство Федерации БиГ (далее – ФБиГ) стремится вступить в евроатлантические структуры, видя в этом фундамент для будущего стремительного развития[3]. Руководство РС, напротив, желает сохранить status quo, видя во вступлении в евроатлантические институты подготовку БиГ к последующей унитаризации[4] и «выдавливанию» сербов не только из политической жизни, но и из страны в целом.

Дополнительным фактором являются и воспоминания о событиях 1992-1995 гг. в коллективной памяти сербского народа. Они играют ключевую роль в формировании внутри- и внешнеполитических нарративов лидеров РС[5]. Помимо этого, ухудшает отношения между двумя энтитетами и разница в продвигаемых ими нарративах. Сараево оценивает вмешательство в конфликт НАТО как миротворческую операцию, приведшую к завершению кровопролития. В Баня-Луке оценка этого события совершенно иная[6]. Для сербов вмешательство НАТО в конфликт является актом нарушения норм международного права. Последующие же за этим действия Североатлантического альянса трактуются Баня-Лукой как геноцид сербского народа.

Этот же фактор сохраняет свою силу и применительно к роли ЕС в событиях конца 1980-х – начала 1990-х гг. Не стоит забывать, что ЕС был одним из важнейших внерегиональных акторов, повлиявших на распад СФР Югославия. В этой связи особую роль сыграла объединенная Германия, которая стремилась создать прецедент для пересмотра условий Московского договора 1990 г.[7], проводя автономную внешнюю политику от государств-подписантов для утверждения самостоятельной роли ФРГ в Европейском Сообществе. Учитывая укрепление в умах населения стран постъюгославского пространства «югоностальгии»[8], воспоминания о деструктивной роли ЕС в процессе распада СФР Югославия могут также осложнить вступление БиГ в евроатлантические структуры.

Все эти факторы и возрастающее значение Западных Балкан как арены великодержавной конфронтации в условиях роста мировой напряженности реактуализируют необходимость оценить перспективы евроатлантической

[1] Еремин Д.П. Институт высокого представителя как вызов развитию современной Боснии и Герцеговины // Современная Европа. — 2022. — №3 (110). — С. 200. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-vysokogo-predstavitelya-kak-vyzov-razvitiyu-sovremennoy-bosnii-i-gertsegoviny (дата обращения: 19.10.2024).
[2] Пономарева Е.Г., Попадьева Т.И. Босния и Герцеговина: этнополитический фактор проблемной государственности // Обозреватель - Observer. — 2018. — №11 (346). — С. 64. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bosniya-i-gertsegovina-etnopoliticheskiy-faktor-problemnoy-gosudarstvennosti (дата обращения: 19.10.2024).
[3] Там же. С. 68.
[4] С. 131-132.
[5] С. 229-230.
[6] Босния и Герцеговина наращивает сотрудничество с НАТО // ТАСС. — URL: 22062825 (дата обращения: 16.12.2024).
[7] Фененко А.В. Геополитика «немецкого вопроса» // РСМД. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/geopolitika-nemetskogo-voprosa/?sphrase_id=149762825 (дата обращения: 16.12.2024).
[8] Мелешкина Е.Ю. Память о социалистической Югославии в публичном пространстве бывших республик СФРЮ // Полит. наука. — 2018. — №3. — С. 222-225. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pamyat-o-sotsialisticheskoy-yugoslavii-v-publichnom-prostranstve-byvshih-respublik-sfryu (дата обращения: 18.12.2024).

интеграции БиГ в условиях разделения общества по этническому принципу.

Нами было выделено несколько задач для достижения этой цели:

– Выявить политические и экономические предпосылки появления боснийско-сербского антагонизма.

– Рассмотреть противоречия, вложенные в послевоенное устройство БиГ Дейтонскими соглашениями.

– Проанализировать социальные предпосылки эскалации межэтнических конфликтов.

– Определить роль внешних игроков в актуализации межэтнического конфликта и рассмотреть исторический контекст их взаимодействия с БиГ.

В качестве рабочего определения этноса в настоящей статье принимается определение, которое было дано советским этнографом Ю.В. Бромлеем: «исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также осознанием своего единства и отличия от других таких же образований»[1]. Опираясь на это определение, мы подчеркиваем значимость устойчивости этнических идентификаций, роли межпоколенной трансмиссии ценностей. Однако в современных условиях политизации неполитического мы полагаем необходимым дополнить это определение характеристикой, традиционно выделяемой представителями инструменталистского подхода этносоциологии, признав, что этничность на современном этапе общественного развития все чаще выступает инструментом, используемым политическими лидерами в борьбе за власть. Востребованность этого инструмента объясняется тем, что он позволяет обеспечить мобилизацию общности поверх разделяющих ее социальных и классовых границ.

Также в настоящей статье мы опираемся на положения теории структурации Э. Гидденса[2]. Соотнесенность с этой концепцией позволяет сфокусировать внимание на важности учета при выявлении перспектив евроатлантической интеграции БиГ уже совершенных действий и акцентирует внимание на невозможности их “отката”. Теория рассматривает момент производства социальной практики и как момент ее воспроизводства, что наделяет социальные феномены чертой кодетерминативности.

При написании данной статьи мы также обратились к одному из подходов в исследованиях международных отношений – структурному реализму. Сторонники этого подхода рассматривают международные отношения в качестве анархичной среды, в которой нет силы, обладающей верховной легитимностью по отношению к остальным акторам[3]. Ключевой идеей реалистов также является рассмотрение характера межгосударственных интеракций как игры с нулевой суммой: если одно государство увеличивает свою мощь, то другое неминуемо эту мощь утрачивает[4]. Важно отметить, что структурные реалисты рассматривают

[1] Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. — М.: «Наука», 1983. — С. 57-58.
[2] Вершинина И. А. Формирование теории структурации Энтони Гидденса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2010. №4. — С. 105-106. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-teorii-strukturatsii-entoni-giddensa (дата обращения: 18.12.2024).
[3] Ланцова И.С. Теория структурного реализма и проблема распространения ядерного оружия в регионе Северо-Восточной Азии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. —2017. — №1. — С. 66. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-strukturnogo-realizma-i-problema-rasprostraneniya-yadernogo-oruzhiya-v-regione-severo-vostochnoy-azii (дата обращения: 18.12.2024).
[4] Сетов Н.Р. Теория «Наступательного реализма» Дж. Миэршеймера // ПОЛИТЭКС. — 2011. — №1. — С. 56. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-nastupatelnogo-realizma-dzh-miersheymera (дата обращения: 18.12.2024).

международные отношения не только как совокупность внешних политик всех государств мира, а как целостную систему, которая стремится в той или иной мере к саморегулированию.

Стоит отметить, что тема в достаточной мере проработана. Однако обратим внимание на то, что этнический фактор является многосоставным феноменом, для разбора которого требуется многогранный анализ. В то же время рассмотрены не все стороны межэтнического фактора и его влияния на политические процессы внутри БиГ, что представляет особый интерес и анализ чего является аспектом новизны настоящей работы.

ИСТОКИ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ЮГОСЛАВИИ

Перейдем к выявлению политических и экономических предпосылок межэтнического конфликта.

Вторжение стран Оси в Королевство Югославия продемонстрировало, насколько это государство оказалось ослаблено внутренними противоречиями. Доля боснийских мусульман, признавшая себя хорватами, оказалась в безопасности от усташей на территории БиГ, входившей в состав Независимого государства Хорватия (далее – НГХ). Так, 30 апреля 1941 г. появился закон об арийском происхождении мусульман в БиГ[1], в котором говорилось, что боснийские мусульмане не принадлежат к хорватской нации. На деле же боснийцы были незначительно представлены в государственных органах НГХ и оказались практически беззащитны не только перед террором, проводимым со стороны четников, но и перед террором, проводимым усташами. Все эти события замедляли развитие боснийских мусульман как отдельного этноса, насильно привязывая их к хорватам.

После завершения Второй мировой войны была учреждена Федеративная Народная Республика Югославия (далее – ФНРЮ). Межэтнические отношения в самой ФНРЮ после Второй мировой войны осложнились. В памяти сербского, боснийского и хорватского народов до сих пор остаются свежи воспоминания о периоде гонений, в совокупности с которыми события 1990-х гг. представляются скорее закономерным продолжением той борьбы, которая велась в 1940-х гг., нежели принципиально новым явлением. Тем не менее после войны страна лежала в руинах, и в последующие годы силы народа были направлены на экономическое восстановление.

Способствовало амнезии коллективных травм этих трех народов и наличие идеологического фактора. ФНРЮ являлась социалистическим государством, в основе которого лежали принципы дружбы народов и пролетарского интернационализма, что на первых этапах послевоенного восстановления способствовало нормализации межэтнических взаимоотношений и стабилизации положения во внутриполитической сфере.

«Промежуточное положение» Югославии между капиталистическим и социалистическим блоками способствовало послевоенным экономическим успехам[2]. Борьба обоих блоков за оказание влияния на Югославию представлялась как игра с нулевой суммой. Это превращало Югославию в ключевое место приложения сил обоих

[1] Кухаренко В.Н. Боснийские мусульмане в годы Второй мировой войны. — С. 267. — URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/258809/1/265-272.pdf (дата обращения: 16.12.2024).
[2] Лихарев Д.В., Осипова О.В. Югославия между СССР и США в 1946-1953 гг. // The Scientific Heritage. — 2021. — №70-4. — С. 23-24. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yugoslaviya-mezhdu-sssr-i-ssha-v-1946-1953-gg (дата обращения: 18.12.2024).

блоков, которые если и не хотели завоевать союза с ней, то стремились хотя бы сделать так, чтобы Югославия продолжала придерживаться политики нейтралитета, сохраняя статус влиятельного члена Движения неприсоединения в Европе. Это позволяло Югославии балансировать между двумя сверхдержавами, при этом получая не только гарантии безопасности от США и Великобритании, но и приток западных инвестиций, что способствовало повышению уровня жизни страны.

Ситуация начала меняться с конца 1970-х – начала 1980-х гг[1]. Рост югославской экономики достиг пика. Мировой экономический кризис 1970-х гг. замедлил темпы роста[2]. Все это вновь пробудило этнические силы внутри Югославии. Стоит отметить, что за время, прошедшее с 1920-х гг., экономическая неравномерность развития Югославии сохранилась. Так, наибольшее число производств и регионы наибольшего экономического благополучия находились на севере страны – на территории Словении и Хорватии. БиГ, Сербия и Македония, напротив, обладали меньшим промышленным потенциалом и нуждались в экономической помощи от Словении и Хорватии. Эта зависимость стала особенно актуальна в период кризиса.

Смерть Иосипа Броза Тито 4 мая 1980 г. также являлась важным фактором в последующем распаде единого государства. Фигура Иосипа Броза Тито напоминала югославам о днях благополучия и спокойствия, наступивших после кровавых событий Второй мировой войны, об общеюгославском партизанском движении, которое боролось за освобождение Югославии из-под оккупации стран Оси. Помимо этого, огромное значение играло и то, что альтернативной фигуры сопоставимого исторического значения попросту не существовало в тогдашней Югославии. В связи с этим партийное руководство постепенно начало трансформировать систему государственного управления, что привело к формированию системы коллективного управления.

Лидеры Союза коммунистов Югославии объявили о трансформации[3] государственного аппарата. Вместо поста первого председателя президиума СФР Югославия был учрежден пост председателя президиума СФР Югославия. Срок полномочий председателя исчислялся одним годом. Это привело к социально-экономическим трудностям, так как за это время председатель не имел возможности сформировать полноценный управленческий штат. Помимо этого, многократно возрастала роль лидеров союзных республик, которые имели больший срок полномочий и обладали возможностью самостоятельно проводить экономическую политику. Вследствие этого правящим структурам не удалось создать полноценный государственный механизм на союзном уровне, что получилось выстроить в рамках отдельных республик. Более экономически развитые республики Хорватия и Словения выражали недовольство отчислениями в счет дотационных – Македонии, Черногории и БиГ. Это способствовало конструированию

[1] Генкин А.С. Успехи и провалы «Югославского эксперимента» // Историко-экономические исследования. — 2015. — №3. — С. 510-512. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uspehi-i-provaly-yugoslavskogo-eksperimenta (дата обращения: 16.12.2024).
[2] Гуськова Е.Ю. Распадающаяся Югославия: можно ли было избежать войн? // Славяне и Россия. — 2019. — №1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/raspadayuschayasya-yugoslaviya-mozhno-li-bylo-izbezhat-voyn (дата обращения: 18.12.2024).
[3] Гуськова Е.Ю. Распадающаяся Югославия: можно ли было избежать войн? // Славяне и Россия. — 2019. — №1. — С. 488-489. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/raspadayuschayasya-yugoslaviya-mozhno-li-bylo-izbezhat-voyn (дата обращения: 18.12.2024).

каждой республикой самостоятельной экономической политики, что создавало благоприятные условия для нарастания центробежных сил и популяризации националистических идей.

В это же время тектонические сдвиги происходили в Восточной Европе, в которой Советский Союз стремительно утрачивал собственные позиции. Последовавшая вслед за ослаблением СССР цепочка «бархатных революций» привела к формированию вакуума власти, который стремились заполнить НАТО и Европейское сообщество для укрепления собственных позиций. В этой связи примечательно направление структурного реализма, разрабатываемое Дж. Миршаймером, фундаментальной идеей которого является развитие любой политики в тени войны[1]. Согласно наступательному структурному реализму в этих условиях государства стремятся не к закреплению status quo, а к максимальному расширению своего влияния, что и было наглядно продемонстрировано в 1990-е гг., когда НАТО и ЕС начали свое продвижение на Восток.

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕЙТОНСКОЙ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

Теперь стоит перейти к рассмотрению противоречий, вложенных в послевоенное устройство БиГ Дейтонскими соглашениями. В этом историческом контексте и необходимо рассматривать события, происходившие в 1990-х гг. в БиГ. Отличительной чертой БиГ от случаев Словении и Хорватии являлось то, что это государственное образование не имело исторического прецедента собственного существования. Последовавший вслед за отделением БиГ в 1991 г. конфликт между тремя общинами лишь подчеркнул нехватку легитимности Сараево и его во многом зависимое положение от внешних сил. Вновь обращаясь к наступательному структурному реализму Дж. Миршаймера, необходимо указать, что эти процессы являлись закономерным следствием распада единого постъюгославского пространства и стремления как сербов, так и хорватов сохранить за собой как можно большее пространство. В условиях чересполосицы расселения трех народов в БиГ излюбленным инструментом каждой из общин стали этнические чистки, с помощью которых формировались области с преобладающим населением, которые впоследствии вступили в конфликт друг с другом.

В конечном счете сформировались три протогосударственных образования: Герцег-Босна во главе с Мате Бобаном с хорватским большинством, Республика Сербска во главе с Радованом Караджичем с сербским большинством и мусульманская община во главе с Алией Изетбеговичем. С целью урегулирования нарастающего кризиса Европейским сообществом была учреждена Международная конференция по Югославии, которая в сентябре 1991 г. предложила план разделения БиГ. 18 марта 1992 г. все три общины подписали промежуточное соглашение, однако 28 марта Алия Изетбегович отозвал подпись, что привело к окончательному переходу этого конфликта в горячую стадию.

Во время функционирования Международной конференции по уже бывшей Югославии было предложено несколько планов мирного урегулирования конфликта в БиГ. Хронологически первым был план Каррингтона – Кутилейру (1992 г.), согласно которому на территории БиГ необходимо было создать конфедерацию, разделенную

[1] Сетов Н.Р. Теория «Наступательного реализма» Дж. Миэршеймера // ПОЛИТЭКС. — 2011. — №1. — С. 56-57. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-nastupatelnogo-realizma-dzh-miersheymera (дата обращения: 18.12.2024).

на кантоны, чьи границы совпадали бы с границами этнического расселения. Затем был предложен план Вэнса – Оуэна (1993 г.), в рамках которого территорию БиГ было необходимо разделить на 10 кантонов, а столицу Сараево демилитаризовать. План Оуэна – Столтенберга (1993 г.) предполагал формирование на территории БиГ унии трех республик. Каждый из этих планов мирного урегулирования не был принят одной из сторон конфликта, так как на разных этапах развития конфликта они не отвечали интересам некоторых из протогосударственных образований. План Каррингтона – Кутилейру не был принят боснийскими мусульманами, так как в случае его принятия фактическая власть в БиГ оказалась бы в руках сербов и хорватов. План Вэнса – Оуэна не был принят сербской стороной, которая к этому времени добилась значительных военных успехов. План Оуэна – Столтенберга вновь не был принят боснийцами-мусульманами, опасавшимися собственного превращения в политическое меньшинство в будущем государственном объединении. Постепенно становилось понятно, что ООН и Европейскому сообществу не удастся урегулировать этот конфликт мирными средствами самостоятельно.

В конфликт постепенно начал втягиваться Североатлантический альянс, который имел возможность оказания военного давления на противоборствующие стороны. В связи с этим в 1993 г. была принята серия резолюций Совета Безопасности ООН, которая должна была способствовать последующему мирному урегулированию боснийского межэтнического конфликта. Так, в марте 1993 г. была принята резолюция №816, которая вводила бесполетные зоны над БиГ[1]. Ответственность за контроль этих зон была передана странам НАТО. 6 мая 1993 г. Советом Безопасности ООН также были учреждены «зоны безопасности», куда могли эвакуироваться беженцы. В мае 1993 г. Советом Безопасности ООН была принята резолюция №827, результатом которой стала организация в Гааге Международного трибунала по бывшей Югославии[2]. В его компетенцию входило расследование преступлений против международного гуманитарного права, а срок действия был определен формулировкой «до последнего приговора». Данные меры, однако, на деле не способствовали мирному урегулированию. Напротив, они вели к радикализации действий этих сторон с той целью, чтобы максимально укрепить свои переговорные позиции перед неминуемым вступлением НАТО в конфликт.

В результате осады сербами Сараево страны НАТО стали открыто поддерживать боснийских мусульман в конфликте, приняв участие в подписании в марте 1994 г. в Вашингтоне соглашения о создании Мусульмано-Хорватской Федерации (далее – МХФ). Непосредственное вмешательство ЕС и НАТО в ход межэтнического конфликта в БиГ на этом этапе было выражено оказанием военной помощи боснийским мусульманам. Международная конференция по бывшей Югославии была преобразована в Контактную группу по БиГ, в состав которой входили Россия, США, Германия, Великобритания, Франция и Италия. Ею был предложен план разделения

[1] Попадьева Т.И. (Дез)интегрирующаяся Босния: амбивалентность политики идентичности в развитии общества // РСМД. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dez-integriruyushchayasya-bosniya-ambivalentnost-politiki-identichnosti-v-razvitii-obshchestva/ (дата обращения: 19.10.2024).
[2] Резолюция №816 Совета Безопасности ООН // ООН. — URL: https://digitallibrary.un.org/record/164634/files/S_RES_816(1993)-RU.pdf (дата обращения: 16.12.2024).

БиГ на два энтитета – МХФ, занимавшую 51% территории, и РС, занимавшую 49% территории. Глава РС Радован Караджич не согласился с этим планом. Злая ирония состояла в том, что президент Союзной Республики Югославия (далее – СРЮ) Слободан Милошевич принял условия плана, вследствие чего граница СРЮ с боснийскими сербами была закрыта. Со стороны Белграда прекратилось оказание военной и гуманитарной помощи.

Для легитимизации прямого военного вмешательства НАТО в боснийский конфликт между Генеральными секретарями НАТО и ООН Вилли Класом и Бутросом Бутрос-Гали в августе 1995 г. был заключен Меморандум о взаимопонимании, подразумевающий переход ведущей роли в урегулировании конфликта от ООН к НАТО. Поводом для этого стали обвинения боснийских сербов в агрессии по отношению к миротворцам ООН и в геноциде боснийских мусульман в Сребренице, которая была объявлена «зоной безопасности». Кульминацией втягивания НАТО в конфликт стало проведение операции «Обдуманная сила» в период с 30 августа по 14 сентября 1995 г., результатом которой стал отвод войск РС от Сараево. Кроме того, в результате проводимых Североатлантическим альянсом бомбардировок сербы утратили военное превосходство, что привело к ослаблению их переговорной позиции. Стороны, изможденные несколькими годами конфликта, сели за стол переговоров.

На военной базе США в Дейтоне 21 ноября 1995 г. было согласовано будущее государственное устройство БиГ. 14 декабря 1995 г., президентами БиГ, Сербии и Хорватии в Париже были подписаны Дейтонские соглашения. Учрежденная Дейтоном будущая архитектура БиГ предусматривала разделение БиГ на два энтитета: ФБиГ и РС. Столицей этого государственного образования оставалось Сараево. Функции исполнительной власти переходили учрежденному Президиуму, который состоял из трех человек. Каждый из них представлял один из конститутивных народов. Управление сферой законодательной власти было передано в ведомство Парламентской скупщины. Состав парламента избирается на основе квот, одна треть которых зарезервирована для РС и две трети – для ФБиГ. Интересен в связи с этим процесс принятия решений Парламентской скупщиной. В ней присутствует механизм «вето народа», который предусматривает блокировку любого законопроекта большинством одного из народов даже в том случае, если за принятие законопроекта проголосовало большинство в парламенте в целом. Такое устройство законодательной системы должно было блокировать принятие законопроектов, которые могли бы навредить благополучию одного из трех конститутивных народов.

Созданный при подписании Дейтонских соглашений Совет по выполнению мирного соглашения (далее – СВМС) включает в себя 55 стран и организации, оказывающие финансовую помощь постконфликтному урегулированию. Исполнительным органом СВМС стал Руководящий комитет, в состав которого вошли США, Россия, Франция, Германия, Великобритания, Италия, Япония, Канада, председатель ЕС и Организация Исламская конференция, представленная Турцией. В его задачи входит избрание ВП по БиГ.

Дейтонская архитектура должна была способствовать примирению трех конститутивных народов. Помочь им в этом должен был институт ВП, функция которого изначально заключалась в урегулировании споров между двумя энтитетами в гражданской сфере. Однако в скором времени именно

деятельность ВП превратилась в главный камень преткновения между двумя энтитетами. Так, в 1997-1998 гг. по результатам Боннско-Петерсбергского и Мадридского заседаний СВМС полномочия ВП были расширены[1]. Он получил право выносить временные решения, которые являются обязательными к исполнению органами власти БиГ, запрещать любому лицу участие в выборах и нахождение на любой государственной должности и снимать с должности любое должностное лицо. Таким образом, ВП, как показывает сравнительно недавняя история с избранием на этот пост К. Шмидта, является проводником интересов ЕС в этом регионе, обладающим достаточными полномочиями для потенциального взлома и последующего демонтажа дейтонской архитектуры.

ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ-НАДЕЖДА

В данном параграфе для оценки перспектив евроатлантической интеграции БиГ авторами были проанализированы социальные предпосылки эскалации межэтнических конфликтов, определена роль внешних игроков в актуализации межэтнического конфликта и рассмотрен исторический контекст их взаимодействия с БиГ.

ЕС и НАТО имеют общие интересы в БиГ. США и их европейские союзники, реализацией планов которых и явились Дейтонские соглашения 1995 г., на современном этапе предпринимают попытки демонтажа архитектуры Дейтона для окончательного закрепления евроатлантических структур на Западных Балканах.

Подтверждением этого тезиса, с нашей точки зрения, служат перипетии назначения на пост ВП по БиГ немецкого политика К. Шмидта, имевшие место в августе 2021 г. Его назначение не утвердили Китай и Россия, которые с момента подписания Дейтонских соглашений и по сей день остаются гарантами этого соглашения. В мае 2024 г. в Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция о «геноциде в Сребренице». Это произошло после утверждения скупщиной БиГ заключения независимой международной комиссии об отсутствии фактов геноцида в событиях, происходивших в Сребренице в 1992-1995 гг[2]. К тому же при заключении двусторонних соглашений между ЕС и БиГ не учитываются интересы РС, которая воспринимается на Западе в качестве своеобразного «троянского коня» Москвы, способного воспрепятствовать процессу евроинтеграции БиГ[3]. Иллюстрирует эти опасения обнародованный доклад Национальной разведслужбы США об угрозах в мире по состоянию на февраль 2024 г.: в разделе, посвященном Балканам, негативные коннотации оказываются связаны лишь с одним именем – президентом РС Милорадом Додиком. По мнению Запада, он предпринимает провокационные шаги с целью нейтрализации институтов международного контроля

[1] Понамарева А.М. Евроинтеграция как триггер сербского этносепаратизма в Боснии и Герцеговине // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2021. — №1. — С. 131. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evrointegratsiya-kak-trigger-serbskogo-etnoseparatizma-v-bosnii-i-gertsegovine (дата обращения: 19.10.2024).

[2] Генассамблея ООН приняла скандальную резолюцию о «геноциде в Сребренице» // РИА Новости. — URL: https://ria.ru/20240523/oon-1947981167.html (дата обращения: 16.12.2024).

[3] Понамарева А.М. Евроинтеграция как триггер сербского этносепаратизма в Боснии и Герцеговине // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2021. — №1. — С. 124. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evrointegratsiya-kak-trigger-serbskogo-etnoseparatizma-v-bosnii-i-gertsegovine (дата обращения: 19.10.2024).

БиГ и осуществления фактического отделения РС[1].

Для оценки перспектив евроатлантической интеграции БиГ необходимо выделить этапы ее взаимодействия с евроатлантическими институтами. В 2006 г. БиГ заявила о намерении вступить в НАТО, став членом программы «Партнерство ради мира»[2]. В 2008 г. на Бухарестском саммите НАТО ей удалось присоединиться к ускоренному диалогу по вступлению в альянс[3]. С 2010 г. был вынесен на обсуждение и План действий по членству в НАТО БиГ, который был одобрен странами объединения в 2018 г[4]. Идет активное сотрудничество в военной сфере, что обусловлено дислокацией военных ресурсов НАТО в Боснии и Герцеговине с 2004 г. под мандатом ООН и наличием представителей боснийских военных и политических представителей в Брюсселе[5]. Республика Сербская выступает против нарушения нейтралитета государства[6].

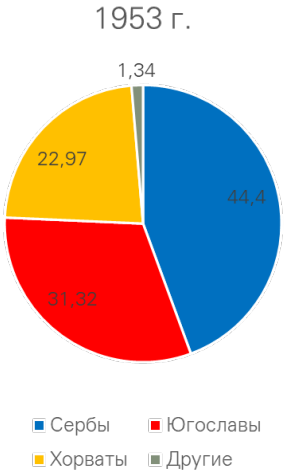
Сараево активно сотрудничает и с ЕС. В 2008 г. между ними было подписано соглашение о стабилизации и ассоциации[7], а с 2010 г. граждане получили возможность передвижения в зоне Шенгена без наличия визы. В 2016 г. Боснией и Герцеговиной была подана заявка на вступление в ЕС, в 2022 г. она получила статус кандидата[8]. Однако, несмотря на динамику развития отношений между Боснией и Герцеговиной и НАТО и определенные успехи евроинтеграции, говорить о беспроблемном вступлении в евроатлантические структуры в ближайшее время не приходится. Причиной этого является сохранение влияния этнического фактора.

Так, до сих пор живы воспоминания о вооруженном конфликте, фактически – гражданской войне, 1992-1995 гг. Выражаясь терминами французского историка Пьера Нора, “места памяти”, воспроизводящие воспоминания о событиях этого периода, представлены братскими могилами, оставшимися после этнических чисток, сохранившимися до сих пор разрушенными населенными пунктами и утратой почти в каждой семье одного из родственников[9]. Все это ведет к сохранению у сербов и боснийцев отрицательных групповых эмоций.

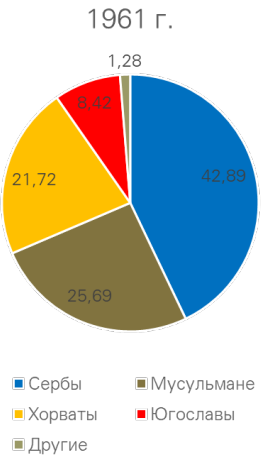
Сербы, чья идентичность оформилась раньше, чем боснийская, несут в себе отрицательную групповую эмоцию презрения. В то же время

[1] Боснию присоединят к Украине и Молдавии // Коммерсантъ. — URL: https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/6579513 (дата обращения: 16.12.2024).
[2] Кандель П.Е. Босния и Герцеговина, ЕС и НАТО // Вестник МГИМО. — 2011. — №1. — С. 78. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bosniya-i-gertsegovina-es-i-nato-p (дата обращения: 19.10.2024).
[3] Начало углубленного диалога с Боснией и Герцеговиной // NATO — News. — URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_43535.htm (дата обращения: 19.10.2024).
[4] Вашингтон одобряет планы Сараево // Регнум. — URL: https://regnum.ru/news/2539361 (дата обращения: 19.10.2024).
[5] Кондратьев С.В., Нелаева Г.А. Особенности взаимодействия Европейского Союза и Боснии и Герцеговины // Современная Европа. — 2015. — №5 (65). — С. 29. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimodeystviya-evropeyskogo-soyuza-i-bosnii-i-gertsegoviny (дата обращения: 19.10.2024).
[6] Аккая Б. Будущее Боснии и Герцеговины в контексте политики Сербской Республики // ANKASAM. — URL: https://www.ankasam.org/anka-analizler/%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B5-%D0%B1%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%B8-%D0%B8-%D0%B3%D0%B5%D1%80%D1%86%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D1%8B-%D0%B2-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BA/?lang=ru (дата обращения: 19.10.2024).
[7] Понамарева А.М. Евроинтеграция как триггер сербского этносепаратизма в Боснии и Герцеговине // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2021. — №1. — С. 136. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evrointegratsiya-kak-trigger-serbskogo-etnoseparatizma-v-bosnii-i-gertsegovine (дата обращения: 19.10.2024).
[8] Босния и Герцеговина стала кандидатом в члены ЕС // РБК. — URL: https://www.rbc.ru/politics/15/12/2022/639b7a169a794774f1900acd (дата обращения: 19.10.2024).
[9] Сабанчеев Р.Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2018. — №1 (43). — С. 34-35. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-mest-pamyati-piera-nora-kak-sposob-istoricheskoy-rekonstruktsii (дата обращения: 19.10.2024).

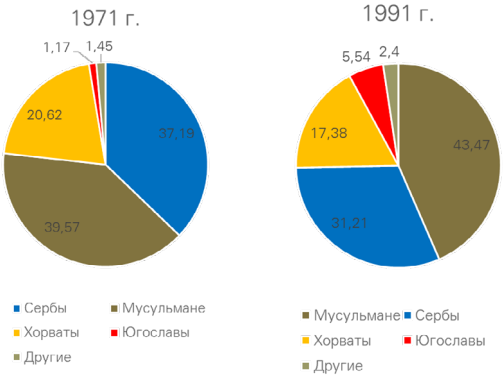
боснийцы испытывают страх, заботясь о недопущении развала БиГ на части. И повод для этого беспокойства действительно был и, по-видимому, укрепился на психологическом уровне боснийского народа. Плодотворную почву для анализа процесса укрепления этих групповых эмоций предоставляют переписи населения, которые проводились в БиГ во время югославского периода в 1953 г., 1961 г., 1971 г., 1991 г. и постъюгославского периода – 2013 г[1]. При этом периодичность проведения переписей населения также многозначна. Скорее всего, учитывая неуклонную тенденцию к росту в демографическом составе населения доли боснийских мусульман, перепись намеренно не проводилось до 2013 г., чтобы не дестабилизировать положение внутри БиГ. Перейдем к рассмотрению переписей населения 1953 г., 1961 г., 1971 г., 1991 г. и 2013 г.



До переписи населения 1961 г., исходя из данных переписи населения 1953 г., как таковой идентифицирующей себя в качестве «боснийцев» этнической группы не существовало в принципе[2]. Большинство из них идентифицировало себя в качестве югославов, однако в условиях, когда под этим понятием также обозначались и сербы, и хорваты, и словенцы и т.д., говорить исключительно о боснийцах не приходится.



В переписи населения 1961 г. уже присутствует категория людей, которая идентифицируют себя в качестве мусульман. Наиболее удивительным является то, что по большей части религиозная категория перечисляется в одном списке с национальностями – сербами, хорватами, югославами.

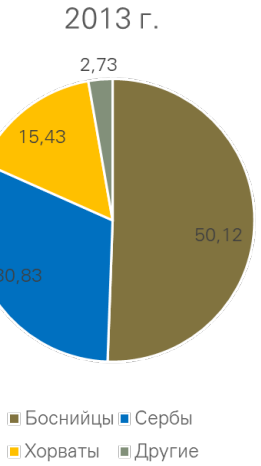


В переписях населения 1971 г. и 1991 г. эта картина повторяется, из чего можно сделать вывод, что вплоть до развала БиГ группы, члены которой идентифицировали бы себя в качестве

[1] Джокич А. Будущее Боснии и Герцеговины сквозь призму этнических конфликтов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2019. — №2. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-bosnii-i-gertsegoviny-skvoz-prizmu-etnicheskih-konfliktov (дата обращения: 19.10.2024)

[2] Джокич А. Будущее Боснии и Герцеговины сквозь призму этнических конфликтов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2019. — №2. — С. 107. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-bosnii-i-gertsegoviny-skvoz-prizmu-etnicheskih-konfliktov (дата обращения: 19.10.2024)

боснийцев, не было. Были люди, которые идентифицировали себя как мусульмане, при этом зачастую «присоединяясь» к каким-то другим этническим группам, как это было во времена управления территорией БиГ НГХ.



В переписи населения 2013 г. «боснийцы» появляются в качестве одной из этнических групп. Все это наталкивает на мысль, что данная этническая группа является сконструированной в недавнем прошлом, а именно – во время межэтнического конфликта 1992-1995 гг. Формированию боснийской идентичности также способствует и постоянное противопоставление самих себя сербам внутри БиГ. Этот социокультурный разлом накладывается на другой, такой же важный и до сих пор сохраняющий свою роль во внутриполитической жизни БиГ, – религиозный.

Помимо того, что, исходя из анализа переписей населения, можно выявить этапы формирования боснийцев как группы, обладающей определенной самоидентификацией, они также демонстрируют и тенденцию роста доли мусульмано-боснийского (в зависимости от той переписи, которая является объектом рассмотрения) населения в общем демографическом составе региона. По переписи населения 1953 г., вся категория «югославы» составляла 31,32%[1], при этом не каждый югослав являлся мусульманином. По переписи населения 1961 г. мусульмане составляли уже 25,69%[2], из чего можно сделать вывод, что по переписи населения 1953 г. действительных мусульман в категории югославов, скорее всего, было намного меньше 25,69%. В 1971 г. перепись населения продемонстрировала увеличение доли мусульман в общем населении БиГ на 13,88%, их количество достигло отметки в 39,57%. К 1991 г. темпы увеличения мусульман замедлились, однако даже так их удельная доля увеличилась, достигнув отметки в 43,47%[3]. В 2013 г. боснийцы составили уже абсолютное большинство населения в республике, достигнув доли в 50,1%[4].

Сохранение существующей тенденции количественного роста доли боснийцев в будущем может быть представлено в качестве основания для унитаризации БиГ, что гипотетически откроет республике двери для евроатлантической интеграции[5]. С этим неразрывно связано различие отношения сербов к евроатлантической интеграции в зависимости от тех политий, где проводится исследование этого отношения. Если в РС отношение к этому сценарию негативное, то население Сербии не против такого пути.

[1] Джокич А. Будущее Боснии и Герцеговины сквозь призму этнических конфликтов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2019. — №2. — С. 107. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-bosnii-i-gertsegoviny-skvoz-prizmu-etnicheskih-konfliktov (дата обращения: 19.10.2024)
[2] Там же. С. 108.
[3] Там же. С. 109.
[4] Пивоваренко А.А. Политическая статистика Боснии и Герцеговины // РСМД. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/southeasteurope/politicheskaya-statistika-bosnii-i-gertsegoviny/ (дата обращения: 19.10.2024).
[5] Еремин Д.П. Внутриполитическая ситуация в Боснии и Герцеговине на современном этапе // РСМД. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/balkanpolicy/vnutripoliticheskaya-situatsiya-v-bosnii-i-gertsegovine-na-sovremennom-etape/ (дата обращения: 19.10.2024).

Чем обусловлена эта разница? Этническим составом государства. Сербия является страной, где более 80% от общего населения составляют сербы (согласно переписи населения 2022 г., без Косово). В РС же, напротив, доля сербов продолжает уменьшаться. В случае унитаризации БиГ, которая вполне может произойти при содействии ВП, сербы могут оказаться «выдавлены» за пределы БиГ. Вероятнее всего, именно этот риск обуславливает столь упорное нежелание и народных масс, проживающих в РС, и официальной Баня-Луки идти на соглашение с евроатлантическими структурами с целью окончательной полноценной интеграции БиГ.

Однако стоит заметить, что на фоне поддерживаемой западными структурами стигматизации сербов под предлогом совершения ими военных преступлений в период югославских войн, представления РС «троянским конем» Москвы на Балканах[1], искусственное ускорение динамики евроатлантической интеграции БиГ несет в себе риски дипломатического конфликта между Сараево и Баня-Лукой, и далее – перерастание этого конфликта в вооруженное противостояние между энтитетами. Альтернативой такому пессимистичному сценарию стало бы следование основополагающим принципам Дейтонских соглашений, которые позволят конститутивным народам примириться на основе равноправного диалога и уменьшения влияния внешних сил на процессы, происходящие внутри БиГ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед подведением итогов проведенного исследования представляется необходимым провести краткий обзор поставленных нами задач.

В результате анализа политических и экономических предпосылок межэтнического конфликта нами было выявлено, что ключевым триггером межэтнических конфликтов на территории Югославии являлись неравность экономического развития союзных республик СФРЮ и нарастающая дисфункция центрального правительства.

Исходя из рассмотрения условий Дейтонских соглашений, нами были выделены противоречия, связанные с функционированием института ВП.

Опираясь на данные переписи населения Югославии и БиГ, нам удалось обнаружить онтологическое основание межэтнической напряженности. На данный момент взлом дейтонской архитектуры выгоден бошнякам, вследствие чего им удастся закрепить превосходство над сербами, угрозой безопасности для которых на данный момент и выступает изменение Дейтонских соглашений.

После рассмотрения исторического контекста взаимодействия БиГ с евроатлантическими структурами и оценки влияния внерегиональных акторов на внутриполитическую ситуацию в БиГ удалось заключить, что изменение архитектуры Дейтона играет деструктивную роль в примирении трех государствообразующих народов.

Исходя из этого, необходимо указать, что увеличивающееся давление со стороны евроатлантических структур способствует наложению в боснийском обществе политической разделенности на этническую. Это лишь с новой силой провоцирует разжигание этносепаратизма. Региональные и

[1] Понамарева А.М. Евроинтеграция как триггер сербского этносепаратизма в Боснии и Герцеговине // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2021. — №1. — С. 124. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evrointegratsiya-kak-trigger-serbskogo-etnoseparatizma-v-bosnii-i-gertsegovine (дата обращения: 19.10.2024).

внерегиональные ключевые акторы пытаются закрепиться в регионе, опираясь на этнический фактор, задействование которого многократно увеличивает уязвимость самой государственности БиГ.

Подводя итоги, можно отметить, что евроатлантическая интеграция БиГ в ближайшей перспективе невозможна в силу внутренней политической разобщенности, преодоление которой путем унитаризации может привести к возобновлению вооруженного конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аккая Б. Будущее Боснии и Герцеговины в контексте политики Сербской Республики // ANKASAM. – URL: https://www.ankasam.org/anka-analizler/%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B5-%D0%B1%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%B8-%D0%B8-%D0%B3%D0%B5%D1%80%D1%86%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D1%8B-%D0%B2-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BA/?lang=ru (дата обращения: 19.10.2024).
2. Анникова В.А., Радусинович М. Этнические конфликты на территории бывшей Югославии // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2015. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-konflikty-na-territorii-byvshey-yugoslavii (дата обращения: 16.12.2024).
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: «Наука», 1983. – 418с.
4. Вершинина И. А. Формирование теории структурации Энтони Гидденса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-teorii-strukturatsii-entoni-giddensa (дата обращения: 18.12.2024).
5. Генкин А.С. Успехи и провалы «Югославского эксперимента» // Историко-экономические исследования. – 2015. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uspehi-i-provaly-yugoslavskogo-eksperimenta (дата обращения: 16.12.2024).
6. Гуськова Е.Ю. Распадающаяся Югославия: можно ли было избежать войн? // Славяне и Россия. – 2019. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/raspadayuschayasya-yugoslaviya-mozhno-li-bylo-izbezhat-voyn (дата обращения: 18.12.2024).
7. Джокич А. Будущее Боснии и Герцеговины сквозь призму этнических конфликтов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2019. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-bosnii-i-gertsegoviny-skvoz-prizmu-etnicheskih-konfliktov (дата обращения: 19.10.2024).
8. Еремин Д.П. Внутриполитическая ситуация в Боснии и Герцеговине на современном этапе // РСМД. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/balkanpolicy/vnutripoliticheskaya-situatsiya-v-bosnii-i-gertsegovine-na-sovremennom-etape/ (дата обращения: 19.10.2024).

9. Еремин Д.П. Институт высокого представителя как вызов развитию современной Боснии и Герцеговины // Современная Европа. – 2022. №3(110). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-vysokogo-predstavitelya-kak-vyzov-razvitiyu-sovremennoy-bosnii-i-gertsegoviny (дата обращения: 19.10.2024).
10. Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. Югославский метанарратив и современная югоностальгия в странах Западных Балкан // ПОЛИТЭКС. – 2020. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yugoslavskiy-metanarrativ-i-sovremennaya-yugonostalgiya-v-stranah-zapadnyh-balkan (дата обращения: 18.12.2024).
11. Зайцев А.И. Этнополитические конфликты в Югославии в XX веке // StudNet. – 2021. – №7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnopoliticheskie-konflikty-v-yugoslavii-v-xx-veke (дата обращения: 18.12.2024).
12. Кандель П.Е. Босния и Герцеговина, ЕС и НАТО // Вестник МГИМО. – 2011. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bosniya-i-gertsegovina-es-i-nato-p (дата обращения: 19.10.2024).
13. Кондратьев С.В., Нелаева Г.А. Особенности взаимодействия Европейского Союза и Боснии и Герцеговины // Современная Европа. – 2015. – №5(65). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimodeystviya-evropeyskogo-soyuza-i-bosnii-i-gertsegoviny (дата обращения: 19.10.2024).
14. Кухаренко В.Н. Боснийские мусульмане в годы Второй мировой войны. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/258809/1/265-272.pdf (дата обращения: 16.12.2024).
15. Ланцова И.С. Теория структурного реализма и проблема распространения ядерного оружия в регионе Северо-Восточной Азии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2017. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-strukturnogo-realizma-i-problema-rasprostraneniya-yadernogo-oruzhiya-v-regione-severo-vostochnoy-azii (дата обращения: 18.12.2024).
16. Лихарев Д.В., Осипова О.В. Югославия между СССР и США в 1946-1953 ГГ. // The Scientific Heritage. – 2021. – №70(4). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yugoslaviya-mezhdu-sssr-i-ssha-v-1946-1953-gg (дата обращения: 18.12.2024).
17. Мелешкина Е.Ю. Память о социалистической Югославии в публичном пространстве бывших республик СФРЮ // Полит. наука. – 2018. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pamyat-o-sotsialisticheskoy-yugoslavii-v-publichnom-prostranstve-byvshih-respublik-sfryu (дата обращения: 18.12.2024).
18. Никулин М.А. Югославия между мировыми войнами: фундамент национальных противоречий // Власть. – 2011. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yugoslaviya-mezhdu-mirovymi-voynami-fundament-natsionalnyh-protivorechiy (дата обращения: 16.12.2024).
19. Общее рамочное о мире в Боснии и Герцеговине // Представительство Республики Сербской в Российской Федерации. –URL: https://www.rsmoscowoffice.ru/assets/app/filestorage/%D0%94%D0%B5%D0%B9%D1%82%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20(%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82).doc (дата обращения: 10.10.2024).

20. Пивоваренко А.А. Политическая статистика Боснии и Герцеговины // РСМД. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/southeasteurope/politicheskaya-statistika-bosnii-i-gertsegoviny/ (дата обращения: 19.10.2024).
21. Половченко К. А. Королевская власть в Конституции Югославии 1931 года // Социально-политические науки. – 2018. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korolevskaya-vlast-v-konstitutsii-yugoslavii-1931-goda (дата обращения: 16.12.2024).
22. Понамарева А.М. Евроинтеграция как триггер сербского этносепаратизма в Боснии и Герцеговине // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2021. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evrointegratsiya-kak-trigger-serbskogo-etnoseparatizma-v-bosnii-i-gertsegovine (дата обращения: 19.10.2024).
23. Пономарева Е.Г., Попадьева Т.И. Босния и Герцеговина: этнополитический фактор проблемной государственности // Обозреватель. – 2018. – №11(346). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bosniya-i-gertsegovina-etnopoliticheskiy-faktor-problemnoy-gosudarstvennosti (дата обращения: 19.10.2024).
24. Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. Западные Балканы: тренды влияния внешних интересантов // Дискурс-Пи. – 2023. – Т. 20. No 1. – С. 86–106. URL: https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_86 (дата обращения: 16.12.2024).
25. Попадьева Т.И. (Дез)интегрирующаяся Босния: амбивалентность политики идентичности в развитии общества // РСМД. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dez-integriruyushchayasya-bosniya-ambivalentnost-politiki-identichnosti-v-razvitii-obshchestva/ (дата обращения: 19.10.2024).
26. Резолюция №816 Совета Безопасности ООН // ООН. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/164634/files/S_RES_816(1993)-RU.pdf (дата обращения: 16.12.2024).
27. Резолюция №827 Совета Безопасности ООН // ООН. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/166567/files/S_RES_827(1993)-RU.pdf (дата обращения: 16.12.2024).
28. Сабанчеев Р.Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – №1(43). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-mest-pamyati-piera-nora-kak-sposob-istoricheskoy-rekonstruktsii (дата обращения: 19.10.2024).
29. Сетов Н.Р. Теория «Наступательного реализма» Дж. Миэршеймера // ПОЛИТЭКС. – 2011. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-nastupatelnogo-realizma-dzh-miersheymera (дата обращения: 18.12.2024).
30. Фененко А.В. Геополитика «немецкого вопроса» // РСМД. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/geopolitika-nemetskogo-voprosa/?sphrase_id=149762825 (дата обращения: 16.12.2024).

31. Эман И.Е. 2010. 02. 025. Силкин А. А. Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре, 1918-1929 гг. – СПб.: Алетейя, 2008. – 200 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. – 2010. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2010-02-025-silkin-a-a-korolevstvo-serbov-horvatov-i-sloventsev-na-puti-k-diktature-1918-1929-gg-spb-aleteyya-2008-200-s (дата обращения: 16.12.2024).
32. Югославия в XX веке: очерки политической истории // К. В. Никифоров (отв. ред.), А. И. Филимонова, А. Л. Шемякин и др. – М.: Индрик, 2011. – С. 252.
33. First results of the 2022 Census of Population, Households and Dwellings // Statistical Office of the Republic of Serbia. – URL: https://www.stat.gov.rs/en-US/vesti/statisticalrelease/?p=14061&a=31&s= (дата обращения: 16.12.2024).

REFERENCES

1. Annikova V.A., Radusinovich M. Etnicheskie konflikty na territorii byvshej Yugoslavii [Ethnic Conflicts in the Former Yugoslavia] / V.A. Annikova, M. Radusinovich // Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya. – 2015. – №4. – P. 94-101.
2. Begüm A. The future of Bosnia and Herzegovina in the context of Republika Srpska's Policies / Begüm Akkaya // ANKASAM. – URL: https://www.ankasam.org/anka-analizler/%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B5-%D0%B1%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%B8-%D0%B8-%D0%B3%D0%B5%D1%80%D1%86%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D1%8B-%D0%B2-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BA/?lang=ru (accessed: 19.10.2024).
3. Bromlej Yu.V. Ocherki teorii etnosa [Essays on the Theory of eEhnos]. – Moscow: «Nauka». – 1983. – 418 p.
4. Dzhokich A. Budushchee Bosnii i Gercegoviny skvoz' prizmu etnicheskih konfliktov [The Future of Bosnia and Herzegovina Through the Prism of Ethnic Conflict] / A. Dzhokich // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. – 2019. – №2. – P. 105-112.
5. E`man I.E., Silkin A. A. Korolevstvo serbov, horvatov i slovencev: na puti k diktature, 1918-1929 gg. [The Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes: Towards Dictatorship, 1918-1929] / I.E. E`man, Silkin A.A. // Social`ny`e i gumanitarny`e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5, Istoriya: Informacionno-analiticheskij zhurnal. – 2010. – №2. – P. 129-133.
6. Efremenko D.V., Meleshkina E.Yu. Yugoslavskij metanarrativ i sovremennaya yugonostal'giya v stranah Zapadnyh [Balkan Yugoslav Metanarrative and Contemporary Yugonostalgia in Western Balkan Countries] / D.V. Efremenko, E.Yu. Meleshkina // POLITE`KS. – 2020. – №1. – P. 78-100.
7. Eremin D.P. Vnutripoliticheskaya situaciya v Bosnii i Gercegovine na sovremennom etape [Current Internal Political Situation in BiH] / D.P. Eremin // RSMD. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/balkanpolicy/vnutripoliticheskaya-situatsiya-v-bosnii-i-gertsegovine-na-sovremennom-etape/ (accessed: 19.10.2024).

8. Eremin D.P. Institut vysokogo predstavitelya kak vyzov razvitiyu sovremennoj Bosnii i Gercegoviny [The High Representative Institution as a Challenge to the Development of Modern Bosnia and Herzegovina] / D.P. Eremin // Sovremennaya Evropa. – 2022. – №3 – P. 199-209.
9. Fenenko A.V. Geopolitika «nemeckogo voprosa» [Geopolitics of the «German Issue»] / A.V. Fenenko // RSMD. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/geopolitika-nemetskogo-voprosa/?sphrase_id=149762825 (accessed: 16.12.2024).
10. First results of the 2022 Census of Population, Households and Dwellings // Statistical Office of the Republic of Serbia. – URL: https://www.stat.gov.rs/en-US/vesti/statisticalrelease/?p=14061&a=31&s= (accesed: 16.12.2024).
11. Genkin A.S. Uspekhi i provaly «Yugoslavskogo eksperimenta [Success and Failure of the Yugoslav Experiment] / A.S. Genkin // Istoriko-e`konomicheskie issledovaniya. – 2015. – №3. – P. 494-513.
12. Gus`kova E.Yu. Raspadayushchayasya Yugoslaviya: mozhno li bylo izbezhat' vojn? [Yugoslavia on the Brink of Break-up: Was It Possible to Avoid the War?] / E.Yu. Gus`kova // Slavyane i Rossiya. – 2019. – №1. – P. 479-498.
13. Kandel` P.E. Bosniya i Gercegovina, ES i NATO [Bosnia and Herzegovina, EU and NATO] / P.E. Kandel` // Vestnik MGIMO. – 2011. – №1. – P. 77-86.
14. Kondrat`ev S.V., Nelaeva G.A. Osobennosti vzaimodejstviya Evropejskogo Soyuza i Bosnii i Gercegoviny [The EU-Bosnia Relations in the Context of the EU Enlargement to the Balkans] / S.V. Kondrat`ev, G.A. Nelaeva // Sovremennaya Evropa. – 2015. – №5. – P. 28-35.
15. Kuxarenko V.N. Bosnijskie musul'mane v gody Vtoroj mirovoj vojny [Bosnian Muslims in the Years of the Second World War] / V.N. Kuxarenko // Vyalikaya Ajchy`nnaya vajna ў lyose belaruskaga naroda: mate`ry`yaly` mizhnar. navuk. kanf. – 2020 – P. 265-272.
16. Lanczova I.S. Teoriya strukturnogo realizma i problema rasprostraneniya yadernogo oruzhiya v regione Severo-Vostochnoj Azii [The Theory of Structural Realism and the Issue of Nuclear Proliferation in Northeast Asia] / I.S. Lanczova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodny`e otnosheniya. – 2017. – №1. – P. 64-73.
17. Lixarev D.V., Osipova O.V. Yugoslaviya mezhdu SSSR i SShA v 1946-1953 [Yugoslavia Between the USSR and the USA in 1946-1953] / D.V. Lixarev, O.V. Osipova // The Scientific Heritage. – 2021. – №70-4. – P. 23-32.
18. Meleshkina E.Yu. Pamyat' o socialisticheskoj Yugoslavii v publichnom prostranstve byvshih respublik SFRYu [Memory of Socialist Yugoslavia in Public Sphere of the Former SFRY Republics] / E.Yu. Meleshkina // Polit. nauka. – 2018. – №3. – P. 217-237.
19. Nikulin M.A. Yugoslaviya mezhdu mirovymi vojnami: fundament nacional'nyh protivorechij [Yugoslavia Between the World Wars: The Foundation of National Conflicts] / M.A. Nikulin // Vlast`. – 2011. – №1. – P. 145-148.
20. Pivovarenko A.A. Politicheskaya statistika Bosnii i Gercegoviny [Political Statistics of Bosnia and Herzegovina] / A.A. Pivovarenko // RSMD. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/southeasteurope/politicheskaya-statistika-bosnii-i-gertsegoviny/ (accessed: 19.10.2024).

23. Polovchenko K. A. Korolevskaya vlast' v Konstitucii Yugoslavii 1931 goda [Royal Power in the Yugoslavian Constitution of 1931] / K.A. Polovchenko // Social`-no-politicheskie nauki. – 2018. – №2. – P. 98-102.
24. Ponamareva A.M. Evrointegraciya kak trigger serbskogo etnoseparatizma v Bosnii i Gercegovine [Eurointegration as a Trigger for the Serbian Ethnic Separatism in Bosnia and Herzegovina] / A.M. Ponamareva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodny`e otnosheniya i mirovaya politika. – 2021. – №1. – S. 120-156.
25. Ponomareva E.G., Arlyapova E.S. Zapadnye Balkany: trendy vliyaniya vneshnih interesantov [Western Balkans: Influence Trends of External Stakeholders] / E.G. Ponomareva, E.S. Arlyapova // Diskurs-Pi. – 2023. – №1. – P. 86–106.
26. Ponomareva E.G., Popad`eva T.I. Bosniya i Gercegovina: etnopoliticheskij faktor problemnoj gosudarstvennosti [Bosnia and Herzegovina: The Ethnopolitical Factor of Problematic Statehhod] / E.G. Ponomareva, T.I. Popad`eva // Obozrevatel` – 2018. – №11. – P. 63-76.
27. Popad`eva T.I. (Dez)integriruyushchayasya Bosniya: ambivalentnost' politiki identichnosti v razvitii obshchestva [(Dis)integrating Bosnia: The Ambivalence of Identity Politics in Societal Development] / T.I. Popad`eva // RSMD. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dez-integriruyushchayasya-bosniya-ambivalentnost-politiki-identichnosti-v-razvitii-obshchestva/ (accessed: 19.10.2024).
28. Sabancheev R.Yu. Koncepciya «mest pamyati» P'era Nora kak sposob istoricheskoj rekonstrukcii [Pierre Nora's concept of «sites of memory» as a method of historical reconstruction] / R.Yu. Sabancheev // Gumanitarny`e issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal`nem Vostoke. – 2018. – №1. – P. 33-38.
29. Setov N.R. Teoriya «Nastupatel'nogo realizma» Dzh. Miershejmera [The Theory of «Offensive Realism» by J. Mearsheimer] / N.R. Setov // POLITE`KS. – 2011. – №1. – P. 54-61.
30. The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina // Predstavitel`stvo Respubliki Serbskoj v Rossijskoj Federacii. – URL: https://www.rsmoscowoffice.ru/assets/app/filestorage/%D0%94%D0%B5%D0%B9%D1%82%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20(%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82).doc (accessed: 10.10.2024).
31. UN Security Council Resolution 816 // UN. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/164634/files/S_RES_816(1993)-RU.pdf (accessed: 16.12.2024).
32. UN Security Council Resolution 827 // UN. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/166567/files/S_RES_827(1993)-RU.pdf (accessed: 16.12.2024).
33. Vershinina I.A. Formirovanie teorii strukturacii Entoni Giddensa [Formation of Anthony Giddens's Theory of Structuration] / I.A. Vershinina // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. – 2010. – №4. – P. 103-118.
34. Yugoslaviya v XX veke: ocherki politicheskoj istorii [Yugoslavia in the 20th Century: Essays in Political History] / [A.L. Shemyakin i dr.; pod red. K.V. Nikiforov., A.I. Filimonova, A.L. Shemyakin]. – Moskva: Indrik – 2011. – 888 p.
35. Zajcev A.I. Etnopoliticheskie konflikty v Yugoslavii v XX veke [Ethnopolitical Conflicts in Yugoslavia in the XX Century] / A.I. Zajcev // StudNet. – 2021. – №7. – P. 1676-1685.

Приоритеты внешней политики администрации Дональда Трампа в отношениях с Японией

Погодин Никита Сергеевич
МГИМО МИД России
Факультет международных отношений, 3 курс

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена анализу эволюции и перспектив японо-американских отношений в контексте смены политических администраций в США и Японии. Основное внимание уделяется периоду президентства Дональда Трампа (2017–2021 гг.) и последнему этапу взаимодействия при Д. Байдене и премьер-министре Японии Ф. Кисида. В статье исследуются ключевые аспекты двусторонних отношений, включая экономическое сотрудничество, военно-стратегическое партнерство и региональную безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

В первой части статьи рассматривается политика администрации Трампа, которая характеризовалась выходом из Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и ужесточением торговых условий для Японии при сохранении протекционистских мер в автомобильной промышленности. Несмотря на это, сотрудничество США и Японии даже усилилось: Япония стремилась сохранить альянс, увеличивая инвестиции в американскую экономику и развивая военное сотрудничество с США. Одновременно Токио активизировал диалог с Китаем, Россией и Индией, диверсифицируя внешнеполитические связи, опасаясь проведения США политики изоляционизма в АТР.

Вторая часть статьи анализирует этап отношений при администрации Д. Байдена. В работе отмечается, что во время президентского срока Д. Байдена сохранился курс на экономический прагматизм и углубление военного сотрудничества, однако смена лидеров в 2024 г. (возвращение Д. Трампа и приход С. Исибы) внесла неопределенность. В работе выделяются риски для Японии, связанные с возможным ужесточением тарифной политики США, а также потенциал сближения в оборонной сфере, включая дискуссии о пересмотре 9-й статьи Конституции Японии.

В заключении предлагается прогноз двусторонних отношений между Японией и США относительно того, останутся ли отношения партнерскими, но асимметричными, с преимуществом для США, или же Япония, опасаясь отдаления Вашингтона, прибегнет к диверсификации партнеров в АТР. Тем не менее в статье указывается, что полный разрыв с США маловероятен из-за экономической и стратегической зависимости в сфере безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
США; Япония; Дональд Трамп; Сигэру Исиба; АТР; экономика; двусторонние отношения.

Для связи с автором: pogodin080@gmail.com

Priorities of the Foreign Policy of Donald Trump's Administration in Relations with Japan

Nikita S. Pogodin
MGIMO University
School of International Relations, 3rd Year

ABSTRACT

The article examines the evolution and prospects of Japan-US relations amid political transitions in both countries. It focuses on two key periods: Donald Trump's presidency (2017–2021) and recent developments under Joe Biden and Japanese Prime Minister Fumio Kishida. The study explores core aspects of bilateral ties, including economic cooperation, military-strategic partnership, and regional security in the Indo-Pacific.

The first section analyzes the Trump administration's policies, marked by the US withdrawal from the Trans-Pacific Partnership (TPP) and stricter trade terms for Japan, particularly in the automotive sector. Despite these challenges, Japan sought to preserve the alliance by boosting investments in the US economy and enhancing defense collaboration. Simultaneously, Tokyo diversified its foreign policy by strengthening dialogue with China, Russia, and India. The second section evaluates the Biden-Kishida era, noting continuity in economic pragmatism and deepened military cooperation. However, the 2024 leadership changes—Trump's return and Shigeru Ishiba's rise in Japan—introduced new uncertainties. The article highlights risks for Japan, such as potential US tariff escalations, alongside opportunities for closer defense ties, including debates over revising Japan's pacifist Article 9.

The conclusion forecasts two scenarios: either maintaining an asymmetric partnership favoring the US or Japan diversifying its regional alliances to counter Washington's isolationist tendencies. Nonetheless, a complete cutoff of bilateral relations with the US is deemed unlikely due to Japan's entrenched economic and security dependencies.

KEYWORDS

USA; Japan; Donald Trump; Shigeru Ishiba; Asia-Pacific Region; economy; bilateral relations.

Contact the author via pogodin080@gmail.com

Япония и США являются ключевыми странами в Азиатско-Тихоокеанском регионе, характер взаимодействия между которыми во многом определяет баланс сил в нем и темпы его развития. Союзнические отношения между данными странами позволяют поддерживать статус-кво в регионе, сохраняя существующий баланс сил между государствами, которые тяготеют к сотрудничеству с Западом с одной стороны и государствами, предпочитающими в качестве партнера Китай с другой. После проведения выборов в обеих странах остается неопределенной концепция взаимодействия новых администраций США и Японии в двусторонних отношениях между собой. На протяжении истории их двусторонние отношения претерпевали как периоды сближения, так и периоды отдаления друг от друга. Следовательно, актуальной является необходимость оценить перспективы взаимодействия данных стран в будущем, что поможет предопределить возможные направления развития внешней политики государств в регионе.

Научная новизна статьи состоит в оценке актуальных событий, происходящих на международной арене, позволяющих определить перспективы развития двусторонних отношений между США и Японией в ближайшем будущем.

Объектом исследования являются международные отношения. Предметом исследования являются двусторонние отношения между США и Японией.

Целью данного исследования является формулирование вариантов развития двусторонних отношений между Японией и США.

Задачи:

1. определение основных принципов политики Трампа на японском направлении в 2016-2020-х гг.;

2. анализ политики Байдена в Азиатско-Тихоокеанском регионе в отношении Японии;

3. оценка актуальной ситуации, возникшей после проведения выборов в Японии и США;

4. формулирование вариантов взаимодействия США и Японии после смены глав правительств.

Теоретико-методологическая основа исследования: с теоретической точки зрения – исследование мнений сторон относительно перспектив развития двусторонних отношений; рассмотрение предыдущих действий государств, направленных на укрепление двусторонних связей. С методологической точки зрения – сравнительно-исторический анализ двусторонних отношений США и Японии, контент-анализ выступлений лидеров государств и международно-правовых документов, эконометрическое моделирование.

Основой исследования является анализ научных работ авторов, специализирующихся на изучении тематики статьи. Рассматриваются труды экспертов по японскому региону Д.В. Стрельцова («Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода») и Шеилы Смит («Stability in Tokyo, disruption in Washington»); А.В. Торкунова («Стратегия администрации Трампа в Азиатско-тихоокеанском регионе»), являющегося специалистом по международным отношениям в АТР; Истомина И.А. («Политика США в Восточной Азии в период правления администрации Д. Трампа»), который занимается исследованием теории международных отношений и внешней политики США; и иных научно-исследовательских работ, связанных с тематикой данной статьи. Помимо этого, статья рассматривает ключевые международно-правовые договоры, регламентирующие взаимоотношения между Японией и США в период с

первого до второго президентского срока Д. Трампа, включая период руководства государством Д. Байдена. Работа основывается на анализе последних событий, имеющих влияние на двусторонние отношения между Японией и США, исходя из которых выделяются основные причины сближения или отдаления сторон в ближайшем будущем.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯПОНИИ И США В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНСТВА Д. ТРАМПА В 2017-2021 ГГ.

Предыдущий президентский срок Дональда Трампа был неоднозначен в отношении тихоокеанского региона. В первую очередь следует отметить, что Трамп отказался от Транстихоокеанского партнерства (ТТП)[1], в силу протекционистского вектора его политики на создание рабочих мест внутри своей страны, а не за рубежом. Этому же поспособствовала более жесткая политика в области внешней торговли. ТТП предполагало доступ на американский рынок товаров иностранных конкурентов[2], что не совпадало со стратегическими интересами администрации Д. Трампа. После выхода США из соглашения возник вопрос возможности установления взаимовыгодного сотрудничества стран региона с США. Данное событие вызвало неоднозначную реакцию в Японии. С одной стороны, правительство Японии во главе с премьер-министром С. Абэ приложило большое количество усилий на создание ТТП совместно с 44-м президентом США Б. Обамой, однако в итоге данное соглашение не привело к желаемому результату. В то же время Вашингтон передавал огромную сферу влияния Японии, предоставив ей возможность вести дальнейшие переговоры относительно ТТП без участия США[3].

Одновременно японская сторона пыталась сохранить партнерство с США посредством установления близких контактов между премьер-министром С. Абэ и Д. Трампом, что во многом вызвано опасениями ухода США из региона, что станет стимулом для Китая укрепить свои позиции в нем[4]. Стоит отметить большое количество телефонных разговоров между лидерами государств, формальные и неформальные встречи[5], которые помогали поддерживать связь и обмениваться мнениями по наиболее интересующим стороны вопросам. Данная политика С. Абэ позволила укрепить отношения с США и открыла несколько путей для взаимодействия.

В экономическом плане Япония стремилась добиться наиболее выгодных условий для своих компаний на американском рынке. В то же время политика Д. Трампа была направлена больше на защиту интересов экономики США, нежели на развитие международных связей, что выражалось в нежелании президента США идти на какие-либо уступки в данной области для своих конкурентов. Так,

[1] Истомин И., Водопьянов К., Старостин Н., Ларионова А., Политика США в Восточной Азии в период правления администрации Д. Трампа // РСМД: сайт. — 2017. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-ssha-v-vostochnoy-azii-v-period-pravleniya-administratsii-d-trampa/?sphrase_id=130025900 (дата обращения: 09.02.2025).
[2] Костюнина Г.М. Транстихоокеанское партнерство: основные положения соглашения и потенциальный эффект / Г.М. Костюнина, Баранов В.И. // Журнал «Международная Жизнь». — 2016. — №2. — URL: https://interaffairs.ru/news/show/14841.
[3] Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63, № 9. — С. 45.
[4] Там же.
[5] Трифонова А. (Не) разлей вода: перспективы японо-американского сотрудничества после президентских выборов в США / А. Трифонова // РСМД: сайт. — 2025. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/ne-razley-voda-perspektivy-yapono-amerikanskogo-sotrudnichestva-posle-prezidentskikh-vyborov-v-ssha/?sphrase_id=175376534 (дата обращения: 09.02.2025).

стоит выделить двусторонний договор о сотрудничестве с Японией (англ. U.S.-Japan Trade Agreement), подписанный в октябре 2019 г., результатом которого стало снижение Японией тарифов на американскую сельскохозяйственную продукцию в обмен на незначительное снижение пошлин на некоторые промышленные товары из Японии при сохранении пошлин на японские автомобили[1]. Текст договора предусматривает поэтапное снижение пошлин на определенные товары сельскохозяйственной продукции. Так, например, пошлины на говядину должны были снижаться следующим образом:

1. год 1-2: уровень пошлин 38,5%;
2. год 3-9: уровень пошлин 30%;
3. год 10-13: уровень пошлин 20%;
4. год 14: уровень пошлин 18%;
5. с 15 года снижение пошлин на 1% ежегодно, если защитные меры не применялись (договор предполагает введение защитных мер, если импорт превышает установленные квоты)[2].

Экономическая динамика по сельскохозяйственным товарам (говядина, свинина, молочные продукты, зерновые, фрукты и другие продукты) показывает увеличение экспорта США данных продуктов в Японию, что подтверждает эффективность договора (таблица 1).

ТН ВЭД	Название продукта	2016	2017	2018	2019	2020	2021
'02	Мясо; съедобные мясные субпродукты	2 849	3 211	3 376	3 282	3 338	3 590
'04	Молочная продукция; продукты животного происхождения	196	236	253	247	275	292
'08	Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых или дынь	913	873	940	856	882	842
'10	Зерновые культуры	3 208	3 494	4 266	3 516	3 186	4 585

[1] Демчук Ф.Г. Трамп и Япония: новый тихоокеанский поворот? Итоги политики Дональда Трампа в Японии / Ф. Г. Демчук // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2021. — Т. 23, № 1. — С. 77.
[2] Annex I. Tariffs and Tariff-Related Provisions of Japan // Office of the United States Trade Representative (USTR). — P. I-B-4-3. -URL: https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/japan/Annex_I_Tariffs_and_Tariff-Related_Provisions_of_Japan.pdf (дата обращения: 07.06.2025).

'11	Продукты мукомольного производства; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина	41	46	43	46	54	50
'19	Готовые продукты из зерна, муки, крахмала или молока; кондитерские изделия	105	108	108	102	103	111

Таблица 1. Экспорт сельскохозяйственной продукции из США в Японию (в млн. долл.)[1].

В то же время договор предусматривал сохранение уровня пошлин на японские автомобили и автозапчасти, и американская сторона гарантировала отсутствие дополнительных торговых барьеров для японских промышленных товаров[2].

Таким образом, очевидна выгода для США от данного договора: не предоставляя почти никаких выгод Японии, конкуренту в области автомобильной промышленности, США смогли обеспечить себе упрощенный выход на японский рынок для своих товаров. Помимо этого, Япония увеличила объем инвестиций в американскую экономику, надеясь на уступки в области экономики со стороны США[3].

Тем не менее были и прецеденты взаимодействия сторон, которые были выгодны как США, так и Японии. Так, например, в ноябре 2018 г. США и Япония совместным заявлением определили приверженность обеих сторон выполнить положения новой стратегии «Свободного и открытого Индотихоокеанского региона» (англ. Free and Open Indo-Pacific), в рамках которой углубилось сотрудничество в сфере энергетики, инфраструктуры, цифровой экономики, установления открытого рынка, безопасности и развития человеческого капитала[4]. В частности, в рамках соглашения США вместе с Японией инвестировали 23 млн. долл. в развитие энергетической сферы в Папуа-Новая Гвинея[5], 29 млн. долл. для обеспечения энергетической

[1] TradeMap. Bilateral trade between Japan and the United States // International Trade Centre: site. — URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c392%7c%7c842%7c%7c02%7c%7c%7c6%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 07.06.2025).
[2] Annex II. Tariffs and Tariff-Related Provisions of the United States // Office of the United States Trade Representative (USTR): site. — p. II, p. 7. — URL: https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/japan/Annex_II_Tariffs_and_Tariff-Related_Provisions_of_the_United_States.pdf (дата обращения: 07.06.2025).
[3] Торкунов А.В. Стратегия администрации Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе / А. В. Торкунов // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63, № 6. — С. 31.
Diplomatic Bluebook 2018. Chapter 1. Section 2.1 // Ministry of Foreign Affairs of Japan: site. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2018/html/chapter1/c0102.html#sf01(дата обращения: 07.06.2025).
[4] Diplomatic Bluebook 2018. Chapter 1. Section 2.1 // Ministry of Foreign Affairs of Japan: site. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2018/html/chapter1/c0102.html#sf01(дата обращения: 07.06.2025).
[5] Free and Open Indo-Pacific // U.S. Department of State. November 4, 2019. — P. 11. — URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf (дата обращения: 07.06.2025).

безопасности региона Меконг[1], 1,5 млрд. долл. в энергетику Индонезии[2]. В то же время во время встречи представителей Японии и США японская сторона подчеркнула, что является второй страной по инвестициям в экономику США (421.1 млрд. долл.)[3], что подчеркивает важность для США поддержания партнерских отношений с Японией.

Итогом взаимодействия стран в области экономики стало значительное укрепление позиций США в регионе, а также усиление партнерства США и Японии во многих ее областях, что также подтверждается увеличением товарооборота между странами за данный промежуток времени (таблица 2).

Страна	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Япония	200	209	224	222	190	219

Таблица 2. Товарооборот Японии и США 2016-2021 гг. (в млрд. долл.)[4].

В области военного сотрудничества обе страны также реализовали свои интересы. Стимулирующим фактором сближения в данной сфере стали продолжающиеся ракетные пуски со стороны КНДР и отсутствие какой-либо реакции на это со стороны КНР[5]. В попытке сдержать рост напряжений в регионе, Япония и США усилили военное сотрудничество: в июле 2017 г. на полях саммита G20 в Гамбурге прошла встреча лидеров США, Японии и Южной Кореи, результатом которой стало принятие совместного заявления, по которому новая администрация признала прежние договоренности по обеспечению совместной безопасности от внешних угроз и выражала стремление усилить взаимодействие с целью поддержания безопасности в регионе[6]. Вследствие этого Япония увеличила закупки оборонительной техники у США и увеличила свои военные расходы (таблица 3, таблица 4).

ТН ВЭД	Название продукта	2017	2018	2019
'9306	Бомбы, гранаты, торпеды, мины, ракеты, патроны и прочие боеприпасы, и снаряды	12	13	24
'9305	Части и принадлежности для оружия и аналогичных изделий товарных позиций 9301–9304	38	67	42
'9301	Военное оружие, включая пистолеты-пулемёты	5	13	5
'9304	Пружинное, пневматическое и газовое оружие, дубинки и прочее неогнестрельное оружие	1	1	1

Таблица 3. Экспорт вооружения из США в Японию (в млн. долл.)[7].

Однако, исходя из статистических данных (таблица 3), заметно, что, хотя рост экспорта вооружений из США действительно был в 2018 г., в 2019 г. он резко сократился и почти вернулся к значениям 2017 г. Тем не менее данная информация вновь свидетельствует об экономической выгоде для США, которые смогли увеличить продажи собственного производства и при этом не заключали договоренностей об инвестициях в военно-промышленный сектор Японии.

[1] Там же, с. 17.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] TradeMap. Bilateral trade between Japan and the United States // International Trade Centre: site. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1|392||842||TOTAL|||2|1|1|1|2|1|1|1|1|1 (accessed: 07.06.2025).
[5] Истомин И., Водопьянов К., Старостин Н., Ларионова А., Политика США в Восточной Азии в период правления администрации Д. Трампа // РСМД: сайт. — 2017. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-ssha-v-vostochnoy-azii-v-period-pravleniya-administratsii-d-trampa/?sphrase_id=130025900 (дата обращения: 09.02.2025).
[6] Ministry of Foreign Affairs of Japan. Diplomatic Bluebook 2017 — URL: https://www.mofa.go.jp/files/000271138.pdf (дата обращения: 07.06.2025).
[7] TradeMap. Bilateral trade between Japan and the United States // International Trade Centre: site. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c392%7c%7c842%7c%7c93%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 07.06.2025).

Осознавая, что США пытаются обеспечить бóльшую выгоду для своего государства, не учитывая интересы Японии, и принимая во внимание тот факт, что Д. Трамп вполне способен проводить политику изоляционизма в регионе после его выхода из ТТП, Япония одновременно с попыткой развития двусторонних отношений с США принимает решение продвигать свои интересы в регионе самостоятельно. Премьер-министр С. Абэ провел несколько встреч с лидерами стран региона, претендующих на увеличение своего влияния в нем, а именно: с лидерами Китая, России и Индии[1]. В рамках них С. Абэ стремился урегулировать основные вопросы, препятствующие развитию двусторонних отношений между странами, а также пытался достигнуть договоренностей в пользу интересов Японии.

Таким образом, предыдущий президентский срок Трампа характеризуется плотным взаимодействием между Японией и США. Тем не менее выгода для США от данного взаимодействия очевидна. Во многом Япония, не желая ухода США из региона, стремилась пойти на уступки в различных сферах. Это вынудило японскую сторону искать пути построения сотрудничества со странами региона без участия США, опираясь исключительно на свой собственный потенциал.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОТНОШЕНИЙ США И ЯПОНИИ

Политический курс Д. Байдена на японском направлении не претерпел значительных изменений по сравнению с политикой других президентов Соединенных Штатов. В экономической области США так же стремятся защитить собственные интересы за счет партнеров. Так, несмотря на согласие акционеров, не состоялась сделка по выкупу Nippon Steel американской компании US Steel[2]. В данном случае США не хотели потерять конкурентоспособность критически важных отраслей промышленности, чтобы не упустить позиции на мировом рынке. Однако в то же время США нарастили инвестиции в экономику Японии в области искусственного интеллекта и технологий[3]. В военной сфере сохраняется курс на углубление стратегического партнерства между двумя странами. Япония продолжает увеличивать закупки военной техники у США, особенно отмечается резкий рост экспорта вооружений из США в 2024 г. (таблица 5) на фоне визита премьер-министра Ф. Кисида в Соединенные Штаты и достижения договоренностей между сторонами о значительном укреплении сотрудничества в военной сфере[4].

[1] Sheila A. Smith, Charles T. McClean, Stability in Tokyo, disruption in Washington / Sheila A. Smith, Charles T. McClean // Comparative Connections: A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations. — 2019. — P. 15-16. — URL: https://cc.pacforum.org/wp-content/uploads/2019/01/1803_USJapan.pdf (дата обращения: 07.06.2025).
[2] Парамонов О. Новые грани японо-американского альянса на фоне Хиросимы и Нагасаки / О. Парамонов // Журнал «Международная жизнь»: сайт. — 2024. — URL: https://interaffairs.ru/news/show/45698 (дата обращения: 09.02.2025).
[3] Там же.
[4] Japan-U.S. Global Partnership // The Government of Japan: site. June 2024. — URL: https://www.japan.go.jp/kizuna/2024/06/japan-us_global_partnership.html (дата обращения: 07.06.2025).

ТН ВЭД	Название продукта	2017	2018	2019
'9306	Бомбы, гранаты, торпеды, мины, ракеты, патроны и прочие боеприпасы, и снаряды	12	13	24
'9305	Части и принадлежности для оружия и аналогичных изделий товарных позиций 9301–9304	38	67	42
'9301	Военное оружие, включая пистолеты-пулемёты	5	13	5
'9304	Пружинное, пневматическое и газовое оружие, дубинки и прочее неогнестрельное оружие	1	1	1

Таблица 5. Экспорт вооружения из США в Японию (в млн. долл.)[1].

Конец 2024 г. стал периодом неопределенности в отношениях между США и Японией. В обеих странах произошла смена власти, причем в США был избран Д. Трамп, характеризующийся как нестабильный лидер, от которого можно ожидать принятия любых решений, а в Японии – премьер-министр С. Исиба – лидер правительства меньшинства, не обладающий сильной репутацией. До начала 2025 г. сохранялась дистанция между руководителями государств. Так, можно выделить отказ президента США встретиться с премьер-министром Японии в рамках саммита Группы двадцати в Рио-де-Жанейро[2], в то время как с семьей бывшего премьер-министра Японии С. Абэ Д. Трамп сохранял близкие отношения.

Однако риторика премьер-министра Японии об отмене 9 статьи Конституции Японии об отказе от войны как средства разрешения споров и трансформации Сил самообороны Японии, которой он придерживался с 2000-х гг. в период руководства Управлением национальной обороны, основанная на своих заявлениях о необходимости применения превентивных ракетных ударов для сдерживания потенциальных угроз, а также отстаивание им создания единой системы ПРО с США[3], одновременно с его позицией о необходимости включения Японии в процесс принятия решений об использовании ядерного оружия совместно с США[4], говорит о близости интересов с администрацией Д. Трампа, которая выступает за усиление своего союзника в АТР, что

[1] TradeMap. Bilateral trade between Japan and the United States // International Trade Centre: site. — URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c392%7c%7c842%7c%7c93%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения 07.06.2025)

[2] Schöttli U. A new era is dawning in Japan-U.S. relations / U. Schöttli // GIS Reports: official website. — URL: https://www.gisreportsonline.com/r/us-japan-relations/ (дата обращения 09.02.2025).

[3] Liff A. Profile: Shigeru Ishiba, Minister of Defense // Japan Inc. Magazine. — 2008. — №76. — URL: https://www.japaninc.com/mgz_mar-apr_2008_shigeru-ishiba (дата обращения: 07.06.2025).

[4] Япония и США укрепляют сотрудничество в сфере безопасности // ТАСС: сайт. — 2024. — URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22109755(дата обращения: 07.06.2025).

может стать отправной точкой в укреплении отношений с Японией. С другой стороны, это может означать чрезмерный рост военного потенциала Японии, что может дать стимул ухода от покровительственных отношений с США. Таким образом, в области военного партнерства между странами будет сохраняться состояние неопределенности до тех пор, пока не будут приняты конкретные шаги сторон.

Позиция Д. Трампа, заключающаяся в необходимости повышения пошлин на экспорт в США[1], является определенным сигналом для стран, сотрудничающих с США, в том числе и для Японии, что американская сторона желает увидеть определенные уступки в области экономики в свою пользу. Данный инструмент не является нововведением и активно использовался Д. Трампом во время его первого президентского срока: например, президент США прибегал к таким методам и во время заключения соглашения о сотрудничестве с Японией в 2019 г. Эффективность данной политики заключается в том, что помимо прямого влияния, она также является косвенным инструментом регулирования двусторонних отношений со странами. Так, администрация США может ввести пошлины непосредственно на товары, ввозимые из Японии, а может оказывать непрямое влияние посредством введения пошлин на другие страны, где Япония производит свою продукцию, влияя тем самым на цепочки создания стоимости товаров. Отсюда возникает угроза экономической безопасности Японии при сохранении близкого сотрудничества с США, так как, даже если японская сторона пойдет на уступки американцам, вероятность того, что пошлины на другие страны окажут негативное влияние на экономику Японии, является высокой. Таким образом, приверженность Д. Трампа к введению тарифов может оказать серьезное влияние на состояние экономики Японии, так как США являются крупным партнером страны, и закрытие доступа к данному рынку может привести к значительному ухудшению отношений.

Тем не менее 7 февраля 2025 г. состоялась встреча Д. Трампа с С. Исибой в Белом доме, которая обрисовала основные направления взаимодействия между странами[2]. В рамках визита премьер-министра Японии стороны затронули экономические отношения и сотрудничество в военной сфере. Президент США подчеркнул, что ожидает увеличения инвестиций японской стороны в энергетику и технологическую сферу Соединенных Штатов, а также надеется на сокращение положительного сальдо торгового баланса в пользу США на сумму 68,5 млрд. долл[3]. На фоне заявлений США и Японии о якобы имеющей место угрозе со стороны Северной Кореи и России лидеры в том числе затронули вопросы необходимости обеспечения и поддержания безопасности в регионе. Еще до встречи с премьер-министром Японии президент США выступал с заявлениями, что Японии необходимо повысить свои траты на оборону до 3-4%

[1] The inaugural address. January 20, 2025. — URL: https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address/ (дата обращения 09.02.2025).
[2] Hunnicutt T., Brunnstrom D., Nomiyama C., Trump touts close Japan ties but pushes for 'even' trade balance // Reuters: official website. — 2025. — URL: https://www.reuters.com/world/us/trump-meets-japans-ishiba-china-trade-war-simmers-2025-02-07/ (дата обращения 09.02.2025).
[3] Remarks by President Trump and Prime Minister Abe of Japan in Joint Press Conference. May 27, 2019. — URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-prime-minister-abe-japan-joint-press-conference-3/ (дата обращения 09.02.2025).

от ВВП[1]. Таким образом, очевидно, что администрация Д. Трампа стремится сохранить направление прежнего курса: экономическое усиление США в двусторонних отношениях с Японией и усиление взаимодействия в военной сфере. Тем не менее состоявшийся визит с приходом Д. Трампа в Белый дом сигнализирует о желании новой администрации США развивать сотрудничество с Японией.

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И США

Исходя из последних заявлений лидеров стран, проведенной 7 февраля 2025 г. встречи и выявленных закономерностей в политическом курсе США в отношении Японии, можно сделать прогноз о вероятном направлении развития двусторонних отношений между Японией и США в период администрации Д. Трампа.

Экономические отношения США и Японии в наибольшей степени будут зависеть от политики тарифов Д. Трампа, что может напрямую или косвенно повлиять на производство и продажу продукции Японией. В обмен на доступ к американскому рынку США могут потребовать увеличения инвестиций в американскую экономику, которые уже достигли наибольшего значения в 2023 г. (800 млрд. долл.)[2]. Тем самым, США, не предоставляя никаких выгод японской стороне, получат приток инвестиций в собственное производство.

Тесно связанное с экономической сферой военное сотрудничество будет углубляться на фоне совпадающих интересов премьер-министра Японии и президента США о необходимости усиления оборонительных возможностей Японии. Данное направление предполагает увеличение закупок военной техники у США, что вновь принесет экономическую выгоду Соединенным Штатам. В то же время маловероятно, что Д. Трамп поддержит С. Исибу в стремлении к участию в процессе принятия решений по использованию ядерного арсенала США, за исключением сценария, при котором произойдет резкое ухудшение отношений с КНР и КНДР и напряженность в регионе вырастет. Лишь в данном случае администрация США рассмотрит вариант размещения своего ядерного оружия на территории Японии. Данную теорию подтверждает стремление Д. Трампа нормализовать отношения с такими странами, как Китай и КНДР, в том числе с помощью личных связей с генеральным секретарем Коммунистической партии Китая Си Цзиньпином и генеральным секретарем Трудовой партии Кореи Ким Чен Ыном.

Таким образом, Соединенные Штаты и Япония с высокой вероятностью будут реализовывать курс на развитие партнерских отношений. Государства разделяют большое количество интересов в сфере безопасности в АТР, экономики, энергетики и инфраструктуре. В то же время Япония идет на многочисленные уступки в экономическом сотрудничестве, что может стать поводом для развития двусторонних отношений с другими странами региона на случай, если США решат проводить политику изоляционизма в регионе и отдаляться от Японии. Сценарий, при котором Япония отказывается от партнерства с США, маловероятен, так как он ослабит Японию в военном плане, что на фоне

[1] Johnson J. As Trump returns, will Japan be able to weather the storm? // The Japan Times: official website. — 2025. — URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2025/01/19/japan/politics/us-japan-relations-trump-ishiba/ (дата обращения 09.02.2025).
[2] Там же.

увеличивающегося напряжения в регионе может привести к снижению темпов развития страны во всех направлениях. Следовательно, на данный момент партнерство с США является одним из наиболее подходящих вариантов как для Японии, так и для США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демчук Ф. Г. Трамп и Япония: новый тихоокеанский поворот? Итоги политики Дональда Трампа в Японии / Ф. Г. Демчук // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2021. — Т. 23, № 1. — С. 70-83.
2. Истомин И., Водопьянов К., Старостин Н., Ларионова А., Политика США в Восточной Азии в период правления администрации Д. Трампа // РСМД: сайт. — 2017. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-ssha-v-vostochnoy-azii-v-period-pravleniya-administratsii-d-trampa/?sphrase_id=130025900 (дата обращения: 09.02.2025).
3. Костюнина Г.М. Транстихоокеанское партнерство: основные положения соглашения и потенциальный эффект / Г.М. Костюнина, Баранов В.И. // Журнал «Международная Жизнь». — 2016. — №2. — URL: https://interaffairs.ru/news/show/14841.
4. Парамонов О. Новые грани японо-американского альянса на фоне Хиросимы и Нагасаки / О. Парамонов // Журнал «Международная Жизнь»: сайт. — 2024. — URL: https://interaffairs.ru/news/show/45698 (дата обращения: 09.02.2025).
5. Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63, № 9. — С. 38-49.
6. Торкунов А.В. Стратегия администрации Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе / А. В. Торкунов // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 6. – С. 25-37.
7. Трифонова А. (Не) разлей вода: перспективы японо-американского сотрудничества после президентских выборов в США // РСМД: сайт. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/ne-razley-voda-perspektivy-yapono-amerikanskogo-sotrudnichestva-posle-prezidentskikh-vyborov-v-ssha/ (дата обращения: 09.02.2025).
8. Sheila A. Smith, Charles T. McClean, Stability in Tokyo, disruption in Washington / Sheila A. Smith, Charles T. McClean // Comparative Connections: A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations. — 2019. — Vol. 20, №3. — P. 13-20.

REFERENCES

1. Demchuk F. G. Tramp i Yaponiya: novyj tihookeanskij povorot? Itogi politiki Donal'da Trampa v Yaponii [Trump and Japan: a New Pacific Twist? Results of Donald Trump's Policy in Japan] / F. G. Demchuk // Aziatsko-tihookeanskij region: ekonomika, politika, parvo [PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law]. — 2021. — Vol. 23, № 1. — P. 70-83.

2. Istomin I., Vodopyanov K., Starostin N., Larionova A., Politika SShA v Vostochnoj Azii v period pravleniya administracii D. Trampa [US Policy in East Asia under Donald Trump Administration] // RIAC: site. — 2017. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-ssha-v-vostochnoy-azii-v-period-pravleniya-administratsii-d-trampa/?sphrase_id=130025900 (accessed: 09.02.2025).
3. Kostyunina G.M. Transtihookeanskoe partnerstvo: osnovnye polozheniya soglasheniya i potencial'nyj effekt [Trans-Pacific Partnership: Key Provisions and Potential Effects] / G.M. Kostyunina, Baranov V.I. // Zhurnal «Mezhdunarodnaya Zhizn'» [International Affairs]. — 2016. — №2. — URL: https://interaffairs.ru/news/show/14841 (accessed: 09.02.2025).
4. Paramonov O. Novye grani yapono-amerikanskogo al'yansa na fone Hirosimy i Nagasaki [New Aspects of US-Japan Alliance amid Hiroshima and Nagasaki] / O. Paramonov // Zhurnal «Mezhdunarodnaya Zhizn'»: sajt [International Affairs]. — 2024. — URL: https://interaffairs.ru/news/show/45698 (accessed: 09.02.2025).
5. Sheila A. Smith, Charles T. McClean, Stability in Tokyo, disruption in Washington / Sheila A. Smith, Charles T. McClean // Comparative Connections: A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations. — 2019. — Vol. 20, №3. — P. 13-20.
6. Strel'cov D.V. Yaponskij regionalizm epohi Sindzo Abe cherez prizmu cennostnogo podhoda [Japanese Regionalism in the Era of Shinzo Abe through the Prism of Value Approach] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [MEMO Journal]. — 2019. — Vol. 63, № 9. — P. 38-49.
7. Torkunov A.V. Strategiya administracii Trampa v Aziatsko-Tihookeanskom regione [Strategy of the Trump Administration on Asia-Pacific] / A. V. Torkunov // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [MEMO Journal]. — 2019. — Vol. 63, № 6. — P. 25-37.
8. Trifonova A. (Ne) razlej voda: perspektivy yapono-amerikanskogo sotrudnichestva posle prezidentskih vyborov v SShA [(In)separable: Prospects of US-Japan Collaboration After the US Presidentials] // RIAC: site. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/ne-razley-voda-perspektivy-yapono-amerikanskogo-sotrudnichestva-posle-prezidentskikh-vyborov-v-ssha/ (accessed: 09.02.2025).

Судьба Герцогства Варшавского на завершающем этапе наполеоновских войн (1813 - март 1814 гг.)

Удальцова Софья Константиновна
МГИМО МИД России
Факультет международных отношений, 2 курс

РЕЗЮМЕ

Польский вопрос представлял актуальность ещё с XVIII в., когда Речь Посполитая прекратила существование, а её территории были разделены между Россией, Австрией и Пруссией. Создание Великого герцогства Варшавского из отошедших в XVIII в. территорий Пруссии и Австрии, а также начало Заграничного похода возродили решённую ранее проблему. Предшествующая политика трёх держав по отношению к Речи Посполитой стала обоснованием для претензий этих стран на территории Герцогства. В ходе Заграничного похода параллельно с военными действиями шла активная дипломатическая работа, одной из повесток которой стала судьба Варшавского герцогства. Каждая из стран имела позицию, отражавшую ее интересы. В связи с этим была определена такая цель исследования, как рассмотрение эволюции позиций России, Австрии и Пруссии по поводу судьбы Герцогства Варшавского по мере продвижения военных действий на Запад.

Позиция Австрии заключалась в ограничении вмешательства Франции в дела трёх стран, в том числе и в вопрос Герцогства. Австрия желала получить Герцогство, или, как минимум, видеть его в составе Пруссии. Позиция Пруссии состояла в идее разделённого Герцогства Варшавского, причем почти все территории Пруссия желала забрать себе, так как именно она больше всех пострадала в территориальном плане после создания Герцогства. Россия претендовала на всю территорию Великого герцогства Варшавского; её претензии были обусловлены ведущей ролью в разгроме наполеоновской армии. Ни Австрия, ни Пруссия не хотели, чтобы польские земли отошли России. В то же время Александр I желал видеть эти территории под контролем российской самодержавной монархии. Таким образом, в ходе обсуждения судьбы Герцогства сформировалось противостояние схожих позиций Австрии и Пруссии с позицией России.

Как итог, к конкретному решению прийти не получилось. Вопрос был отложен на конгресс; однако позиции, которые европейские державы выработали в период VI Антифранцузской коалиции, стали основой для дипломатической работы в Вене.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Австрийская империя, Александр I, Великое герцогство Варшавское, Королевство Пруссия, наполеоновские войны, Российская империя.

Для связи с автором: sofyaudaltsova1104@mail.ru

The fate of the Duchy of Warsaw at the final stage of the Napoleonic Wars (1813 - March 1814)

Sofya K. Udaltsova
MGIMO University
Faculty of International Relations, 2nd Year

ABSTRACT

The Polish question has been of vital importance since the XVIII century, when the Polish-Lithuanian Commonwealth ceased to exist and its territories were divided between Russia, Austria and Prussia. The creation of the Duchy of Warsaw, as well as the beginning of the Foreign campaign, revived the previously solved problem. The previous policy of Russia, Austria and Prussia towards the Rzeczpospolita became the basis for the claims of the countries on the territory of the Duchy. An active diplomatic work was carried out in parallel with military operations; one of the agendas was the fate of the Duchy. Each of the countries had a position that reflected their interests. That is why the aim of the research is to consider the evolution of the position of Russia, Austria and Prussia on the future of the Duchy of Warsaw as military operations moved to the West.

Austria's position was to limit the French interference in the affairs of the three countries, including the Duchy issue. Austria wanted to obtain the Duchy, or at least see it as part of Prussia. Prussia's position was the idea of a divided Duchy of Warsaw, and almost all the territories Prussia wanted to take for itself. Russia claimed the entire territory of the Grand Duchy of Warsaw; its claims were conditioned by its leading role in the defeat of the Napoleonic army. Alexander I wanted to see the Duchy under the Russian monarchy. Consequently, during the discussion of the fate of the Duchy, a confrontation was formed between the similar positions of Austria and Prussia and the position of Russia.

As a result, it was not possible to come to a specific solution to this issue. The question had to be postponed to the Congress; however, the positions that the European powers had been developing during the VI anti-French coalition became the basis for the diplomatic work in Vienna.

KEYWORDS

Austrian Empire, Alexander I, Grand Duchy of Warsaw, Kingdom of Prussia, Napoleonic Wars, Russian Empire.

Contact the author via sofyaudaltsova1104@mail.ru

В статье рассматривается обсуждение судьбы Великого герцогства Варшавского Россией, Австрией и Пруссией в 1813 - марте 1814 гг. Актуальность работы определяется необходимостью продолжать исследования в области вопроса, который представлял особую важность для окружающих Польшу стран. В дополнение, актуальность обусловлена геополитическим положением Герцогства Варшавского. Оно мотивировало рассмотрение проблемы данной территории с момента создания Герцогства, а успех Заграничного похода приумножил дискуссии. Несмотря на то, что судьба Герцогства была определена на Венском конгрессе, важно исследовать предшествующий обмен идеями, с которыми уже в сентябре 1814 г. страны начали работу конгресса.

Тема исследования требует комплексного рассмотрения со всех трёх сторон (Россия, Австрия, Пруссия), что определяет научную новизну работы. Отсутствие таких работ в исторической науке может быть обусловлено тем, что конкретные меры по решению вопроса Герцогства были предприняты именно на Венском конгрессе; в свою очередь, из-за роли конгресса предшествующие дискуссии теряли свою важность, создавая перекос. В контексте Герцогства Варшавского в правление Александра I чаще всего рассматриваются такие проблемы, как создание самого Герцогства и его геополитическое положение, решение вопроса на Венском конгрессе и реформы императора на новой территории. Несмотря на это, в дореволюционный период С.М. Соловьев[1], Н.К. Шильдер[2], великий князь Николай Михайлович[3], Л.И. Гальберштадт[4] так или иначе затрагивали судьбу Герцогства. В историографии утвердилось понятие «польский вопрос», которое использовалось в XIX в. в ходе обсуждения судьбы Великого герцогства Варшавского. Среди недавних исследований по схожей теме стоит отметить статью А.Р. Соколова[5], которая посвящена различным точкам зрения влиявших на российского императора личностей на вопрос судьбы Герцогства Варшавского, и комплексную работу Г.В. Макаровой[6], которая рассматривает историю польского государства, затрагивая интересующий нас период; особое внимание в ней уделено позиции А. Чарторыйского. Зарубежная историография мало затрагивает развитие дипломатии относительно польского вопроса. Тем не менее в ряде работ Вильгельма Онкена[7] можно почерпнуть информацию о позициях разных сторон, в основном об отношении Пруссии и Австрии к будущему Герцогства Варшавского и о позиции России.

[1] Соловьев С.М. Император Александр I. Политика — дипломатия / С.М. Соловьев. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1877. – 560 с.
[2] Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование / Н.К. Шильдер. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1897. – Т.III. – 569 с.
[3] Николай Михайлович, Великий князь. Император Александр I. – СПб.: Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг, 1912. – Т.I. – 580 с.
[4] Гальберштадт Л.И. Внешняя политика России в царствование Александра I / Л.И. Гальберштадт // Три века. Россия от Смуты до нашего времени: исторический сборник / Под ред. В.В. Каллаша. – М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1913. – Т.V. – С. 180–227.
[5] Соколов А.Р. Русские в Варшаве в 1813–1815 годах: от Герцогства Варшавского к царству польскому / А.Р. Соколов // Новый исторический вестник. – 2018. – №2 (56). – С. 121–139.
[6] Макарова Г.В. Россия и создание конституционного Королевства Польского / Г.В. Макарова // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. – М.: Индрик, 2010. – С. 11–108.
[7] Oncken W. Osterreich und Preussen in Befreiungskriege / W. Oncken. – Bd.1. – Berlin: Grote, 1879. – 462 s.; Oncken W. Österreich und Preußen im Befreiungskriege: Urkundliche Aufschlüsse über die politische Geschichte des Jahres 1813 / W. Oncken. – Berlin: Grote, 1876. – 708 s.

Источниковая база[1] представляет собой разнообразие материалов, часть которых не опубликована. Для данного исследования особую ценность представляют делопроизводственные материалы (в основном межгосударственная переписка между правителями и дипломатами). Второй по значимости категорией выступают мемуары личностей, непосредственно участвующих в дискуссии о польском вопросе (императора Александра I; Адама Ежи Чарторыйского, дипломата и сподвижника императора; Клеменса фон Меттерниха, министра иностранных дел Австрии; Карла Нессельроде, статс-секретаря Александра I, и др.).

Предметом исследования выступает обсуждение России, Австрии и Пруссии польского вопроса в контексте международных отношений на завершающем этапе наполеоновских войн. Объекты исследования – позиции соответствующих держав, которые они отстаивали или меняли в ходе переговоров.

В качестве основы был взят исследовательский вопрос: как менялись позиции России, Австрии и Пруссии относительно будущего Герцогства Варшавского в зависимости от изменений на театре боевых действий в ходе кампании 1813-1814 гг.?

Основными задачами исследования являются:

1. Установление характера отношений между Россией, Австрией и Пруссией на начало 1813 г.;

2. Изучение позиций России, Австрии и Пруссии относительно судьбы Великого герцогства Варшавского;

3. Выявление изменений во взглядах стран-союзниц на протяжении 1813 - марта 1814 гг. и их описание.

Исследовательская работа выполнена с использованием следующих методов: научная критика источников, идеографический, историко-генетический и историко-каузальный методы, которые позволят рассмотреть взаимосвязь событий, в особенности причинно-следственные связи.

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ НАКАНУНЕ ЗАГРАНИЧНОГО ПОХОДА

Польская проблема представляла важность для России, Австрии и Пруссии ещё в конце XVIII в., когда польские территории стали сферой интересов окружавших её стран. После трёх разделов Речи Посполитой Россия получила значительные территории – Литву, Правобережную Украину, Курляндию; Пруссия – Поморье с городами Данциг, Торунь, а также часть территорий Великой Польши с Познанью и Центральную Польшу со столицей; Австрия – восточную и западную Малую Польшу с Львовом и Краковом. В конце XVIII в. Речь Посполитая была стёрта с исторической карты, но уже в 1807 г. по Тильзитскому миру из польских земель, вошедших в состав Пруссии и Австрии, было образовано Великое герцогство Варшавское, находившееся под протекторатом Франции. Вследствие получения такого статуса войска Герцогства Варшавского участвовали в походе 1812 г. на Россию. После разгрома Наполеона возникла необходимость обсуждать, что делать с этими землями, кто и в какой мере может на них претендовать.

Поводом для роста внимания к проблеме Великого герцогства Варшавского стало успешное продвижение русских войск в Европу. К началу 1813 г. русские войска уже заняли всю территорию Герцогства, были проведены первые преобразования, которые обратили особое внимание

[1] Материалы архивов для исследования были предоставлены научным руководителем, к.и.н., доцентом кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО Могилевским Н.А.

европейских стран на Польшу и планы России относительно неё. Теперь польский вопрос особенно тревожил Австрию и Пруссию. Перед Россией стояла цель: создать условия для обсуждения польского вопроса — привлечь Пруссию и Австрию на сторону противников Наполеона.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ В ПРЕДДВЕРИИ ЗАГРАНИЧНОГО ПОХОДА

Александр I сформулировал позицию относительно Герцогства Варшавского ещё до начала Заграничного похода. Государственная позиция представляла собой мнение самого Александра I, на которое так или иначе влияли позиции приближённых императора. Внутри страны были и сторонники присоединения Великого герцогства Варшавского, и сторонники отказа от территорий. Так, в январе 1813 г. С.Р. Воронцов, посол Российской Империи в отставке писал своему сыну, М.С. Воронцову, что присоединение Герцогства «оттолкнет от России и Пруссию»[1]; также видели Герцогство Варшавское «опасной соседкой для России в случае расширения её к северу по Балтийскому побережью»[2].

Особое мнение на этот счёт имел А. Чарторыйский. Как поляк он искренне желал лучшего для территорий и особо трепетно относился к будущему Герцогства Варшавского; его позиция – делать всё возможное для восстановления государственности Польши. Ещё до начала Заграничного похода он писал императору с этим вопросом: «…нельзя ли будет при мире России с Францией устроить в Польше великого князя Михаила Павловича»[3] (9 октября 1812 г.). В письме от 6 декабря 1812 г. он призывал Александра I восстановить Польшу под своим скипетром и указывал, что для этого следует войти в сношения с властями Герцогства Варшавского и польской Генеральной конфедерацией[4]. Это письмо начинается словами: «Если вы вступите победителем в Польшу, то обратитесь ли снова к старым планам относительно этой страны? Покоряя ее, сохраните ли желание покорить также и сердца ее жителей?»[5]. В одном из других писем А. Чарторыйский писал о своём беспокойстве: он видел в Пруссии «виновницу в разделе Польши»[6] и стремился убедить Александра I не прислушиваться к европейским державам, которые «будут делать императору внушения против восстановления Польши, и люди, окружающие государя, также выскажут свои сомнения»[7]. Также в письме от 15 декабря 1812 г. он советовал Александру I заручиться поддержкой поляков перед новой войной с Наполеоном; он также хорошо сознавал, насколько сильным будет сопротивление Австрии против соединения Польши с Россией под единой верховной властью.

[1] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. I: 1801-1815. T.VII. – М., 1970. – С. 28.
[2] Гальберштадт Л.И. Внешняя политика России в царствование Александра I / Л.И. Гальберштадт // Три века. Россия от Смуты до нашего времени: исторический сборник / Под ред. В.В. Каллаша. – М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1913. – T.V. – С. 190.
[3] Соловьев С.М. Император Александр I. Политика — дипломатия / С.М. Соловьев. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1877. – С. 241.
[4] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. I: 1801-1815. T.VII. – М., 1970. – С. 699.
[5] Соловьев С.М. Император Александр I. Политика — дипломатия / С.М. Соловьев. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1877. – С. 241.
[6] Гальберштадт Л.И. Внешняя политика России в царствование Александра I / Л.И. Гальберштадт // Три века. Россия от Смуты до нашего времени: исторический сборник / Под ред. В.В. Каллаша. – М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1913. – T.V. – С. 190.
[7] Соловьев С.М. Император Александр I. Политика — дипломатия. – С. 242.

В письмах Чарторыйского были опущены приложения, помеченные литерами А и В. В приложении В[1] был изложен план восстановления Польши, объединённой с Литвой. План был выработан самим Чарторыйским; в нём он пытался донести императору, как лучше поступить с Герцогством. Его позиция состояла в том, что для Польши будет более приемлем вариант правления наместника (великого князя). Чарторыйский считал, что в таком случае Герцогство Варшавское все равно будет частью империи; при этом можно использовать такие методы сближения, как оборонительный и наступательный союз, семейный пакт, свобода торговли, право общего гражданства[2]. Именно при такой политике поляки останутся верными союзу с Россией, будут признательны лично императору.

У А. Чарторыйского также было мнение о позициях Австрии и Пруссии относительно судьбы Герцогства Варшавского, которое он описал императору в письме от 11 февраля 1813 г. Он считал, что России не стоит бояться Пруссии: «У Пруссии, безусловно, нет никаких претензий на возвращение Герцогства. Ей сейчас еще труднее, чем Польше. Пруссия понимает, что от Ваших успехов зависит ее существование. Если восстановление Польши может обеспечить эти успехи, то и она без всяких возражений с радостью согласится на такую акцию»[3]. В свою очередь, в Австрии он видел страну, которая может затруднить исполнение плана: «Она не будет с Вами (Александром I – С.У.) искренной, но, чем сильнее Вы окажетесь, тем труднее будет ей выступать против Вас прямо [...] Кроме того, она согласилась на восстановление Польши Наполеоном, — почему бы ей не смириться с тем, что оно произойдет в Вашу пользу»[4].

В ответ на письма А. Чарторыйского Александр I писал, что «успехи не переменили его чувств и намерений относительно Польши»[5]; император, как и А. Чарторыйский, осознавал возможную реакцию Меттерниха на такое решение польского вопроса («если теперь же обнаружить намерение восстановить Польшу, то это заставит Австрию и Пруссию броситься в объятия Франции»[6]). Однако, несмотря на план Чарторыйского, Александр I от начала и до конца не отходил от принципа, что правителем в Великом герцогстве Варшавском должен быть именно император российский, а не наместник.

При этом не без оснований А. Чарторыйский боялся, что близкий круг императора будет придерживаться иной позиции — Карл Нессельроде как статс-секретарь и дипломат видел в плане присоединения Герцогства изъяны: России пришлось бы отказаться от других своих областей; он «видел восстановление Польши как средство, а никогда как цель»[7]; по его мнению, народ польский настолько беспокойный, что даже при наличии конституции в обществе «царствует полная анархия [...] из всех европейских народов, польский — самый легкомысленный и беспокойный»[8]. Граф Нессельроде также

[1] Соловьев С.М. Император Александр I. Политика — дипломатия. – С. 701-704.
[2]Там же. С. 702.
[3] Там же. С. 703.
[4] Там же. С. 703.
[5] Там же. С. 242.
[6] Там же. С. 242.
[7] Там же. – С. 242.
[8] Там же. С. 241–243.

осознавал, что, если Россия заберёт Герцогство Варшавское, ей придётся отказаться от союза с Австрией.

Н.Н. Новосильцев как сподвижник Александра I также останавливал императора от присоединения Великого герцогства Варшавского. Будучи вице-президентом Временного верховного совета для управления делами Герцогства Варшавского, 25 июля 1813 г. он подал меморию (записку об управлении Княжеством Варшавским) императору с советом не занимать польский престол, «потому что прежде всего нужно кончить главное дело в союзе с Австрией и Пруссией, а восстановлять Польшу — значит прежде всего вооружить против себя Австрию»[1]; необходимо учитывать интересы всех трёх держав, а также интересы самих русских и поляков. Одновременно он предлагал конкретныйплан действий: занять войсками Герцогство Варшавское, объявить императора российского его протектором, подготовиться к восстановлению Польши и взять присягу с жителей, однако не становиться правителем Польши, а послать наместником великого князя Николая или Михаила.

Исследуя взгляды А. Чарторыйского, важно учитывать два момента. Во-первых, хотя он имел особые дружеские отношения с Александром I и был его основным советником по польскому вопросу, А. Чарторыйский не мог выразить свою личную точку зрения и как-либо влиять на ход официальных переговоров. Однако деятельность А. Чарторыйского помогла Александру I получить полное представление о власти и обществе в Польше, а его мнение играло роль в формировании позиции императора относительно будущего Королевства Польского. В то же время император консультировался и с другими польскими деятелями, в особенности с политической группировкой литовских поляков – М. Огиньским, К. Любецким, Л. Плятером[2]; особенно активно император взаимодействовал с М. Огиньским, который так же, как и А. Чарторыйский, составлял императору информационные записки и подготавливал планы по урегулированию польского вопроса. Во-вторых, А. Чарторыйский, будучи поляком, думал в первую очередь о будущем именно Польши и ее народа; для него долг – служить родине и разделить её судьбу. Его отец, А.К. Чарторыйский, в 1812 г. стал главой Конфедерации, провозглашённой на сейме после начала похода Наполеона на Россию, – семья Чарторыйских стала иметь непосредственное влияние в политической деятельности новообразовавшегося Королевства. Причём эта акция провозглашения была проведена Наполеоном для того, чтобы заручиться военной поддержкой поляков в походе. В условиях напряжения отношений между русскими и поляками из-за войны А. Чарторыйский, очевидно, тянулся к последним – например, после принятия Акта Генеральной конфедерации он принялся просить Александра I об отставке в соответствии со статьей 6: «Все поляки, находящиеся на гражданской или военной службе в России, должны перестать служить этой державе»[3].

[1] Соловьев С.М. Император Александр I. Политика — дипломатия / С.М. Соловьев. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1877. – С. 243.
[2] Макарова Г.В. Россия и создание конституционного Королевства Польского / Г.В. Макарова // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. – М.: Индрик, 2010. – С. 31.
[3] Там же. С. 49.

Что касается позиции самого императора, она была сформирована ещё до начала Отечественной войны. Уже в январе 1811 г. Александр I заявил в письме Чарторыйскому, что «Держава […], которая желает взять на себя восстановление Польши, – Россия», причём «Царство Польское навсегда присоединится к России». Александр I видел в деле восстановления соединение всех бывших территорий Польши, в том числе и тех, которые отошли к России. В то же время эти условия имели самодержавный характер – править образованным Королевством должен император России, и будет он называться «Императором Российским и Царём Польским»[1]. Поэтому, несмотря на разнообразие мнений при дворе, император уже к началу Заграничного похода был уверен в своей позиции: в преддверии военных действий он заявил А. Чарторыйскому, что он должен «не допустить нового раздела и слить его с русской Польшей, восстановить королевство — для себя»[2]. Об этом также говорит факт, что в ноябре 1812 г. Александр I в беседе с фельдмаршалом и военным министром Пруссии Л. Бойеном намекнул, что намерен присоединить Герцогство Варшавское к России, а в качестве компенсации Пруссии отдать Саксонию[3]. В ходе похода весной 1813 г., несмотря на успешное продвижение в Европу, ради сплочения с Пруссией и привлечения на свою сторону Австрии Александр I откладывал вопрос Герцогства Варшавского: 29 марта 1813 г. Нессельроде, описывая русскому послу в Вене Г.О. Штакельбергу позицию императора, отмечал, что вопросы будущего территориального устройства Европы решать преждевременно. Главное – сплотить союзников для достижения общей цели[4].

ПОЗИЦИИ ПРУССИИ И АВСТРИИ ДО НАЧАЛА ЗАГРАНИЧНОГО ПОХОДА

До начала военных действий на территории Европы Пруссию интересовали два важных вопроса: союз с Россией и территориальный (будущее Герцогства Варшавского). С постепенным приближением русских войск всё острее возникала необходимость сближения с Россией. Особую роль здесь сыграло и движение в Пруссии, которое было порождено национальным подъёмом[5]. Общественное давление заставило прусского короля изменить свою позицию, пойти на союз. Однако такая цель требовала решения польской проблемы, на земли которой претендовали и Россия, и Пруссия.

Бóльшая часть земель Герцогства Варшавского до территориальных изменений принадлежала Пруссии, поэтому она сформировала позицию ещё до начала Заграничного похода. По этой же причине в начале 1813 г. именно Пруссия первая показала заинтересованность судьбой Герцогства Варшавского и союзом с Россией. Королевство стремилось вернуться к историческим границам 1807 г., вернуть себе земли, отошедшие Варшаве. На случай если Александр I начнёт Заграничный поход, Пруссия изъявила готовность поддержать Россию: «[…] если император

[1] Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. T.II. – М., 1912-1913. – С. 251–252.
[2] Гальберштадт Л.И. Внешняя политика России в царствование Александра I / Л.И. Гальберштадт // Три века. Россия от Смуты до нашего времени: исторический сборник / Под ред. В.В. Каллаша. – М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1913. – T.V. – С. 210.
[3] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. I: 1801-1815. T.VII. – С. 711.
[4] Там же. С. 121.
[5] Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. / В.М. Безотосный. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С. 403.

(российский — С.У.) двинет свои войска через Вислу до Одера, то Пруссия готова заключить с ним оборонительный и наступательный союз»[1].

Австрия с самого образования Герцогства осознавала угрозу державам, которые ранее разделили Речь Посполитую. И еще в марте 1809 г. австрийская политика имела весьма серьезное намерение устранить эту угрозу. Так, эрцгерцог Фердинанд, австрийский военный деятель, писал: «Герцогство Варшавское опасно для нас не столько своей военной мощью, сколько влияние, которое оказало само его существование на умы поляков в целом [...] судьба поляков должна быть определена, и поэтому герцогство должно исчезнуть совсем»[2]. Если оценивать положение Австрии, то империя вела двойственную политику, создавая трудности на пути к созданию антифранцузского союза. Австрия находилась одновременно между Россией и Францией: с одной стороны, Вена стремилась к поддержке Александра I, с другой стороны, официально продолжала быть союзницей Наполеона. Тем самым создавалась неопределённость, которая вызывала недовольство и России, и Франции. Также такая политика вызвала сложности с обсуждением и польского вопроса. Интересен тот факт, что Австрия взяла на себя роль посредника[3] между Францией и Россией и её союзниками. Занимая центральную позицию в дипломатии, Меттерних готовился «спасать Европу». С помощью этого он мог получить преимущество, которое позволило бы «за счёт униженной России [...] разрешить польский и турецкий вопросы в пользу Австрии»[4].

Двойственность и в каком-то смысле нерешённость политики Австрии была связана с тем, что Вене не было выгодно усиление ни одной из противоборствующих держав. Так, Меттерних писал: «[...] низложение Наполеона поведет необходимо преобладанию России, что для Австрии ещё опаснее, чем преобладание Наполеона; для Австрии необходимо, чтоб Россия не восстановила Польши и не трогала Турции, не обхватывала Австрию со всех сторон славянщиною»[5]. Одно, что было неизменно в позиции Австрии, – острое нежелание участия Франции во внутренних делах трёх держав, поэтому на протяжении 1813-1814 гг. Австрия способствовала тому, чтобы Франция «как можно меньше вмешивалась в частные контакты»[6], в том числе и в отношении Герцогства Варшавского.

КАМПАНИЯ 1813 Г. И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Когда «русские войска уже занимали часть прусских владений, управление которыми император поручил Штейну (Генриху Фридриху Штейну – руководителю центрального управления освобождённых территорий в Германии в 1813-1814 гг. – С.У.)»[7], сложились более или менее подходящие обстоятельства для решения польского

[1] Соловьев С.М. Император Александр I. Политика — дипломатия / С.М. Соловьев. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1877. – С. 237.
[2] Oncken W. Österreich und Preußen im Befreiungskriege: Urkundliche Aufschlüsse über die politische Geschichte des Jahres 1813 / W. Oncken. – Berlin: Grote, 1876. – S. 206–207.
[3] Гальберштадт Л.И. Внешняя политика России в царствование Александра I / Л.И. Гальберштадт // Три века. Россия от Смуты до нашего времени: исторический сборник / Под ред. В.В. Каллаша. – М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1913. – T.V. – С. 206.
[4] Там же. – С. 206–207.
[5] Соловьев С.М. Император Александр I. Политика — дипломатия / С.М. Соловьев. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1877. – С. 235.
[6] Oncken W. Osterreich und Preussen in Befreiungskriege / W. Oncken. – Bd.1. – Berlin: Grote, 1879. – S. 664.
[7] Соловьев С.М. Император Александр I. Политика — дипломатия / С.М. Соловьев. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1877. – С. 240.

вопроса, что неминуемо предшествовало заключению оборонительного союза.

Для обсуждения статей договора 15 февраля 1813 г. был отправлен прусский полковник Кнезебек. В проекте договора Пруссия требовала почти всю территорию Герцогства Варшавского; России в качестве компенсации предлагались земли в Восточной Пруссии. В русскую ставку Кнезебек приехал с жесткими инструкциями; такой характер проекта договора объяснялся «желанием короля по возможности оттянуть решительные уступки в этом вопросе»[1]. Также стоит отметить, что Кнезебек ехал из Вены, и предшествующие австрийские контакты внушили ему, что необходимо предотвратить восстановление Польши под властью российского императора; он считал, что это может привести к замене французского «ига» русским. Немецкая сторона ожидала лишь незначительные поправки от Александра I. Александр I приказал вручить Кнезебеку контрпроект, который впоследствии стал текстом договора. Проект Александра I не предусматривал передачи Пруссии ранее принадлежавших ей земель Герцогства Варшавского. В ответ Кнезебек 23 февраля представил свой контрпроект с требованием немедленной передачи прусским властям управления Герцогством Варшавским. Таким образом, переговоры сторон зашли в тупик, что также затягивало и военные действия.

Понимая, что Кнезебек будет препятствовать заключению союза, Александр I посылает в Бреслау напрямую к королю стат. сов. И.О. Анстета со своим проектом союзного договора, в котором не было ни слова о прежних прусских областях, на которые она могла претендовать. Утром 26 февраля под натиском национального движения прусский король согласился с русским проектом. Договор был утвержден 28 февраля 1813 г. в Калише; важнейшее отличие его от прусских проектов состояло в отказе от возвращения бывших польских владений Пруссии, что давало России возможность предъявить требование о присоединении всей территории Герцогства Варшавского[2].

После проигранного Россией и Пруссией Люценского сражения происходят первые изменения в позиции Австрии, положительные для России: хотя военными действиями она и не поддерживала Александра I, но объявила о готовности вступить в войну, «если Наполеон не пойдет на заключение мира»[3]. Однако конечное оформление союза произошло только 9 сентября 1813 г. по Теплицкому союзному договору, который закрепил вхождение Австрии в антинаполеоновскую коалицию.

Русско-прусские войска продолжали наступать вглубь Германии. В феврале-апреле 1813 г. союзные войска вели успешные боевые действия, которые объединяли союзников и подтверждали стремление российского императора освободить Европу. Однако Люценское и Бауценское сражения были за Наполеоном. Победа действительно может переменить всё – союзники отступили, и Наполеон провозгласил себя победителем[4]. Победы стали идеальным моментом для мирных предложений, которые внесли смуту в решение польского вопроса союзными державами.

[1] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. I: 1801-1815. T.VII. – С. 711.
[2] Там же. С. 711.
[3] Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. / В.М. Безотосный. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С. 417.
[4] Соловьев С.М. Император Александр I. Политика — дипломатия. – С. 250.

Во-первых, поражения союзников, которые привели к усилению Наполеона, подтолкнули Австрию на уклонение от союза с Францией. Стараясь сохранить равновесие в условиях переменного усиления то России, то Франции, Австрия снова «приняла на себя роль посредницы для восстановления общего мира»[1]. В свою очередь, это только раздражало Наполеона[2], который, как победитель последних сражений, уже выдвинул свои предложения и надеялся на поддержку Австрии: «[…] за то Пруссия получит великое герцогство Варшавское, с городом и округом Данцига; Пруссия приобретет таким образом 4 или 5 миллионов жителей; с своей стороны, Россия приобретет вторую границу, ее прикрывающую, ибо Пруссия, имея свою столицу подле нее, будет находиться в ее системе»[3].

Во-вторых, Меттерних сделал ряд своих предложений; ещё 13 мая 1813 г. по итогам бесед с бывшим министром иностранных дел Австрии графом Стадионом был сделан вывод о том, что Австрия придерживается исключительно плана ликвидации Герцогства Варшавского[4]. После проигранных сражений Меттерних подтвердил такую чёткую позицию относительно Польши (31 мая 1813 г.): «Единственное, на счёт чего Меттерних высказался абсолютно отчётливо – невозможность существования Герцогства Варшавского, а также независимого польского государства»[5]. Стоит отметить, что Австрия предпочла бы переход оставшихся польских территорий в состав Пруссии, а не России, чтобы «составить вместе с нами преграду России»[6]. Это было связано с опасением усиления России за счет новых территорий[7].

Пруссия также имела свой взгляд на судьбу Герцогства Варшавского как участница разделов Польши и как участница совместных военных действий против Наполеона. Позиция Пруссии состояла в идее разделённого Герцогства: Роберт Вильсон, будучи британским комиссаром при русской армии, пользовался доверием Александра I и писал, что «Пруссия горела желанием видеть Польшу поделённой, однако боялась, что данное предложение не найдёт поддержки Императора (российского – С.У.), как не сообразующееся с его планами на счёт этой страны»[8]. Причем в данном плане при лучшем раскладе почти всю часть Великого герцогства Варшавского Пруссия желала забрать себе[9].

Плейсвицкое перемирие от 4 июня 1813 г., прекратившее на время военные действия, однако, не остановило переговоры между странами. Летом продолжилось обсуждение положений, которые союзники собирались выдвинуть Наполеону. Так, в начале июня 1813 г. Австрия поставила Франции 4 обязательных условия, одним из которых являлась ликвидация Герцогства Варшавского[10]. Внимание также уделялось и расширению Пруссии с помощью территорий Польши, в свою очередь, Австрия претендовала на юг Варшавского герцогства. В этом

[1] Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т.III. – С. 150.
[2] «Особенно раздражало его то, что Австрия предписывает ему законы, Австрия, которая обязана помогать ему в войне, Австрия, которая не сделала ничего, что бы дало ей право играть первую роль». Цит. по: Соловьев С.М. Император Александр I. Политика — дипломатия. – С. 252.
[3] Соловьев С.М. Император Александр I. Политика – дипломатия. – С. 252.
[4] Архив внешней политики Российской Империи (Далее – АВПРИ). Ф.133. Оп.468. Д.1324. Л. 32-33.
[5] Archives du Ministère des affaires étrangères. Correspondance politique. – Autriche. – Vol.395. –F.220
[6] Сорель А. Европа и французская революция. Т.VIII. – СПб., 1908. – С. 38.
[7] Внешняя политика России XIX и начала XX века. – Сер. I: 1801-1815. Т.VII. – С. 611.
[8] Private diary of general sir Robert Wilson. – London, 1861. – Vol.I. – P. 323.
[9] Внешняя политика России XIX и начала XX века. – Сер. I: 1801-1815. – Т.VII. – С. 711.
[10] АВПРИ. – Ф.133. – Оп.468. – Д.1448. – Л.5-5 об.

плане, однако, не были учтены интересы России. В ответ на условия Австрии Пруссией были предложены иные пункты, которые нашли поддержку Нессельроде: было необходимо показать Меттерниху, что союзники не готовы беспрекословно принимать его позицию[1].

Следующей попыткой выработки совместных решений стал Пражский конгресс (12 июля - 10 августа 1813 г.). Здесь наблюдается единство позиции стран-союзниц в противовес Наполеону. Их условия на Пражском конгрессе также включали положения по территориальным вопросам, в том числе и по судьбе Польши: 1) Восстановление Пруссии в её размерах до 1806 г. как за счёт немецких, так и за счёт итальянских земель (Россия это «гарантировала определённо», Александр I назвал это условие базовым); 2) восстановление Австрии в границах до 1806 г.; 3) Роспуск Герцогства Варшавского и раздел его территорий[2]. К 8 августа, уже за несколько дней до закрытия конгресса, союзниками были предложены ещё более жёсткие условия; одно из них – уничтожение Герцогства Варшавского и раздел его территорий между Австрией, Россией и Пруссией, согласно договору, заключённому между этими державами. И в тот же день Бонапарту предъявили ультиматум, дав 24 часа на окончательное «да» или «нет» мирному договору[3]. По вопросу Герцогства Варшавского, как и ожидал Меттерних (австрийский дипломат не раз писал, что «Наполеона мало занимает польский вопрос, и он легко согласится на наши предложения»[4] и «нужно настаивать на разделе герцогства Варшавского, что шансы на это очень велики – Франция не будет этому препятствовать»[5]), французский император согласился на уступки. Однако по иным вопросам компромисс не был достигнут, из-за чего конгресс был закрыт.

России, в отличие от ее союзниц, не было свойственно выдвигать условия перемирия. Александр I придерживался точки зрения, что в военное время нет смысла думать о разделе территорий и вести переговоры, так как «всякие переговоры, неизбежно связанные с потерею времени, дадут неприятелю возможность усилиться»[6], и вопрос Герцогства Варшавского откладывал.

Дипломатическим рубежом стали Теплицкие договоры от сентября 1813 г., благодаря которым Россия добилась своей давней цели, которая была поставлена ещё с декабря 1812 г.[7], – разрыв отношений между Францией и Австрией, переход Австрии на сторону союзников и, соответственно, окончательное формирование коалиции против Наполеона. В секретных статьях союзнического договора затрагивался и вопрос Герцогства Варшавского: «Полюбовное соглашение между тремя дворами […] относительно будущей судьбы герцогства Варшавского»[8]. Такая формулировка предполагала некоторую часть земель Герцогства каждой стране.

[1] Могилевский Н.А. Заграничный поход русской армии 1813-1814 годов. – М.: Академический проект, 2018. – С. 117-118.
[2] АВПРИ. – Ф.133. – Оп.468. – Д.1451. – Л.75 об.
[3] Там же. Л.121.
[4] Oncken W. Osterreich und Preussen in Befreiungskriege. Bd.1. Berlin, 1879. – S. 664.
[5] Ibid. – S. 664.
[6] Соловьев С.М. Император Александр I. Политика — дипломатия. – С. 256.
[7] Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.III. – СПб., 1876. – С. 115.
[8] Там же. – С. 123.

КАМПАНИЯ 1814 Г. И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

В 1814 г. возник новый предмет обсуждения – продолжение войны с Францией. Союзники и Наполеон уже склонялись к переговорам, однако Александр I придерживался иной позиции. Это также было обусловлено идеей, что до разгрома противника не стоит обсуждать территориальные и иные вопросы, которые будет нельзя не поднять при переговорах. Проблема польская была очень трудна, император стремился отложить её обсуждение до окончания военных действий (такой выбор был также сделан из-за отсутствия вблизи Герцогства сильной русской армии[1]); интерес к этому вопросу изъявляли и Пруссия с Австрией, претендуя на свои части Герцогства. Характер прений интересно отметил Н.К. Шильдер: «Нельзя описать все интриги [...] то был раздел добычи между коршунами, пока жертва (Герцогство Варшавское – С.У.) еще пребывала в предсмертных судорогах»[2].

Последней попыткой договориться с Францией стал мирный конгресс в Шатильоне (5 фев. - 19 мар. 1814 г.). Приехавший на конгресс министр иностранных дел Австрии Арман де Коленкур должен был отстаивать требования Наполеона. Основные положения, выдвинутые Наполеоном: не подписывать мира на условии возврата Франции к её «естественным границам» и независимость Италии[3]. Положения французской стороны не могли найти поддержки союзников. Показательным является то, что Россия, Австрия, Пруссия и Великобритания договорились вести переговоры с Коленкуром «от имени всей Европы»[4], осознавая масштаб военных действий. Несмотря на сплочённость, по вопросам перемирия, власти во Франции и судьбы Герцогства Варшавского наблюдалось противостояние совместной позиции Пруссии, Австрии и Великобритании и позиции Александра I. Австрия и Пруссия желали, чтобы Россия получила лишь небольшую часть земель Герцогства.

Особенно стоит отметить, что в Шомоне, а затем и в Париже, где шли бурные обсуждения будущего Европы, находился и князь Чарторыйский. Его появление не могло не быть замечено, учитывая его заинтересованность в польском вопросе. Основной целью действий князя было распространение своего мнения о судьбе Герцогства Варшавского. Австрия и Пруссия «не без основания боялись его (А. Чарторыйского – С.У.) влияния, а так как польский вопрос особенно тревожил Австрию и Пруссию... пришлось следить за действиями непрошенного нового гостя»[5]. Министр иностранных дел Великобритании Р.-С. Каслри писал премьер-министру: «Я пытался понять позицию по польскому вопросу, но император (Александр I – С.У.) всегда избегал этого вопроса, а сейчас сюда приглашен Чарторыйский, чтобы еще сильнее заставить нервничать австрийский кабинет»[6]. Князь продолжал настаивать на своей идее: «Просит соединить, если возможно, земли Польши, не делить её снова, даровать прощение всем воевавшим против союзников. Если уж делить

[1] Могилевский Н.А. Заграничный поход русской армии 1813-1814 годов. – С. 205–206.
[2] Николай Михайлович, Великий князь. Император Александр I. Т.I. – С. 147.
[3] Могилевский Н.А. Заграничный поход русской армии 1813-1814 годов. – С. 218–219.
[4] Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.III. – С. 152–154.
[5] Николай Михайлович, Великий князь. Император Александр I. Т.I. – С. 156.
[6] Webster C.K. British diplomacy (1813–1815). L., 1921. – P.160–161.

Польшу, то между Россией и Пруссией, но не отдавать Австрии»[1]. Конечно, А. Чарторыйский не мог изменить ход переговоров, однако по итогам своей «разведки» и разговора с императором он «остался убежденным, что Александр не изменил взглядов на дорогой ему польский вопрос»[2].

Шатильонские переговоры были сорваны французской стороной, так как подготовленные с задержкой проекты Коленкура совершенно противоречили уже выработанному союзному проекту мирного договора. Оба контрпроекта французского министра были отклонены, а переговоры не увенчались успехом. Не получилось решить и проблему Герцогства Варшавского. Как итог, вопрос был перенесён на Венский конгресс. Однако выработанный союзниками проект мирного договора был признан основой для будущего обсуждения в Вене; а Шомонский трактат, подписанный союзниками 17 февраля 1814 г., «должен был предупредить всякого рода недоразумения между союзными державами»[3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе обсуждений России, Австрии и Пруссии предварительно решить польский вопрос не получилось. Все три государства претендовали на территорию Великого герцогства Варшавского почти целиком, что усложняло достижение компромисса. И Александру I, и европейским державам было понятно, что судьба Герцогства на Венском конгрессе будет важной повесткой встреч и выльется в борьбу интересов.

Каждая страна имела особое мнение относительно будущего польских территорий. В начале кампании Россия рассматривала земли Герцогства как плату за человеческие жертвы и материальный ущерб, принесённые ей наполеоновскими войнами. Пруссия до начала Заграничного похода стремилась вернуть себе территории, отошедшие Герцогству Варшавскому в 1807 г., однако уже в феврале 1813 г. она была вынуждена отказаться от своих территориальных претензий согласно Калишскому договору. Австрия, хотя и сознавала свои исторические претензии на территории, до сентября 1813 г. оставалась союзницей Наполеона, поэтому в первую половину кампании она не вступала в переговоры по территориальному вопросу.

Весной-летом 1813 г. Александру I не было свойственно менять или продвигать своё мнение, так как он считал, что территориальные вопросы необходимо решать только после окончания военных действий. Пруссия выдвинула идею разделённой Польши, где каждая страна получила бы часть Варшавского герцогства (но бóльшую хотела забрать себе). Меттерних видел решение польского вопроса через полную ликвидацию Герцогства, причём он желал видеть земли разделёнными в составе Австрии и Пруссии, но не России.

В конце 1813 г. наблюдается сближение позиций трёх держав, что было мотивировано началом переговоров с общим врагом и вступлением Австрии в антифранцузский союз: единая позиция предполагала невмешательство Наполеона в территориальный вопрос, восстановление Пруссии в границах до 1806 г. и роспуск и раздел Герцогства. В ходе кампании 1814 г. произошли перемены в союзе – единая позиция

[1] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. I: 1801-1815. T.VII. – С. 618.
[2] Николай Михайлович, Великий князь. Император Александр I. Т.I. – С. 157.
[3] Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.III. – С. 155.

Австрии и Пруссии противостояла дипломатии Российской империи; европейские державы стремились, чтобы Россия получила как можно меньшую часть. В это время всё внимание Александра I занимали военные действия, которые продвигались на территорию Французской империи.

Таким образом, в 1813 - марте 1814 гг. внутри VI Антифранцузской коалиции не было согласованного мнения относительно польского вопроса на протяжении всей Заграничной кампании Александра I; единство Австрии и Пруссии противостояло позиции России. Проводя совместные военные действия, Австрия и Пруссия были против вхождения территорий Герцогства Варшавского в состав России. Они видели Герцогство Варшавское разделённым, частично или все его территории в составе своих государств. Такое различие в позициях наблюдается не только относительно Герцогства, но и в других вопросах (например, необходимость продолжения войны с Наполеоном).

В таком ключе обусловлена важность отдельного рассмотрения позиции России. В узком кругу императора были представлены разносторонние точки зрения. Несмотря на то, что Александр I учитывал идеи своих приближённых, вплоть до Венского конгресса он остался верен принципам, выраженным ещё до начала Заграничного похода. Особым дипломатическим ходом со стороны России было дипломатическое участие А. Чарторыйского. Так, он присутствовал в учреждениях, где шло активное обсуждение польского вопроса, и представлял свои взгляды на будущее Герцогства Варшавского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801-1914: в 4 т. Т.1. Внешняя политика Александра I. 1801-1825 / О.Р. Айрапетов. – М.: Кучково поле, 2017. – 608 с.
2. Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805-1815 гг. / В.М. Безотосный. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 664 с.
3. Гальберштадт Л.И. Внешняя политика России в царствование Александра I / Л.И. Гальберштадт // Три века. Россия от Смуты до нашего времени: исторический сборник / Под ред. В.В. Каллаша. – М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1913. – T.V. – С. 180–227.
4. Макарова Г.В. Россия и создание конституционного Королевства Польского / Г.В. Макарова // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815-1830. – М.: Индрик, 2010. – С. 11–108.
5. Могилевский Н.А. Заграничный поход русской армии 1813-1814 годов / Н.А. Могилевский. – М.: Академический проект, 2018. – 332 с.
6. Николай Михайлович, Великий князь. Император Александр I. – СПб.: Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг, 1912. – Т.I. – 580 с.

7. Соколов А.Р. Русские в Варшаве в 1813-1815 годах: от Герцогства Варшавского к царству польскому / А.Р. Соколов // Новый исторический вестник. – 2018. – №2 (56). – С. 121–139.
8. Соловьев С.М. Император Александр I. Политика — дипломатия. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1877. – 560 с.
9. Сорель А. Европа и французская революция. – СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1908. – Т.VIII. – 420 с.
10. Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1897. – Т.III. – 569 с.
11. Oncken W. Osterreich und Preussen in Befreiungskriege / W. Oncken. – Bd.1. – Berlin: Grote, 1879. – 462 s.
12. Oncken W. Österreich und Preußen im Befreiungskriege: Urkundliche Aufschlüsse über die politische Geschichte des Jahres 1813 / W. Oncken. – Berlin: Grote, 1876. 708 s.
13. Webster C.K. British diplomacy (1813–1815). L.: G Bell and Sons Ltd., 1921. 409 p.

REFERENCES

1. Ajrapetov O.R. Istoriya vneshnej politiki Rossijskoj imperii. 1801-1914: v 4 t. T.1. Vneshnyaya politika Aleksandra I. 1801-1825 [The history of the foreign policy of the Russian Empire. 1801-1914: in 4 vols. V.1. The foreign policy of Alexander I. 1801-1825] / O.R. Ajrapetov. – M.: Kuchkovo pole [Kuchkovo field], 2017. – 608 p.
2. Bezotosnyj V.M. Rossiya v napoleonovskih vojnah 1805–1815 gg. [Russia in the Napoleonic wars of 1805-1815] / V.M. Bezotosnyj. – M.: Politicheskaya enciklopediya, 2014. – 664 p.
3. Gal'bershtadt L.I. Vneshnyaya politika Rossii v carstvovanie Aleksandra I [Foreign policy of Russia in the reign of Alexander I] / L.I. Gal'bershtadt // Tri veka. Rossiya ot Smuty do nashego vremeni: istoricheskij sbornik [Three centuries. Russia from the Troubles to our Time: a historical collection] / Pod red. V.V. Kallasha. – M.: Tovarishchestvo I.D. Sytina, 1913. – T.V. – pp. 180–227.
4. Makarova G.V. Rossiya i sozdanie konstitucionnogo Korolevstva Pol'skogo [Russia and the creation of the constitutional Kingdom of Poland] / G.V. Makarova // Pol'sha i Rossiya v pervoj treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830 [Poland and Russia in the first third of the 19th century. From the history of the Autonomous Kingdom of Poland. 1815-1830.]. – M.: Indrik, 2010. – pp. 11–108.
5. Mogilevskij N.A. Zagranichnyj pohod russkoj armii 1813-1814 godov [The foreign campaign of the Russian army of 1813-1814] / N.A. Mogilevskij. – M.: Akademicheskij proekt, 2018. – 332 p.
6. Nikolaj Mihajlovich, Velikij knyaz'. Imperator Aleksandr I [Emperor Alexander I]. – SPb.: Ekspediciya Zagotovleniya Gosudarstvennyh Bumag, 1912. – T.I. – 580 p.
7. Sokolov A.R. Russkie v Varshave v 1813–1815 godah: ot Gercogstva Varshavskogo k carstvu pol'skomu [Russians in Warsaw in 1813-1815: from the Duchy of Warsaw to the Kingdom of Poland] / A.R. Sokolov // Novyj istoricheskij vestnik. – 2018. – №2(56). – pp. 121–139.

8. Solov'ev S.M. Imperator Aleksandr I. Politika — diplomatiya [Emperor Alexander I. Politics is diplomacy]. – SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1877. – 560 p.
9. Sorel' A. Evropa i francuzskaya revolyuciya [Europe and the French Revolution]. – SPb.: Izdanie L.F. Panteleeva, 1908. – T.VIII. – 420 p.
10. Schilder N.K. Imperator Aleksandr I, ego zhizn' i carstvovanie [Emperor Alexander I, his life and reign]. – SPb.: Tip. A.S. Suvorina, 1897. – T.III. – 569 p.
11. Oncken W. Osterreich und Preussen in Befreiungskriege / W. Oncken. – Bd.1. – Berlin: Grote, 1879. – 462 s.
12. Oncken W. Österreich und Preußen im Befreiungskriege: Urkundliche Aufschlüsse über die politische Geschichte des Jahres 1813 / W. Oncken. – Berlin: Grote, 1876. 708 s.
13. Webster C.K. British diplomacy (1813–1815). L.: G Bell and Sons Ltd., 1921. 409 p.

Историко-культурные основания идеологического противостояния концепций Большого Ирана и Великого Турана на Южном Кавказе

Полякова Анна Александровна
МГИМО МИД России
Факультет международных отношений, 1 курс магистратуры

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются историко-культурные основания идеологического противостояния концепций Большого Ирана и Великого Турана и их влияние на внешнюю политику Ирана и Турции на Южном Кавказе. В силу ограничений формата научной статьи исследование не претендует на полное освещение тысячелетней эволюции указанных концепций, а сосредотачивается на ключевых исторических вехах данного процесса. В исследовании, основанном на историческом, сетевом и сравнительном анализе, а также конструктивистских подходах, рассматриваются культурно-религиозные различия как факторы указанного противостояния и историческая динамика ирано-турецких войн. Особое внимание уделено инструментализации панирализма и пантюркизма, а также стратегическому значению региона.

Ирано-турецкие войны как часть противостояния Ирана и Турции рассматриваются через сетевой анализ, где Южный Кавказ – ключевой узел с высокой центральностью и плотностью конфликтов. Локальные и глобальные коэффициенты кластеризации показывают взаимосвязанность зон боевых действий и наличие треугольной области соперничества.

Сравнительный анализ концепций Большого Ирана и Великого Турана выявляет различия в идеологических и стратегических подходах Ирана и Турции к региональному доминированию. Не являясь официальными стратегическими документами, концепции Большого Ирана и Великого Турана выступают идеологическим обоснованием внешнеполитических приоритетов Ирана и Турции на Южном Кавказе. Иран опирается на культурно-цивилизационное наследие, в то время как Турция реализует более политизированную стратегию, ориентированную на этническую общность. Противостояние также усиливается религиозными различиями и сталкивающимися экономическими интересами.

Результаты исследования показывают, что современное соперничество Ирана и Турции на Южном Кавказе продолжает исторические тренды и сохраняет свою актуальность для обоих государств с точки зрения идеологии, национальной безопасности и экономических интересов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Большой Иран, Великий Туран, Южный Кавказ, ирано-турецкое соперничество, панирализм, пантюркизм.

Для связи с автором: polyakovaannaa@yandex.ru

Historical and Cultural Foundations of the Ideological Confrontation Between the Concepts of Greater Iran and Great Turan in the South Caucasus

Anna A. Polyakova
MGIMO University
School of International Relations, 1st Year Master's Programme

ABSTRACT

The article explores the historical and cultural foundations of the ideological rivalry between Greater Iran and Great Turan and their influence on Iran and Türkiye's foreign policies in the South Caucasus. Due to the limitations of a scholarly article's format, the study focuses on the key historical milestones of the millennial evolution of the given concepts rather than claims to provide a comprehensive coverage of the process in question. Based on historical, network, and comparative analysis alongside constructivist approaches, the study explores cultural and religious differences as factors in the confrontation considered and the historical dynamics of Iran-Türkiye wars. Special attention is given to the instrumentalization of Pan-Iranism and Pan-Turkism, as well as the region's strategic importance.

Iran-Türkiye wars as part of the rivalry between the two countries are analyzed through network analysis, with the South Caucasus as a central node, characterized by high centrality and density of conflicts. Local and global clustering coefficients show the interconnectedness of conflict zones and a triangular area of competition.

A comparative analysis of the concepts of Greater Iran and Great Turan reveals differences in the ideological and strategic approaches of Iran and Türkiye to regional dominance. The concepts of Greater Iran and Great Turan do not resemble official strategic documents, yet they serve as the ideological reasoning behind Iran's and Türkiye's foreign policy priorities in the South Caucasus. Iran relies on cultural and civilizational heritage, while Türkiye pursues a more politicized strategy focused on ethnic unity. The confrontation is further intensified by religious differences and conflicting economic interests.

The findings emphasize that the contemporary rivalry between Iran and Türkiye in the South Caucasus continues historical trends and remains relevant for both states in terms of ideology, national security, and economic interests.

KEYWORDS

Greater Iran, Great Turan, South Caucasus, Iran-Türkiye rivalry, pan-Iranism, pan-Turkism.

Contact the author via polyakovaannaa@yandex.ru

Актуальность исследования связана с возросшей ролью идентичности и идеологии в международных отношениях и усилением интереса мировых и региональных держав (в т.ч. Ирана и Турции) к Южному Кавказу. Противостояние концепций Большого Ирана и Великого Турана влияет на внешнюю политику Тегерана и Анкары, особенно после распада СССР, когда национализм обострил региональные конфликты, например, армяно-азербайджанский. Для России, считающей Южный Кавказ зоной своего влияния, этот вопрос важен на фоне обострения отношений с Арменией и Азербайджаном и перераспределения ресурсов на украинское направление, поскольку Иран и Турция усиливают присутствие в регионе.

Цель исследования – выявить ключевые историко-культурные основания противостояния концепций Большого Ирана и Великого Турана на Южном Кавказе и привести примеры их выражения в истории и литературе.

Объект исследования – противостояние концепций Большого Ирана и Великого Турана в идеологическом и внешнеполитическом измерении стратегий Ирана и Турции на Южном Кавказе; предмет – историко-культурные факторы, обусловившие формирование и развитие данного противостояния.

Для реализации цели исследования были поставлены следующие задачи:

1) Рассмотреть идеологические основы концепций Большого Ирана и Великого Турана, выявить их ключевые сходства и различия;

2) Исследовать исторические вехи соперничества между Ираном и Турцией в регионе Южного Кавказа по результатам анализа ключевых этапов ирано-турецких войн;

3) Выявить роль культурно-религиозных факторов в противостоянии Ирана и Турции на Южном Кавказе на примерах содержания поэмы Фирдоуси «Шахнаме» и сефевидской политики «шиитизации»;

4) Определить значение Южного Кавказа в рамках конфликта интересов Ирана и Турции по итогам проведения сетевого анализа военных конфликтов между странами.

Методы исследования: исторический, эмпирический, сетевой и сравнительный анализ, конструктивистские подходы.

Теоретической основой исследования является конструктивизм, а именно социальная теория международной политики А. Вендта[1], рассматривающая безопасность как социальный конструкт, основанный на восприятии угроз[2]. Это восприятие формируется через исторический и культурный опыт, в данном случае отраженный в идеологических концепциях Большого Ирана и Великого Турана, важных для внешней политики Ирана и Турции.

Тема исследования остается недостаточно изученной, несмотря на ее актуальность. Однако существует ряд работ, касающихся отдельных связанных с ней аспектов, в т. ч. концепций Большого Ирана и Великого Турана, а также ирано-турецких отношений и конкуренции за влияние на Южном Кавказе. Среди российских авторов стоит отметить следующих специалистов: по внешней политике,

[1] Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics / International Organization, Vol. 46, No. 2 (Spring, 1992), pp. 391-425 / The MIT Press // JSTOR archive. – 1992. – URL: http://www.jstor.org/stable/2706858 (accessed on 18.10.2024).

[2] Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. №1 (14). С. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/myslit-konstruktivistski-otkryvaya-mnogogolosyy-mir (дата обращения: 18.10.2024).

идеологии и идентичности Турции – В.А. Аваткова[1][2], Ю.Ю. Мавашева[3], И.И. Стародубцева[4], И.Л. Фадееву[5]; по вопросам внешней политики, идентичности и национализма в Иране – М.А. Алонцева[6], О.И. Жигалину[7], М.С. Каменеву[8], Н.А. Кожанова[9], Ю.Ю. Лямина[10], В.И. Сажина[11]; по ситуации на Южном Кавказе и взаимодействию в данном регионе различных акторов (в т. ч. Турции и Ирана) – А.М. Искандаряна[12], С.М. Маркедонова[13], С.Г. Мелконяна[14]. Отдельно следует выделить коллективную монографию «Буря на Южном Кавказе» под редакцией Р.Н. Пухова[15]. Изданная под его же редакцией в 2024 г. коллективная монография «Турецкий маршрут» затрагивает целый ряд приведенных вопросов[16].

Среди иностранных авторов можно выделить работы Р. Зия-Эбрахими[17], М. Зониса[18] и Р. Фрая[19], посвященные истории Ирана и вопросам иранской идентичности. Т. Атабаки рассматривает концепции Большого Ирана и Великого Турана[20], Т. де Ваал

[1] Аватков В.А. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? Мировая экономика и международные отношения, 2022, т. 66, № 2, сс. 90-100. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100 (дата обращения: 09.03.2025).
[2] Аватков В.А., Касьяненко А.В. Военно-политические отношения на Южном Кавказе в контексте треугольника «Россия-Турция-Иран» // Мировая политика. 2021. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskie-otnosheniya-na-yuzhnom-kavkaze-v-kontekste-treugolnika-rossiya-turtsiya-iran (дата обращения: 19.10.2024).
[3] Мавашев Ю.Ю. «Новая Турция»: между Ататюрком и Эрдоганом. Монография (18+) / Кавказский геополитический клуб. – М.: Издатель А.В. Воробьев, 2024. – 308 с.
[4] Сатановский Е.Я. Турция между Россией и Западом. Мировая политика как она есть без толерантности и цензуры / Е.Я. Сатановский, И.И. Стародубцев. – М.: Эксмо, 2023. – 288 с.
[5] Фадеева И.Л. Турция: противостояние исламизации и секуляризма // Россия и мусульманский мир. 2010. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/turtsiya-protivostoyanie-islamizatsii-i-sekulyarizma (дата обращения: 15.12.2024).
[6] Алонцев М.А. Иранистика в Евразии: прошлое, настоящее, будущее / М.А. Алонцев, К.Х. Идрисов, М.С. Каменева. – М.: РГГУ, 2018. – 140 с.
[7] Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 264 с.
[8] Каменева М.С. О трансформации понятия «культура» в Исламской Республике Иран // Россия и мусульманский мир. 2015. №3 (273). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-transformatsii-ponyatiya-kultura-v-islamskoy-respublike-iran (дата обращения: 18.10.2024).
[9] Кожанов Н.А. Исламская Республика Иран в поиске своего внешнеполитического «я»: революционное новаторство или преемственность? / Н. А. Кожанов, А. С. Богачева // Вестник МГИМО. 2020. №2 (71). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-respublika-iran-v-poiske-svoego-vneshnepoliticheskogo-ya-revolyutsionnoe-novatorstvo-ili-preemstvennost (дата обращения: 18.10.2024).
[10] Лямин Ю.Ю. Персидский бастион / Под редакцией Ю.Ю. Лямина, Р.Н. Пухова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2019. – 320 с.
[11] Сажин В.И. Иранский Азербайджан - история и политика // Журнал Международная жизнь – 2021. – URL: https://interaffairs.ru/news/show/32232 (дата обращения: 30.07.2025).
[12] Буря на Кавказе / Д. Барри, Г.М. Дерлугьян, А.М. Искандарян, М. Казалет, А.В. Лавров, К.В. Макиенко, С.М. Маркедонов, Л.А. Нерсисян, Р.Н. Пухов, Д.В. Тренин, К. Хас, М.Ю. Шеповаленко; под ред. Р.Н. Пухова. — М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021 — 128 с.
[13] Маркедонов С.М. Слом статус-кво и международное измерение кризиса в Нагорном Карабахе. Доклад международного дискуссионного клуба Валдай. М. 2020. ноябрь. 23 с. (в соавторстве с В. Каледжи и К. Хасом). URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/slom-status-kvo-karabakh/ (дата обращения: 18.10.2024).
[14] Вахланг Дж. Индия на Южном Кавказе: значение для России, Ирана и Турции / Дж. Вахланг, С.Г. Мелконян. – РСМД, 2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-na-yuzhnom-kavkaze-znachenie-dlya-rossii-irana-i-turtsii/ (дата обращения: 02.01.2025)
[15] Буря на Кавказе / Д. Барри, Г.М. Дерлугьян, А.М. Искандарян, М. Казалет, А.В. Лавров, К.В. Макиенко, С.М. Маркедонов, Л.А. Нерсисян, Р.Н. Пухов, Д.В. Тренин, К. Хас, М.Ю. Шеповаленко; под ред. Р.Н. Пухова. — М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021 — 128 с.
[16] Турецкий маршрут / Йешильташ М., Караташ Х., Каширин В.Б. и др. / под ред. Р.Н. Пухова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2024. – 220 с.
[17] Zia-Ebrahimi, R. The Emergence of Iranian Nationalism: Race and the Politics of Dislocation. New York: Columbia University Press, 2016. 306 p.
[18] Zonis M. The Political Elite of Iran / Princeton Univ. Press // Internet Archive. – 1971. – p. 121. – URL: https://archive.org/details/politicaleliteof0000zoni (accessed on 18.10.2024).
[19] Фрай Р. Наследие Ирана / Под ред. и с предисл. М.А. Дандамаева; Пер. с англ. В.А. Лившица и Е.В. Зеймаля. М.: Восточная литература, 2002. – 463 с.
[20] Atabaki T. Recasting Oneself, Rejecting the Other: Pan-Turkism and Iranian Nationalism / Van Schendel, W. (Editor). / Identity Politics in Central Asia and the Muslim World: Nationalism, Ethnicity and Labour in the Twentieth Century. // London, GBR: I.B. Tauris & Company, Limited, 2001.

фокусируется на армяно-азербайджанском конфликте и ситуации на Южном Кавказе[1], К. Хас рассматривает внешнеполитическую стратегию Турции в данном регионе[2], а В. Каледжи изучает подход Ирана к региональным вопросам[3].

Новизна исследования заключается в изучении этапа, предшествующего формулированию концепций Большого Ирана и Великого Турана. В отличие от большинства работ, в данном случае прослеживается не только современное состояние этих концепций, но и их эволюция, в т. ч. история иранотурецких отношений и культурное взаимодействие стран. Приведена четкая хронологизация процесса формирования историко-культурных оснований концепций и их противостояния. Особое внимание уделяется проявлениям концепций в легендах и литературе, а также их взаимному влиянию, поскольку обе концепции происходят из персидских мифов. Для исследования исторических процессов применяется качественно-количественная методология – сетевой анализ.

Концепция Большого Ирана сосредоточена на территориях, прежде находившихся под влиянием иранской цивилизации и культуры: Иране, Кавказе (особенно Азербайджане), Восточной Турции, Центральной Азии (Таджикистане, Туркменистане, части Узбекистана), Афганистане и западных районах Пакистана и Индии. Включение Ближнего Востока в пространство Большого Ирана является дискуссионным. Частично к нему относят Ирак, исторически связанный с Ираном, поскольку он входил в состав Ахеменидской и Сасанидской империй, а также Парфянского царства. Иракский Наджаф до сих пор важен для шиитов, а шиитские группировки Ирака входят в спонсируемую Тегераном «Ось сопротивления». Однако Левант, Аравийский полуостров и Северная Африка лишь эпизодически находились под иранским влиянием. Так, Египет (VI–IV вв. до н.э., 619–629 гг. н.э.) и Йемен (VI в. н.э.) временно находились под властью Персии, но из-за краткости персидского господства и удаленности данных стран от Ирана его влияние на них было слабым, в отличие от Центральной Азии, Кавказа и Афганистана. Сегодня Тегеран активно развивает отношения с Каиром, конкурируя на этом поприще с Анкарой, а также поддерживает хуситское движение «Ансаралла» в Йемене, рассматривая его как часть «Оси сопротивления». Однако данные внешнеполитические шаги мотивированы скорее геополитическими и экономическими соображениями, а не историко-культурными факторами

Стоит обратиться к истории развития идеи паниранизма, которая оформилась в конце XIX – начале XX вв. как ответ на панарабизм и пантюркизм, особенно усилившийся в годы Первой мировой войны и межвоенный период на фоне роста амбиций Османской империи и стремления к независимости тюркских народов Центральной Азии и Кавказа. В частности, пантюркистские круги выдвигали проекты создания государства Туран за счет тюркоязычных регионов Ирана, Кавказа и Центральной Азии. В свою очередь, в 1925 г. иранский политический и общественный деятель, мыслитель, публицист и юрист М. Афшар Язди

[1] Де Ваал Т. Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной / М.: Российская политическая энциклопедия, 2014. – 392 с.
[2] Маркедонов С.М. Слом статус-кво и международное измерение кризиса в Нагорном Карабахе. Доклад международного дискуссионного клуба Валдай. М. 2020. ноябрь. 23 с. (в соавторстве с В. Каледжи и К. Хасом). URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/slom-status-kvo-karabakh/ (дата обращения: 18.10.2024).
[3] Там же.

(1893-1984) определил панираниз как концепцию национального государства, объединяющего персоязычные народы и связанные с Ираном этнические группы; при этом панираниз, по его замыслу, носил оборонительно-культурный, а не экспансионистский характер[1].

М. Афшар родился в Йезде, получил образование в Индии и Иране, защитил докторскую диссертацию по политическим наукам в Швейцарии[2]. Во время пребывания в Европе активно выступал в швейцарской прессе в защиту суверенитета Ирана из-за англо-иранского соглашения 1919 г., предусматривавшего исключительные права Великобритании на иранскую нефть. По возвращении в Иран занимался преподаванием, занимал различные должности в судебных, финансовых и культурных ведомствах[3]. В 1925 г. основал журнал «Айянде» («Будущее»), где продвигал идеи культурного национализма и единства иранских народов. Также учредил благотворительный Фонд вакуфов своего имени, завещав значительную часть имущества на поддержку персидского языка, образования и науки в Иране.

Концепция Большого Ирана восходит к III в. н.э. и связана с культурной экспансией Сасанидов. В основе идеи лежало представление об Иране как Ираншахре («Царстве Ирана») – цивилизационной общности множества этнических и религиозных групп, противопоставленной варварскому миру Анерана («Не-Ирана»), куда Шапур I (241-272 гг.) включал Сирию, Каппадокию, Киликию и Кавказ[4]. Таким образом, еще Сасаниды стремились интегрировать Южный Кавказ в Ираншахр.

После исламского завоевания Ирана в VII в. концепция Ираншахра была адаптирована к новым условиям. Особенно заметным ее возрождение стало при Сельджуках (XI-XII вв.), правителях тюркского происхождения, принявших персидскую культуру как основу иранской государственности[5]. Поэма Фирдоуси «Шахнаме»[6] (XI в.) укрепила идею преемственности персидской цивилизации, противопоставляя Иран Анерану – в первую очередь Турану[7]. Мифологический мотив обосновывал историческое противостояние Ирана с арабами, римлянами и тюрками.

Изначально панираниз позиционировался как культурно-оборонительная концепция, направленная на консолидацию персидской идентичности и сохранение целостности иранской культуры в ответ на вызовы пантюркизма и панарабизма. Однако современная внешнеполитическая активность Ирана на Южном Кавказе и Ближнем Востоке, в т. ч. в рамках «Оси сопротивления», демонстрирует выраженные региональные амбиции, что позволяет говорить о

[1] Afshar Yazdi M. Afghan Letter // Volume 3, Tehran Printing, 160 Solar, p. 405-49.
[2] Torkaman M. Namehā-ye Doctor Mosaddeq / [Письма доктора Мосаддека]. / Chap-e aval. // Tehran: Nashr-e Hezārān, 1374 [1995]. – S. 36.
[3] Sheikh al-Eslami J. Be yād-e bonyāngozār-e Āyande [В память об основателе журнала «Айянде»] // Majalle-ye Āyande – Sāl-e noh, shomāre-ye Dey va Bahman 1362 [1984]. – S. 717–725.
[4] Gignoux Ph. ANĒRĀN / Encyclopædia Iranica // II/1, pp. 30-31. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/aneran (accessed on 08.03.2025).
[5] Фрай Р. Наследие Ирана / Под ред. и с предисл. М.А. Дандамаева; Пер. с англ. В.А. Лившица и Е.В. Зеймаля. М.: Восточная литература, 2002. С. 333.
[6] Фирдоуси Х. Шах-наме [Электрон. ресурс] / Х. Фирдоуси; пер. с перс. Ц. Бану // Librebook.me. – 2013. – URL: https://librebook.me/shahnameh (дата обращения: 18.10.2024).
[7] Dhalla M.N. Zoroastrian civilization: from the earliest times to the downfall of the last Zoroastrian empire, 651 A.D. / New York : Oxford University Press // Pp. 5-6. – 1922. – URL: https://archive.org/details/zoroastriancivi00dhalgoog/mode/2up (accessed on 08.03.2025).

прагматическом экспансионизме и ставит под сомнение исключительно оборонительный характер данной идеологии. Тем более, что сам архетип идеи «Большого Ирана» восходит к значительно более раннему историко-культурному контексту и был сформирован задолго до идеологических реалий XIX-XX вв.

Пантюркизм возник на рубеже XIX-XX вв. под влиянием романтического национализма и идеи общей истории, культуры и языка тюркских народов[1]. Один из его главных идеологов, турецкий писатель, поэт, социолог и политический деятель З. Гёкальп (1876-1924) разработал концепцию «турецкого идеала» («мефкуре») как «эмоционально усиленную коллективную идею»[2], а Туран описал как земли, населенные тюрками и тюркоязычными народами[3].

Пантюркизм призван объединить тюркские народы на этнической, языковой и культурной основе. Одними из первых его идеологов были представители тюркско-мусульманской интеллигенции Российской империи. В конце XIX в. И. Гаспринский предложил идею общетюркского языка, основанного на турецком языке, и издавал на нем газету «Тәрҗеман» («Переводчик»). В начале XX в. пантюркизм активно развивали младотурки, стремясь сделать Турцию центром тюркского мира.

Взгляды З. Гёкальпа (настоящее имя – Мехмед Зия), одного из главных идеологов пантюркизма, формировались в т. ч. под влиянием тюркско-мусульманской интеллигенции из Казани, Закавказья и Крыма. Получив традиционное мусульманское образование и владея арабским и персидским языками, он в 1896 г. переехал в Константинополь, где присоединился к младотуркам; в 1899 г. был арестован и выслан в Диярбакыр.

После младотурецкой революции 1908 г. взял псевдоним Гёкальп («небесный герой»), вступил в партию «Единение и прогресс», возглавил ее отделение в Диярбакыре, затем вошел в Центральный комитет. В 1909 г. переехал в Салоники, где редактировал журналы Genç Kalemler («Молодые писатели») и Yeni Felsefe Mecmuasi («Журнал новой философии»), продвигая идеи культурного национализма.

На раннем этапе своей деятельности Гёкальп выступал за восстановление величия Османской империи (идея Великой Турции) через ее тюркизацию – распространение турецкого языка и культуры среди этнических меньшинств. Со временем он пересмотрел свои взгляды, сформулировав идею пантюркизма как основу объединения тюркоязычных народов под эгидой Турции в мегагосударство Туран[4] (идея Великого Турана).

С 1912 г. Гёкальп преподавал социологию в Стамбульском университете, в 1913 г. стал заместителем министра внутренних дел М. Талаат-паши, продвигал проект «Туран Йолу» («Дорога в Туран») для установления турецкого контроля над Кавказом, Крымом и Туркестаном[5]. Критиковал османизм и исламизм как устаревшие и поддерживал светский турецкий национализм, оказал значительное влияние на

[1] Жигульская Д.В. «Турецкий идеал» в философии Зии Гёкальпа // Идеи и идеалы. 2021. №2-2. С. 347. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/turetskiy-ideal-v-filosofii-zii-gyokalpa (дата обращения: 09.03.2025).
[2] Heyd U. Foundations of Turkish nationalism: the life and teachings of Ziya Gökalp / London : Luzac and the Harvill Press // P. 50. – 1950. – URL: https://archive.org/details/foundationofturk0000unse/mode/2up (accessed on 09.03.2025).
[3] Sarınay Y. Türk milleti ve Turan / [Турецкая нация и Туран] // Türk Yurdu 6. – İstanbul: Ötüken, 1994. – N 2. – S. 181–185.
[4] Гасанова Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок. (1908-1914 гг.) [Текст] / АН АзССР. Ин-т народов Ближнего и Сред. Востока. - Баку : Изд-во АН АзССР, 1966. – С. 58.
[5] Гумилев Л.Н. Туран и Иран / Тысячелетие вокруг Каспия – М.: Айрис-пресс, 2008. – 384 с. – URL: https://hagahan-lib.ru/library/tysyacheletie-vokrug-kaspiya15.html (дата обращения: 20.04.2025).

идеологию младотурок и их репрессивную политику в отношении армян.

В 1919 г. был интернирован британцами на Мальту, по возвращении в Турцию присоединился к кемалистскому движению и в 1923 г. стал депутатом Великого национального собрания от Диярбакыра. Его теоретические труды сформировали идейные основы современной турецкой государственности[1].

Современный пантюркизм стремится объединить тюркские народы в сверхконфедерацию с центром в Турции[2], включающую также Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизию, тюркоязычные регионы в России (Татарстан, Башкортостан, Дагестан, Астрахань), Китае (Синьцзян-Уйгурский автономный район) и Иране (Восточный Азербайджан, Западный Азербайджан, Ардебиль, Северный Хорасан, Хорасан-Резави, Голестан). Каспийское море рассматривается как внутреннее море тюркского мира[3]. В своем геополитическом измерении концепция Великого Турана направлена в т. ч. на ослабление влияния Ирана в тюркоязычных регионах.

В современной Турции идеологию пантюркизма разделяют правящая Партия справедливости и развития (АКР) и ее главный союзник – Партия националистического движения (МНР), вместе имеющие около 53% мандатов в текущем XXVIII созыве парламента. МНР, основанная в 1969 г. ультраправым националистом А. Тюркешем, продвигает праворадикальную этнонационалистическую повестку. Тюркеш также создал боевое молодежное крыло партии – организацию «Серые волки» («Бозкурт»), действующую и сегодня. Сейчас МНР возглавляет Д. Бахчели, известный жесткой националистической риторикой. С середины 2010-х гг. МНР образовала официальный альянс с АКР, а «Серые волки» стали инструментом внешней и внутренней политики Турции[4], в т. ч. в борьбе с курдскими движениями, поддержке турецкой диаспоры в Европе и сотрудничестве с националистическими структурами «Великого Турана» (Азербайджан, Синьцзян)[5]. В Азербайджане локальное подразделение «Серых волков» было создано в 1990-х гг. под покровительством тогдашнего министра внутренних дел И. Гамидова[6].

АКР под руководством Р.Т. Эрдогана, формально позиционируемая как консервативная правоцентристская сила, де-факто продвигает нарратив, сочетающий неоосманизм и пантюркизм[7], что проявляется в активном сотрудничестве с Организацией тюркских государств и риторике Эрдогана, нередко представляющего Турцию как лидера тюркского мира: «Мы, как лидеры, должны направлять сердца, несущие флаг тюркского мира, с целью создания мощного и единого

[1] Parla T. The Social and Political Thought of Ziya Gökalp: 1876–1924 / Leiden : E.J. Brill // P. 7. – 1985.
[2] Гумилев Л.Н. Туран и Иран / Тысячелетие вокруг Каспия – М.: Айрис-пресс, 2008. – С. 15. – URL: https://hagahan-lib.ru/library/tysyacheletie-vokrug-kaspiya15.html (дата обращения: 20.04.2025).
[3] Вахитов Р. Практический этногенез [Электронный ресурс] // СОНАР-2050 - Союзный нарратив. – 2017. – URL: https://www.sonar2050.org/publications/vyzov-pantyurkizma-i-evraziyskiy-otvet/ (дата обращения: 15.12.2024).
[4] Денисова С. Серые волки. Турецкие экстремистские организации // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/turkeyextremists-greywolves (дата обращения: 29.07.2025).
[5] Singh B. Separatism in Xinjiang: Between Local Problems and International Jihad? / Institute of Peace and Conflict Studies // 2012. – JSTOR. P. 7. – URL: http://www.jstor.org/stable/resrep09357 (accessed on 29.07.2025).
[6] Амбарян Г.Л. Деятельность международных террористических организаций в Азербайджане // Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив – 2016. – URL: https://russia-armenia.info/node/26833 (дата обращения: 29.07.2025).
[7] Матюхин В.В. Доминирование Партии справедливости и развития в турецком политическом процессе: идеологический аспект // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2016. – №2. – С. 30. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dominirovanie-partii-spravedlivosti-i-razvitiya-v-turetskom-politicheskom-protsesse-ideologicheskiy-aspekt (дата обращения: 29.07.2025).

тюркского пространства»[1].

Оппозиционные партии Турции, прежде всего Республиканская народная партия (CHP), официально ориентируются на принципы кемализма К. Ататюрка, осуждавшего панисламизм и пантюркизм. Однако его концепция государственного турецкого национализма стала основой репрессивной политики в отношении этноконфессиональных меньшинств[2] – армян, греков, курдов и др., – что повлияло на развитие современного пантюркистского дискурса. Пантюркизм, возникший раньше кемализма, также оказал влияние на его формирование, что свидетельствует о взаимном влиянии данных доктрин. Показательно, что жест «Серых волков» сегодня используют политики разных идеологических спектров, в т. ч. оппозиция (например, бывший лидер CHP К. Кылычдароглу[3] и лидер Хорошей партии М. Ашкенер[4]) – это указывает на тенденцию к слиянию пантюркизма с турецким национализмом в единую идеологическую рамку.

Изначально турецкий национализм имел лишь этноцентрический характер и героизировал «тюркский дух», но сейчас пантюркизм стал частью мейнстримного националистического дискурса. Данный процесс поддерживается государством и внешнеполитическими действиями, что усиливает экспансионизм турецкого национализма. Современный пантюркизм – синкретичная идеология с ярко выраженной геополитической направленностью, объединяющая турецкий национализм, неоосманизм и интеграцию тюркского мира, институционально встроенная в политику Турции.

Южный Кавказ исторически является зоной столкновения концепций Большого Ирана и Великого Турана. Для сторонников первого регион ассоциируется с территориями Сасанидов, Сефевидов и Каджаров, а для приверженцев второго – с частью тюркского мира. Данный конфликт обострился после того, как Турция фактически переломила региональный статус-кво в свою пользу, сыграв важную роль в Карабахских войнах 2020 и 2023 гг. Это вынудило Иран перейти от нейтралитета к политико-дипломатической поддержке Армении как противовеса тюркско-турецкой экспансии.

Политика «один народ — два государства» в отношении Азербайджана является значимой частью концепции Великого Турана и поддерживается военным сотрудничеством, которое способствовало возвращению Нагорного Карабаха под контроль Азербайджана[5]. Турецкие беспилотники Bayraktar TB2 сыграли важную роль в изменении регионального статус-кво в пользу турецко-азербайджанского блока[6]. На Параде Победы в Баку в 2020 г. президент Турции Р.Т. Эрдоган прочитал стихотворение о единстве азербайджанцев, что вызвало недовольство Ирана. Турецкому

[1] «После принятия решения об общем алфавите новый шаг Турции – Туркестан» [Электронный ресурс] // БИЗНЕС Online – 2024. – URL: https://www.business-gazeta.ru/article/650885 (дата обращения: 29.07.2025).
[2] Савинов Л.В. Национальный вопрос в Турции / Л.В. Савинов // Федерализм. – 2012. – № 2(66). – С. 137.
[3] Kılıçdaroğlu'ndan bozkurt selamı [Электронный ресурс] // Cumhuriyet – 2023. – URL: https://www.cumhuriyet.com.tr/siyaset/kilicdaroglundan-bozkurt-selami-2075016 (дата обращения: 29.07.2025).
[4] Meral Akşener Bozkurt İşareti yaptı! Önce kendisi yazdı sonra kendisi bozdu // Son Havadis – 2023. – URL: https://web.archive.org/web/20230128193926/https://www.sonhavadis.com/meral-aksener-bozkurt-isareti-yapti-once-kendisi-yazdi-sonra-kendisi-bozdu/ (дата обращения: 29.07.2025).
[5] Аватков В.А. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66. – № 2. – С. 93. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100 (дата обращения: 09.03.2025).
[6] Маркедонов С.М. Слом статус-кво и международное измерение кризиса в Нагорном Карабахе. Доклад международного дискуссионного клуба Валдай. М. 2020. ноябрь. С. 6-9. (в соавторстве с В. Каледжи и К. Хасом). – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/slom-status-kvo-karabakh/ (дата обращения: 18.10.2024).

послу в Тегеране напомнили, что «эпоха территориальных претензий [...] прошла»[1]. Хотя инцидент был урегулирован, в январе 2021 г. Иран вновь обвинил Турцию во вмешательстве в армяно-азербайджанский конфликт[2].

Концепция «Великого Турана» имеет многозначный характер и допускает разные интерпретации.

Во-первых, в иранской мифологии Туран противопоставляется Ираншахру как пространство «хаоса» и кочевых племен, враждебных зороастрийскому миру, выступает символом дихотомии «свой – чужой».

Во-вторых, Туран обозначал ираноязычные кочевые народы Центральной Азии и северо-восточных соседей иранцев.

В-третьих, в древней и средневековой персидской географии Туран охватывал степи к северо-востоку от Ирана (от Приаралья до Сибири и Алтая), но границы были условными и политически неопределенными.

В-четвертых, с конца XIX в. Туран в пантюркизме стал символом объединения тюркских народов, в т. ч. вытеснивших в Средние века ираноязычные племена из Центральной Азии, и важным элементом турецкого национального мифа.

В-пятых, в современном внешнеполитическом дискурсе Турции концепция Турана объясняет геополитические амбиции Анкары в тюркоязычных регионах, в т. ч. на Южном Кавказе. При этом данный конструкт опирается скорее на исторический процесс освоения тюркскими народами туранских территорий, чем на иранскую мифологию.

Таким образом, Туран – это одновременно миф и идеологема, этнокультурный конструкт, географическое понятие, символ пантюркизма и политический проект современной Турции. При этом смысловое наполнение данного понятия менялось от эпохи к эпохе.

Также следует отметить, что Эрдоган стремится объединить в своей внешней политике элементы концепций и Великой Турции, и Великого Турана. С одной стороны, идея «Великой Турции» направлена на восстановление влияния в границах Османской империи. В данном контексте Анкара последовательно расширяет свое присутствие в регионах бывшей Османской империи через союз с Азербайджаном и активную политику на Балканах[3] и в Леванте[4][5] (действия Турции в Сирии осуждает, в частности, Иран[6]). С другой стороны, в рамках идеи «Великого Турана» Турция укрепляет позиции в тюркском мире в широком смысле, например, в Центральной Азии через Организацию тюркских государств, Турецкое агентство по сотрудничеству и координации, а также фонд «Маариф»[7]. Также, как отмечает

[1] Турецкого посла вызвали в МИД Ирана из-за прочитанного Эрдоганом стихотворения [Электронный ресурс] // IslamNews – 2020. – URL: https://islamnews.ru/turetskogo-posla-vyzvali-v-mid-irana-iz-za-prochitannogo-erdoganom-stikhotvoreniya (дата обращения: 15.12.2024).
[2] Хашеми А.Х. Интервью. Амир Хоссейн Газизаде Хашеми о ядерных проектах России и Ирана [Электронный ресурс] / беседовала А. Афанасьева // СМОТРИМ – 2021. – URL: https://smotrim.ru/video/2261838 (дата обращения: 15.12.2024).
[3] Минобороны Турции отправит спецназ в Косово по запросу НАТО [Электронный ресурс] // РИА Новости – 2023. – URL: https://ria.ru/20230603/spetsnaz-1875934790.html?ysclid=m81jaw4ban610678307 (дата обращения: 09.03.2025).
[4] История военных операций Турции в Сирии [Электронный ресурс] // ТАСС – 2019. – URL: https://tass.ru/info/6981077 (дата обращения: 09.03.2025).
[5] Турция инициировала возвращение Сирии в ОИС спустя 13 лет, сообщил источник [Электронный ресурс] // РИА Новости – 2025. – URL: https://ria.ru/20250307/siriya-2003743897.html?ysclid=m81jfog4ab387258043 (дата обращения: 09.03.2025).
[6] Глава МИД Ирана: На события в Сирии оказали непосредственное влияние Турция и ряд других стран [Электронный ресурс] // Новости Армении – 2025. – URL: https://news.am/rus/news/870657.html (дата обращения: 09.03.2025).
[7] Эргашев А.С., Гришин О.Е. Образовательная политика Турции в Центральной Азии. Проблемы постсоветского пространства. – 2022. – 9(3). – С. 321. https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-319-326 (дата обращения: 09.03.2025).

В.А. Аватков, двусторонние связи между Турцией и Азербайджаном приводят к их «сращиванию в единое туркоцентричное пространство почти во всех сферах взаимодействия»[1].

Рассматривая восприятие пантюркизма на Южном Кавказе, необходимо учитывать существование в Азербайджане концепции «Великого Азербайджана», сформулированной в 1991 г. основателем «Национально-освободительного движения Южного Азербайджана» П. Диланчи и развитой президентом Азербайджана А. Эльчибеем. Подобно концепции «Великой Турции», данная идея основана на объединении территорий, которые воспринимаются как исторически «свои», включает элементы экспансионизма, а также подчеркивает роль титульного этноса. Однако, в отличие от концепции «Великой Турции», ориентированной на восстановление турецкого влияния в более широких границах бывшей Османской империи, концепция «Великого Азербайджана» предполагает включение в состав Азербайджана территорий, исторически населенных азербайджанцами (от Дербента до Персидского залива), и не ставит целью интеграцию страны в пантюркистское пространство под эгидой Анкары. Так, в июле 2024 г. Эрдоган заявил, что Турция может «войти» в Израиль так же, как ранее в Ливию и Нагорный Карабах[2]. В ответ в Министерстве обороны Азербайджана подчеркнули, что заявления об участии иностранных войск «в операциях по восстановлению территориальной целостности и суверенитета Азербайджана не имеют оснований»[3]. Несмотря на стратегическое партнерство с Анкарой, Баку принципиально отказывается рассматривать конфликт в Нагорном Карабахе как турецкую военную интервенцию.

Показательно также, что в 1995 г. «Серые волки» были запрещены в Азербайджане за причастность к мятежу против президента Г. Алиева[4]. Таким образом, несмотря на то, что Азербайджан – главный бенефициар пантюркизма на Южном Кавказе, отношение к данной идеологии в Баку неоднозначное. Если концепция «Великой Турции» соотносится с пантюркизмом, то концепция «Великого Азербайджана» автономна по отношению к нему и направлена на укрепление суверенитета Азербайджана.

Отношение Армении к пантюркизму стало менее однозначным. Если раньше он ассоциировался с угрозой территориальной целостности и геноцидом 1915 г., то после поражений во Второй и Третьей Карабахских войнах (2020, 2023 гг.) и интеграции НКР в состав Азербайджана сделаны попытки сближения с Турцией: премьер-министр Н. Пашинян встречался с Р.Т. Эрдоганом в октябре 2020 г. на заседании Европейского политического сообщества в Праге[5] и в июне 2023 г. на инаугурации Эрдогана в Анкаре[6], в июне 2025 г. впервые посетил Турцию

[1] Аватков В.А. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66. – № 2. – С. 91. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100 (дата обращения: 09.03.2025).
[2] Турция может «войти» в Израиль, заявил Эрдоган [Электронный ресурс] // РИА Новости – 2024. – URL: https://ria.ru/20240728/konflikt-1962570340.html?ysclid=m81le8cxvl136923477 (дата обращения: 09.03.2025).
[3] В Баку задеты словами Эрдогана о помощи во время войны в Нагорном Карабахе [Электронный ресурс] // Sputnik Армения – 2024. – URL: https://am.sputniknews.ru/20240729/v-baku-obidelis-na-erdogana-iz-za-slov-o-pomoschi-vo-vremya-voyny-v-nagornom-karabakhe-78864593.html (дата обращения: 09.03.2025).
[4] Murinson A. Turkey's Entente with Israel and Azerbaijan: State Identity and Security in the Middle East and Caucasus / London : Routledge // 2010. – Pp. 43-56.
[5] Лидеры Турции, Азербайджана и Армении впервые встретились в Праге [Электронный ресурс] // РИА Новости – 2022. – URL: https://ria.ru/20221006/vstrecha-1822001226.html (дата обращения: 29.07.2025).
[6] Лидер Армении впервые за почти 15 лет прибыл в Турцию [Электронный ресурс] // РИА Новости – 2023. – URL: https://ria.ru/20230603/pashinyan-1875967305.html (дата обращения: 29.07.2025).

официально[1]. В марте 2025 г. он заявил, что международное признание геноцида армян не является приоритетом внешней политики Армении[2], а в апреле того же года в обращении на 110-ю годовщину геноцида отметил, что развитие суверенной Армении с международно признанными границами и урегулированными отношениями с соседями – «лучший путь преодоления трагедии»[3]. Позиция Еревана по Зангезурскому коридору, который Эрдоган называет «трамплином для объединения тюркских государств»[4], также смягчилась: в июле 2025 г. Пашинян допустил возможность передачи контроля над пограничными пунктами в формате «аутсорсинга» и призвал прекратить испытывать «аллергию» к слову «коридор»[5] (Зангезурский коридор принято называть в Армении Сюникской областью).

Не входя в тюркский мир и не имея столь сложной истории отношений с Турцией, Грузия воспринимает ее прежде всего как важного экономического партнера и сохраняет нейтралитет в региональных вопросах, прямо не затрагивающих ее интересы[6]. Россия и Иран видят в пантюркизме угрозу своему влиянию на Южном Кавказе, однако в современных условиях более жесткую позицию занимает Тегеран. Россия в публичных заявлениях называет вопрос о Зангезурском коридоре «суверенным делом Армении и Азербайджана»[7], тогда как Иран прямо обозначает его целью «ослабление Оси сопротивления, обрыв связи Ирана с Кавказом и создание сухопутной блокады Ирана и России на юге региона»[8].

Концепции Большого Ирана и Великого Турана влияют на внешнюю политику Тегерана и Анкары на Южном Кавказе, что подтверждается их заявлениями по региональным вопросам, в т. ч. армяно-азербайджанскому конфликту. Националистическая идеология панираниз ма противоречит религиозной доктрине Ирана, однако в заявлениях иранских политиков иногда прослеживаются скрытые отсылки к имперскому прошлому страны, особенно в контексте отношений с Арменией. Так, президент Ирана Э. Раиси после встречи с премьер-министром Армении Н. Пашиняном в 2022 г. отметил: «Кавказ – часть истории, цивилизации и культуры Ирана. Мы придаем большое значение безопасности и миру в регионе»[9].

---

[1] Премьер Армении Пашинян прибыл в Турцию с первым в истории рабочим визитом [Электронный ресурс] // Интерфакс – 2025. – URL: https://www.interfax.ru/world/1032287 (дата обращения: 29.07.2025).

[2] Пашинян заявил, что признание геноцида армян не является приоритетом [Электронный ресурс] // РБК – 2025. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67d350719a794738c80f56af (дата обращения: 29.07.2025).

[3] Пашинян сказал, как армяне должны «пережить» Геноцид [Электронный ресурс] // Sputnik Армения – 2025. – URL: https://am.sputniknews.ru/20250424/pashinyan-nazval-klyuchevuyu-zadachu-v-preodolenii-boli-genotsida-armyan-88187066.html (дата обращения: 29.07.2025).

[4] «Мост Трампа» или «Трамплин Эрдогана» через «Реальную Армению» к «Большому Турану»? [Электронный ресурс] // Sputnik Армения – 2025. – URL: https://am.sputniknews.ru/20250728/most-trampa-ili-tramplin-erdogana-cherez-realnuyu-armeniyu-k-bolshomu-turanu-91748311.html (дата обращения: 29.07.2025).

[5] Никол Пашинян сознательно отождествляет концессию и аутсорсинг [Электронный ресурс] // Հրապարակ – 2025. – URL: https://hraparak.am/post/7a8e855609f1b9bf3c57d8eb30c6bd2c (дата обращения: 29.07.2025).

[6] Грузия заявила о нейтралитете в карабахском конфликте [Электронный ресурс] // Коммерсантъ – 2020. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/4511250 (дата обращения: 29.07.2025).

[7] В Кремле назвали вопрос о «Зангезурском коридоре» суверенным делом Армении и Азербайджана [Электронный ресурс] // Sputnik Армения – 2025. – URL: https://am.sputniknews.ru/20250724/v-kremle-nazvali-vopros-o-zangezurskom-koridore-suverennym-delom-armenii-i-azerbaydzhana-91630504.html (дата обращения: 29.07.2025).

[8] В Иране объяснили, зачем США нужен Зангезурский коридор [Электронный ресурс] // РИА Новости – 2025. – URL: https://ria.ru/20250728/ssha-2031814138.html (дата обращения: 29.07.2025).

[9] رئیسی: امنیت «قفقاز» برای ایران بسیار مهم است/ پاشینیان: ایران باید از روابطمان با آذربایجان و ترکیه و «قره باغ» آگاهی داشته باشد

[Раиси: Безопасность Кавказа имеет для Ирана большое значение / Пашинян: Иран должен быть осведомлен о наших отношениях с Азербайджаном, Турцией и Карабахом] // Tasnim – 2022. – URL: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/10/2797284/ (дата обращения: 02.01.2025).

Турецкие политики, наоборот, часто обращаются к идее Великого Турана. Еще до прихода к власти Эрдогана Т. Озал говорил о историческом единстве тюркских народов под защитой Турции[1], а С. Демирель – о «турецком мире» от Адриатики до Великой Китайской стены[2]. В 2023 г., с началом Третьей карабахской войны, один из ведущих турецких пропагандистов И. Карагюль заявил, что «Турция достигнет Персидского залива – ради этой цели [...] меняются карты»[3]; другой турецкий пропагандист Ф. Бёлюкбаши опубликовал карту «оккупированных турецких земель», в т. ч. Южного Кавказа и части Ирана (рис. 1)[4]. Важность идеи Великого Турана в современной внешней политике Турции подтверждают карты тюркского мира, включающие Азербайджан и часть Ирана, как, например, та, которую в 2021 г. лидер Партии национального движения Турции Д. Бахчели подарил Эрдогану (рис. 2)[5].

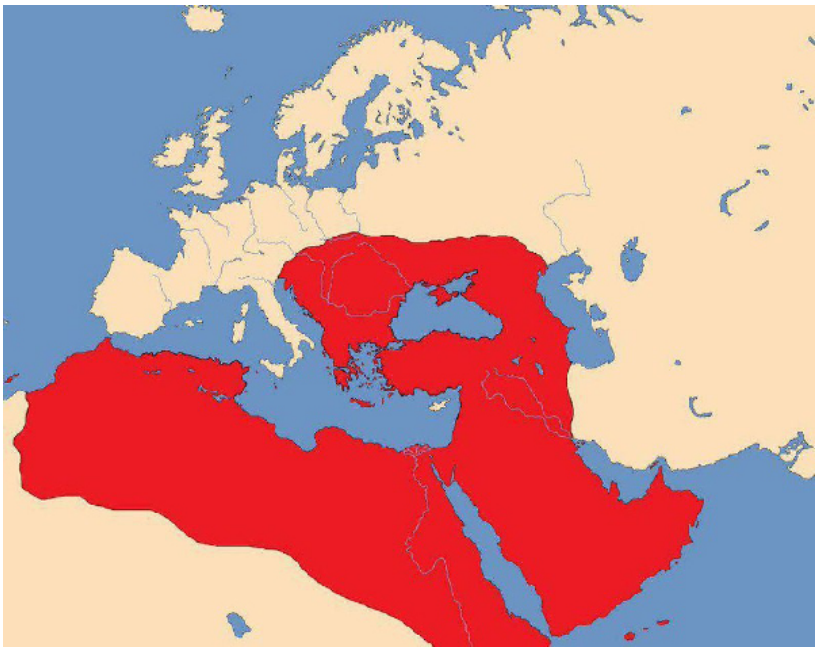


Рис. 1 – Карта «оккупированнх турецких земель», опубликованная 24 октября 2023 г. в социальной сети X турецким пропагандистом Фурканом Бёлюкбаши

[1] Турция интегрирует националистические устремления в свою политику — эксперт [Электронный ресурс] // EADaily – 2021. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2021/02/19/turciya-integriruet-nacionalisticheskie-ustremleniya-v-svoyu-politiku-ekspert (дата обращения: 02.01.2025).
[2] Там же.
[3] İbrahim Karagül в X: «Karabağ ve Suriye (Kuzey Irak) tek cephedir. Biri Doğu Kapısı, biri Güney Kapısı Biri Orta Koridor, biri Güney Koridor. Orta Asya Anadolu'ya, Türkiye Basra Körfezi'ne ulaşacak. Aramıza kalın duvarlar örenlere asla boyun eğilmeyecek. 21. yüzyılın en önemli jeopolitik» [«Карабах и Сирия (Северный Ирак) – это единый фронт. Один – Восточные ворота, другой – Южные ворота. Один – Центральный коридор, другой – Южный коридор. Центральная Азия достигнет Анатолии, Турция – Персидского залива. Мы никогда не поддадимся тем, кто строит толстые стены между нами. Геополитика XXI века – это важнейший вопрос»] // X – 2023. – URL: https://x.com/ibrahimkaragul/status/1704076771732197376?s=46&t=Azv7O6x1tTSL1xrcwDeWmQ (дата обращения: 02.01.2025).
[4] Furkan Bölükbaşı в X: «İşgal altındaki Türk toprakları. Bir gün mutlaka döneceğiz» [«Оккупированные турецкие земли. Однажды мы обязательно вернемся»] // X – 2023. – URL: https://x.com/furkancerkes/status/1716772377466437695?s=46&t=Azv7O6x1tTSL1xrcwDeWmQ&mx=2 (дата обращения: 02.01.2025).
[5] Эрдогану подарили карту «тюркского мира» с российской территорией [Электронный ресурс] // РИА Новости – 2021. – URL: https://ria.ru/20211117/erdogan-1759551187.html (дата обращения: 02.01.2025).

Рис. 2 – Карта «тюркского мира», подаренная президенту Турции Реджепу Тайипу Эрдогану лидером Партии националистического движения Девлетом Бахчели в 2021 г.

Современное противостояние концепций Большого Ирана и Великого Турана связано с геополитическими интересами Тегерана и Анкары, но имеет глубокие историко-культурные корни. Восходящее к зороастризму и древней мифологии персидское мировоззрение противопоставляло Иран и Туран, населенные родственными народами. Земледельческий Иран превратился в Ахеменидскую империю, а Туран развивался как государство кочевников в Центральной Азии.

Историко-культурные корни противостояния концепций Большого Ирана и Великого Турана отражены в зороастрийских текстах и персидском эпосе. В Авесте упоминается река Вахш (Амударья), разделявшая оседлых иранцев и кочевых туранцев, что было также изложено в среднеперсидском эпосе «Хвадай-намак»[1],[2], и легло в основу поэмы Фирдоуси «Шахнаме». Мифологический дуализм со временем приобрел политическое измерение, предвосхитив современные дискурсы о сферах влияния Ирана и Турции, в т. ч. на Южном Кавказе.

По «Шахнаме», легендарный иранский царь Фаридун разделил земли между сыновьями: Салм получил Китай, Тур – Туран, а Эрадж – Иран. Убийство Эраджа старшими братьями положило начало вражде между Ираном и Тураном[3]. Конфликт получил и религиозное измерение: Заратуштра, основоположник зороастризма, был изгнан из Турана и нашел покровительство в Иране у царя Виштаспы, который принял его учение и встал на защиту новой веры в войне с туранским царем Эрджаспом[4].

[1] Алонцев М. Идея Ирана [Электрон. ресурс] // Pax Iranica | Telegram : [https://web.telegram.org]. – 2022. – URL: https://t.me/paxIranica/260 (дата обращения: 15.12.2024).
[2] Хвадай-намак [Электрон. ресурс] // Советская историческая энциклопедия : в 16 т. / Электронная энциклопедия и библиотека Руниверс : [https://runivers.ru/]. Под ред. Е. М. Жукова. — М. : Советская энциклопедия, 1974. — Т. 15 : Феллахи — Чжалайнор. — Стб. 559. – URL: https://runivers.ru/bookreader/book10474/#page/286/mode/1up (дата обращения: 18.10.2024).
[3] Фирдоуси Х. Шах-наме [Электрон. ресурс] / Х. Фирдоуси; пер. с перс. Ц. Бану // Librebook.me. – 2013. Т.1. С.19. URL: https://librebook.me/shahnameh (дата обращения: 18.10.2024).
[4] Гусейноглы К. Родина и этническое происхождение Заратустры [Электронный ресурс] // AXAR.AZ — 2016. — URL: https://ru.axar.az/news/nauka/38012.html (дата обращения: 15.12.2024).

В персидской эпической традиции, прежде всего в «Шахнаме» Фирдоуси, Иран символизирует порядок, справедливость и легитимную власть, освященную божественной благодатью (фарр-е изади)[1]. Туран же предстает как символ хаоса, насилия и варварства, и в священных текстах Авесты представляется антагонистом (друдж) зороастрийского порядка (аша)[2], т. е. противопоставляется Ирану на символическом, ценностном и цивилизационном уровнях. Власть в Иране изображается легитимной и справедливой, а в Туране – узурпированной и основанной на обмане и насилии. Иран описывается как оседлое и культурно развитое общество, Туран – как кочевое, милитаризированное и подчиненное силе[3]. Данная оппозиция не этническая, т. к. Туран населяли ираноязычные племена, а цивилизационная: Туран выступает «другим», бросающим вызов моральной и политической устойчивости Ирана.

В поэме Туран олицетворяет царь Афрасиаб – хитрый, но лишенный духовной легитимности главный антагонист иранского мира. В одном из наиболее важных для сюжета «Шахнаме» эпизодов он обманом заставляет иранского героя Рустама убить собственного сына Сухраба. Другой трагический эпизод поэмы связан с сыном иранского шаха Сиявушем, который бежал в Туран, но позже был предан и казнен Афрасиабом. Сын Сиявуша, Кей Хосров, вместе с Рустамом собирает армию и одерживает победу над Тураном[4], что символизирует торжество справедливости.

Однако историческая реальность была более сложной. После падения Ахеменидов в 330 г. до н.э. территория Ирана вошла в состав эллинистической державы Селевкидов. В III в. до н.э. в одной из ее сатрапий возникло Парфянское царство, основанное ираноязычными парфянами, которые считаются туранцами[5],[6]. Туран стал преемником древнеиранской государственности, ведя борьбу с Римом за контроль над Ближним Востоком. Приняв иранскую культуру и зороастризм, парфянские правители носили титул шахиншаха, подчеркивая преемственность с древними персидскими династиями. Так завершился архаический период развития историко-культурных оснований для противостояния концепций Большого Ирана и Великого Турана, сменившись ирано-туранским противостоянием с преобладанием иранской государственности (III в. до н.э.–VI в.).

После падения Парфянского царства сменивший его Сасанидский Иран продолжил борьбу за земли Турана и в союзе с Тюркским каганатом победил туранцев-эфталитов. Раздел Турана между Сасанидами и тюрками способствовал оседанию тюркских племен в регионе и вместе с тем исчезновению многих туранских этносов. Начался этап тюрко-иранского сосуществования (VI-XVI вв.), который можно разделить на три периода: симбиоза (VI-X вв.), тюркского (X-XIII вв.) и монгольского господства (XII-XVI вв.).

[1] Замани А. Фарр в «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Акил Замани; [Место защиты: Тадж. нац. ун-т]. — Душанбе, 2014. — С. 3.
[2] Рак И.В. Зороастрийская мифология. – СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 1998. – С. 131.
[3] Там же. С. 211-212.
[4] Фирдоуси Х. Шах-наме [Электрон. ресурс] / Х. Фирдоуси; пер. с перс. Ц. Бану // Librebook.me. – 2013. Т.3. С.113. URL: https://librebook.me/shahnameh (дата обращения: 18.10.2024).
[5] Гумилев Л.Н. Туран и Иран / Тысячелетие вокруг Каспия – М.: Айрис-пресс, 2008. – С. 15. URL: https://hagahan-lib.ru/library/tysyacheletie-vokrug-kaspiya15.html (дата обращения: 20.04.2025).
[6] Хомяков А.С. Царство Парфянское / Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. – М.: Университетская типография, 1904. – Ч. 46. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-6/ (дата обращения: 20.04.2025).

В период симбиоза регион изменила исламизация Ирана и Тюркского каганата. После арабского завоевания Ирана и падения Сасанидов (651 г.) в Иране возникли ирано-исламские династии (Тахириды, Саффариды, Саманиды), но военную элиту их государств составляли тюрки. В то же время тюркские династии (Карлуки, Огузы, Караханиды) сохраняли иранские традиции управления. В X в. Саманиды объединили в своих границах Иран и Туран, но влияние тюркской военной знати привело к распаду их государства к концу того же столетия. Иран перешел к тюркской династии Газневидов, а Туран – к Караханидам.

С установлением тюркского господства началась «туранизация» тюрков – формирование политико-культурной идентичности, основанной на мифе о Туране как исконно «тюркском мире». Чтобы утвердить свою власть над Тураном, Караханиды связывали свое происхождение с Афрасиабом, которого отождествляли с тюркским героем Алп Эр Тонгой[1]. Это способствовало формированию представления о Туране как об изначально тюркском регионе, что создало предпосылки для переосмысления термина «Туран» в конце XIX – начале XX вв. как символа объединения тюркских народов в рамках пантюркизма.

Формализации представлений о Туране как тюркском культурно-историческом пространстве содействовала поэма «Кутадгу билиг» XI в., созданная Ю. Баласагуни для правителя Кашгара. Написанная на караханидском языке и сочетавшая элементы персидской и арабской традиций, она служила тюркским аналогом «Шахнаме» и укрепляла образ Турана как родины тюрок через тюркскую героическую традицию[2]. Энциклопедия тюркских языков «Диван лугат ат-турк» (XI в.) М. аль-Кашгари провозглашала культурную и политическую исключительность тюрок, представляя Туран как сакрализованную сферу тюркского господства[3]. В XX в. данный текст использовался в политике тюркизации и формирования национального самосознания в Турции[4].

В XI в. Иран и Центральную Азию завоевали Сельджуки, переняв персидскую модель управления, но к XII в. их власть ослабла. Усилились местные династии, например, Хорезмшахи, но в XIII в., в ходе монгольского завоевания, как тюркские, так и иранские государства были разрушены. При монгольском господстве в Центральной Азии существовал Чагатайский улус, в Иране – Государство Ильханидов. Монголы адаптировались к местным традициям управления: в Государстве Ильханидов – к персидской, в Чагатайском улусе – к тюркской.

К XVI в., в результате длительного периода сосуществования тюркских и иранских государств, сформировались Османская империя и Сефевидский Иран с разными политико-культурными системами. Османская империя зародилась в Малой Азии после распада Сельджукского государства. Ведя завоевания с конца XIII в., небольшое тюркское государство, говорившее на турецком (в отличие от Сельджуков,

[1] История принятия ислама народами Азии [Электронный ресурс] // islam.ru — 2014. — URL: https://islam.ru/content/history/31036

[2] Hajib Y. Wisdom of Royal Glory (Kutadgu Bilig): A Turko-Islamic Mirror for Princes / translated, with an introduction and notes, by R. Dankoff // University of Chicago Press, 1983. – P. 281

[3] Ал-Кашгари М. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – С. 24.

[4] Zülfikar H. Fark Edilmeyen Türkçedeki Oldubittiler / [Незамеченный свершившийся факт в турецком языке] // Türk Dili – 2014. – S. 25. – URL: https://tdk.gov.tr/wp-content/uploads/2014/01/20140108.pdf (дата обращения: 20.04.2025)

использовавших персидский), превратилось в империю и, взаимодействуя с местным населением, образовало турецкий народ. Сефевиды пришли к власти в Иране на рубеже XV-XVI вв. после распада Государства Ильханидов и, имея тюркское происхождение, поддерживали персидскую культуру для легитимации власти.

В XVI-XIX вв. наблюдалась политизация конкуренции концепций Большого Ирана и Великого Турана.

При Сефевидах (1501-1722 гг.) Иран достиг почти современных границ. Несмотря на тюркские корни, правящая династия заявляла о своем происхождении от пророка Мохаммада по алидской линии, сделав шиизм государственной религией. Это укрепило влияние шиитского духовенства и способствовало переходу населения Ирана из суннизма в шиизм. Политическое поведение Сефевидов определялось древней культурой «иранского суперэтноса»[1].

Сефевиды насаждали шиизм в сочетании с персидским суфизмом как основу иранского государства для обеспечения лояльности элит и ослабления влияния Османов, узбекских и ширванских ханов[2]. Этому сопротивлялась Османская империя, которая, как пишет историк Х. Иылмаз[3], мобилизовала суфиев вокруг учения Ибн Араби. В начале XVI в. идеологическое соперничество Ирана и Османской империи стало открытым: в 1501 г. шах Исмаил I указом проклял первых трех суннитских халифов, завоевавших Персию в VII в., а в 1511 г. в Малой Азии вспыхнуло восстание шиитских тюрков-кызылбашей, временно изгнавших османские войска из региона.

В XVI в. Персия и Османская империя начали войны за Южный Кавказ. Исмаил I захватил Ак-Коюнлу (восточная Анатолия, Армения, западный Иран) и Азербайджан. В 1533 г. султан Сулейман I начал поход в Иранский Азербайджан, стремясь контролировать торговые пути между Средиземноморьем и Персидским заливом. Османы захватили часть юго-западной Грузии и город Ван в южной Армении. Амасьяский мир 1555 г. закрепил за османами Западную Армению и Грузию, а за Ираном – Восточную Грузию, Восточную Армению и Азербайджан. В 1578 г. турки вновь захватили значительную часть Южного Кавказа, но шах Аббас I восстановил прежние границы, что было зафиксировано в Стамбульском мире 1612 г.[4] Иранo-турецкие войны завершились в 1821 г. Эрзурумским договором, подтвердившим границы, установленные Амасьяским и Зухабским миром.

С XX в. начался современный этап противостояния концепций Большого Ирана и Великого Турана, когда они оформились как политико-идеологические проекты. Как уже отмечалось выше, панираниз был сформулирован М. Афшаром Язди в 1925 г. как культурно-оборонительное объединение связанных с Ираном народов, а пантюркизм – в трудах З. Гёкальпа как идея культурно-политического объединения тюрков в рамках Великого Турана.

Таким образом, историко-культурные основания противостояния

[1] Zonis M. The Political Elite of Iran / Princeton Univ. Press // Internet Archive. – 1971. – P. 121. – URL: https://archive.org/details/politicaleliteof0000zoni (accessed on 18.10.2024).
[2] Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – С. 36.
[3] Yılmaz H. Caliphate Redefined: The Mystical Turn in Ottoman Political Thought / Princeton Univ. Press // Academia.edu. – 2018. – Pp. 241-251. – URL: https://www.academia.edu/35889898/Caliphate_Redefined_The_Mystical_Turn_in_Ottoman_Political_Thought (accessed on 18.10.2024).
[4] Имгрунт Е.В. Ирано-турецкие конфликты в XVI–XVIII веках / Е.В. Имгрунт. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 20 (79). – С. 519-521. – URL: https://moluch.ru/archive/79/14062/ (дата обращения: 18.10.2024).

концепций Большого Ирана и Великого Турана развивались через несколько этапов:

1. Архаический период (до III в. до н.э.);

2. Ирано-туранское противостояние с преобладанием иранской государственности (III в. до н.э. – VI в. н.э.);

3. Тюрко-иранское сосуществование (VI–XVI вв.):

- Симбиоз (VI–X вв.);
- Тюркское господство (X–XIII вв.);
- Монгольское господство (XIII–XVI вв.);

4. Политизация прообразов концепций (XVI–XIX вв.);

5. Полноценное формулирование концепций и современный этап противостояния (с XX в.).

С учетом приведенной исторической хронологии и связей тюркских этносов с иранской цивилизацией, а также того факта, что концепции «Большого Ирана» и «Великого Турана» восходят к персидской мифологии, важно определить время и причины их размежевания.

Началом процесса стала эпоха Сасанидов и Тюркского каганата (VI-VII вв.), когда после разгрома ираноязычных эфталитов произошло первое политическое разделение Турана между иранцами и начались масштабные миграции тюрков в Центральную Азию. В период тюрко-иранского сосуществования (VI-XVI вв.), первоначально реализовывавшегося в рамках персидской культурной, языковой и административной модели, постепенно институционализировалась тюркская военная элита: после арабского завоевания Ирана (VII в.) тюрки интегрировались во властные структуры ирано-исламских династий и начали формировать собственные политико-культурные коды.

С распадом государства Саманидов и приходом к власти тюркских династий Караханидов и Газневидов (X-XII вв.) сформировалась тюркская мифопоэтическая традиция, переосмыслившая Туран как «исконно тюркское» пространство. Складывались мифы о происхождении тюркских династий, создавался тюркский эпос, формировался нарратив культурно-политической исключительности тюрок.

Монгольское владычество в Иране и Туране (XIII-XIV вв.) лишь углубило размежевание, закрепив тюркскую политическую культуру в Центральной Азии и различия в государственно-культурных моделях Ирана и Турана. Окончательное институциональное и конфессионально-политическое разделение произошло с появлением Сефевидской и Османской империй (с XVI в.), вступивших в религиозный и геополитический конфликт.

Финальная стадия разделения наступила в XIX-XX вв. ввиду формирования национальных идеологий в Иране, Турции, Азербайджане и тюркских республиках Центральной Азии. Туран стал символом единства тюркских народов, противопоставленным иранскому миру и арабскому Востоку. Апогеем этого стал пантюркизм младотурок, сформулированный такими мыслителями, как З. Гёкальп. В то же время в иранской историографии усиливался дискурс культурной исключительности и преемственности персидской цивилизации, объединяющей ираноязычное пространство.

Иными словами, размежевание концепций «Большого Ирана» и «Великого Турана» началось в VI-XI вв., когда тюркские этносы стали претендовать на политико-культурное господство в Туране, ранее воспринимавшемся через персидскую цивилизационную парадигму. В данный

период формировалось переосмысление Турана как сферы тюркского влияния, что запустило длительный процесс культурной дивергенции. Он завершился в XX в., когда обе концепции стали полноценными идеологическими и геополитическими проектами.

Современное идеологическое противостояние данных концепций имеет глубокие историко-культурные корни, уходящие в иранскую мифологию, и стало результатом не только политических амбиций, но и долгого и сложного процесса цивилизационного расхождения. В персидской мифопоэтике, откуда происходят понятия «Иран» и «Туран», они символизируют два цивилизационных начала: Иран – упорядоченный мир, Туран – пространство хаоса. Хотя туранцы изначально считались родственными иранцам народами, принадлежавшими к общему культурно-мифологическому континууму, уже тогда формировалась дихотомия, которая позже приобрела политический смысл.

Для сетевого анализа ирано-турецких войн составим матрицу (табл. 1), где строки – зоны боевых действий, а столбцы – войны между Сефевидским Ираном и Османской империей. Значение в ячейке равно 1, если в зоне были сражения, и 0, если не было.

	1514-1555	1578-1590	1603-1618	1623-1639	1723-1727	1730-1736	1743-1746	1775-1776	1821-1823
Южный Кавказ	1	1	1	1	1	1	1	0	1
Западный Иран	1	1	1	0	1	1	0	0	0
Месопотамия	1	0	0	1	0	1	1	1	1
Южный Дагестан	0	0	0	0	0	1	1	0	0

Табл. 1 – Матрица аффилиации зон боевых действий в ирано-турецких войнах

Далее составим матрицу смежности (табл. 2), где отразим связи между зонами боевых действий. Если зоны были задействованы в одной войне, между ними будет связь (значение 1).

	Южный Кавказ	Западный Иран	Месопотамия	Южный Дагестан
Южный Кавказ	8	5	5	2
Западный Иран	5	5	2	1
Месопотамия	5	2	6	2
Южный Дагестан	2	1	2	2

Табл. 2 – Матрица смежности зон боевых действий

На основе матрицы смежности построим сетевой граф ирано-турецких войн (рис. 3), где узлы – зоны боевых действий, а ребра – связи между ними. Толщина ребра отражает степень вовлеченности зон в идеологическое противостояние концепций Большого Ирана и Великого Турана. Граф также нанесен на карту (рис. 4).

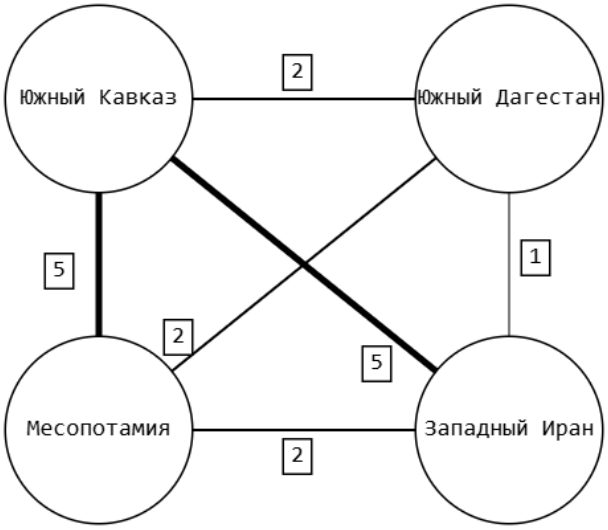


Рис. 3 – Сетевая модель ирано-турецких войн

Рис. 4. Графическое изображение ирано-турецких войн на карте как сети с узлами и связями

Локальный коэффициент кластеризации показывает, насколько связаны соседи узла, и для узла Южного Кавказа рассчитывается по формуле[1]:

$$C_{ЮЗ} = \frac{2e_{ЮЗ}}{k_{ЮЗ}(k_{ЮЗ} - 1)}, \text{где}$$

$C_{ЮЗ}$ - коэффициент кластеризации для узла ЮЗ (Южного Кавказа);

$e_{ЮЗ}$ - количество ребер между соседями и узлом ЮЗ с учетом весов;

kЮЗ - количество соседей узла ЮЗ.

$$C_{ЮЗ} = \frac{2x12}{3(3-1)} = \frac{24}{6} = 4$$

Коэффициент кластеризации для Западного Ирана составил 2,67; для Месопотамии – 3; для Дагестана – 0,83. Наибольший коэффициент кластеризации у Южного Кавказа

[1] Сморгунов Л.В. Политические сети: Теория и методы анализа: Учебник для студентов вузов / Л.В. Сморгунов, А.С. Шерстобитов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. – С. 155-162.

подтверждает его центральную роль в противостоянии Ирана и Турции. Западный Иран и Месопотамия выполняли роль «посредников», формируя треугольную зону конфликта «Южный Кавказ – Западный Иран – Месопотамия».

$$C_{глоб.} = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} C_i, \text{ где}$$

Глобальный коэффициент кластеризации определяет, насколько сеть образует группы, и вычисляется как среднее значение локальных коэффициентов всех узлов:

n - общее количество узлов;

C_i - локальный коэффициент кластеризации каждого узла.

$$C_{глоб.} = \frac{4 + 3 + 2{,}67 + 0{,}83}{4} = \frac{10{,}5}{4} = 2{,}63$$

Результаты расчетов показывают взаимосвязанность боевых действий в разных регионах и их повторяемость, т. е. плотную сеть конфликтов между Ираном и Турцией. Южный Кавказ был ключевым узлом в борьбе за влияние и стратегической точкой пересечения торговых путей. Установленные закономерности отражают давнее противостояние в рамках концепций Большого Ирана и Великого Турана, которое продолжается и сегодня. С борьбой за контроль над Кавказом сочетались и продолжают сочетаться религиозные противоречия. После потери Южного Кавказа обеими державами и распада Османской империи конфликт продолжился на территориях, населенных курдами, и закрепился после Исламской революции 1979 г., когда Иран начал активно продвигать идеи исламской революции, а Турция – пантюркизм.

Иран и Турция рассматривают Южный Кавказ как стратегически важный регион. Возможность активно влиять на региональные процессы на Южном Кавказе позволяет Тегерану и Анкаре соответствовать нескольким признакам великих держав по Т.А. Шаклеиной[1]. Оба государства значительно влияют на политику Армении и Азербайджана, опираются на исторический опыт Персидской и Османской империй, реализуют макрорегиональные проекты и действуют в регионе для укрепления позиций в Евразии.

Для Ирана и Турции Южный Кавказ важен с точки зрения торговли, экономики и национальной безопасности. Так, президент Ирана Х. Рухани подчеркивал ключевое значение Кавказа, особенно Азербайджана, для национальной безопасности Ирана[2]. После распада СССР Иран и Турция первыми признали независимость Азербайджана, Армении и Грузии.

Иран стремится расширить влияние на Южном Кавказе ввиду исторической связи с Азербайджаном, а для Турции в свете ее растущей исламизации[3] борьба с Ираном в регионе стала идефиксом. Радикальные элементы в Иране считают, что Азербайджан не имеет права на независимость, поскольку часть его исторической территории находится в Иране[4]. Тегеран также опасается усиления позиций Баку и роста националистических настроений среди тюркоязычнго населения Ирана в

[1] Шаклеина Т.А. Россия и США в полицентричном мире // Перспективы – 2011. – URL: https://www.perspektivy.info/print.php?ID=75630&ysclid=m820y3zofo23158984 (дата обращения: 09.03.2025).
[2] Иран объявил Азербайджан зоной национальной безопасности // Эхо (Азербайджан). – 09.06.2001. – №.150.
[3] Фадеева И.Л. Турция: противостояние исламизации и секуляризма // Россия и мусульманский мир. – 2010. –№1. – С. 137. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/turtsiya-protivostoyanie-islamizatsii-i-sekulyarizma (дата обращения: 15.12.2024).
[4] Сажин В.И. Иранский Азербайджан - история и политика // Журнал Международная жизнь – 2021. – URL: https://interaffairs.ru/news/show/32232 (дата обращения: 30.07.2025).

целом и его элит в частности[1].

Иран и Турция проводят разную политику в отношении Южного Кавказа. Турция активно реализует концепцию Великого Турана, что сопровождается суннитизацией Азербайджана[2], тогда как Иран придерживается более умеренного подхода, избегая продвижения своей модели шиитской теократии. Его внешняя политика, несмотря на видимую религиозность, остается прагматичной и ориентированной на национальные интересы. После смерти Р. Хомейни Иран смягчил идеологический курс, но суннитско-шиитская дихотомия все еще влияет на отношения между Ираном, Турцией и Азербайджаном. Баку тяготеет к Турции, а Иран выступает за территориальную целостность Армении, противостоя турецкому проекту Зангезурского коридора.

ВЫВОДЫ

Концепции Большого Ирана и Великого Турана стремятся к региональному доминированию, влияя на стратегические ориентиры и политическую риторику своих стран, при этом не являясь официальными внешнеполитическими стратегиями. Идеи имеют общие исторические корни и формируют идентичности через культурно-территориальное единство, но различаются в реализации.

В зороастрийской и персидской мифологии Иран и Туран символизировали противостоящие силы. Со временем Туран вошел в иранскую историческую традицию, а с возвышением тюркских династий стал ассоциироваться с тюркским миром. Иранская идентичность укрепилась при Сефевидах, сделавших шиитским ислам государственной религией. В XX в. концепции Большого Ирана и Великого Турана обрели националистическое звучание: первая предполагала расширение зоны влияния Ирана, а вторая стала основой не только национальной идентичности, но и территориальных амбиций.

Концепция Большого Ирана опирается на наследие Ираншахра как центра цивилизации, объединяющего разные этносы. Она возникла в ответ на внешние угрозы, в т. ч. пантюркизм, и изначально имела преимущественно оборонительный характер, основываясь на феномене персоязычной культуры.

Под персоязычной культурой понимается культурно-цивилизационный комплекс, основанный на использовании персидского языка (фарси, дари, таджикского и др.) в административном управлении, литературе и религии. Данный комплекс является надэтническим культурным пространством, в разные эпохи охватывавшим разные народы Ближнего Востока, Закавказья и Центральной Азии. Данная культура включает:

- персидский язык как язык поэзии, науки и государственного управления;
- классическую персидскую литературу (Фирдоуси, Руми, Хафиз, Саади и др.);
- административную модель, унаследованную от Сасанидов;
- философско-религиозные традиции зороастризма, шиизма и суфизма.

[1] Агазаде М.М. оглы. Азербайджано-иранские отношения после Второй карабахской войны: особенности и тенденции // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2023. – №4. – С. 722. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/azerbaydzhano-iranskie-otnosheniya-posle-vtoroy-karabahskoy-voyny-osobennosti-i-tendentsii (дата обращения: 19.10.2024).

[2] Македонцев П. Карабах в тисках панисламизма: суннитизация Азербайджана и цугцванг России [Электронный ресурс] // EADaily – 2020. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2020/10/15/karabah-v-tiskah-panislamizma-sunnitizaciya-azerbaydzhana-i-cugcvang-rossii

Многие тюркоязычные и иные неиранские народы были частью данного культурного пространства. В государствах тюркских и монгольских династий (Газневидов, Сельджуков, Караханидов и др.) персидский язык был языком элиты и придворной культуры, правители поддерживали персидскую литературу и искусство, а значительная часть культурного наследия создавалась персоязычными авторами. При этом в быту говорили преимущественно на тюркских языках, сохраняя свою культурную идентичность, не сводимую полностью к персоязычной традиции. Следует также отметить, что идея Турана как тюркского пространства сформировалась через переосмысление персоязычной культуры тюркскими династиями.

В современных условиях восприятие и реализация концепции Большого Ирана изменились. Хотя проект Великого Турана более экспансионистский, Иран также проявляет наступательность, стремясь укрепить влияние на Южном Кавказе, в Ираке, Сирии и Ливане, в т. ч. в рамках «Оси сопротивления», и активно работая с шиитскими общинами за рубежом.

Концепция Великого Турана ориентирована на этническое тюркское единство через общность языка, культуры и исторической памяти. Она имеет наступательный характер и продвигает территориальное объединение тюркских земель. В современной интерпретации это переосмысленный пантюркистский проект с цивилизационным содержанием, встроенный во внешнюю политику Турции, предполагающий культурную и институциональную интеграцию при сохранении цели политического объединения. Концепции Большого Ирана и Великого Турана основаны на разных принципах: первая – на культурно-религиозном, а вторая – на этническом и территориальном единстве. Идея Великого Турана носит более активный и экспансивный характер и озвучивается на официальном уровне, а идея Большого Ирана сохраняется в завуалированной форме из-за противоречий теократической идеологии.

Концепция Большого Ирана проявляется в культурной политике Тегерана через инициативы, направленные на региональное лидерство путем распространения иранской культуры, в т. ч. документ «Двадцатилетняя перспектива» (2005)[1] и деятельность Организации по проблемам культуры и исламских связей[2]. Идея Великого Турана ярко выражена в лозунге «Шесть государств – одна нация», озвученном Эрдоганом на саммите Организации тюркских государств (ОТГ) в 2019 г[3]. Помимо ОТГ, Турция инициировала создание ряда структур для тюркской интеграции и продвижения своих культурно-цивилизационных нарративов, в т. ч. Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран (ТЮРКПА)[4] и Организации по культуре и искусству тюркоязычных стран (TURKSOY)[5]. В отличие

[1] Мохсен Резаи: Через двадцать лет Иран станет сильной и развитой страной // Иран.ру. – 2005. – URL: https://www.iran.ru/news/politics/36024/Mohsen_Rezai_Cherez_dvadcat_let (дата обращения: 20.04.2025).
[2] Организация культуры и исламских связей // iran1979.ru. – URL: https://iran1979.ru/organizaciya-kultury-i-islamskix-svyazej/ (дата обращения: 20.04.2025).
[3] Турки вспомнили о братских узах: чем грозит России Тюркский совет? // Аргументы и факты, 2021. – URL: https://aif.ru/politics/world/turki_vspomnili_o_bratskih_uzah_chem_grozit_rossii_tyurkskiy_sovet?ysclid=m9pqp2tn3819624139 (дата обращения: 20.04.2025).
[4] TURKPA – Parliamentary Assembly of Turkic States. Official website. – URL: https://turkpa.org (дата обращения: 20.04.2025)
[5] TURKSOY – International Organization of Turkic Culture. Official website. – URL: https://www.turksoy.org/en-US (дата обращения: 20.04.2025)

от данных организаций, официальные сайты которых доступны на всех языках государств-участников, сайт ОТГ как ведущей для тюркской интеграции функционирует только на турецком и английском языках. Официальные источники турецкого внешнеполитического ведомства включают тюркскую интеграцию в стратегию «Века Турции», отмечая, что успешность инициативы ОТГ вызвала «восторг в тюркском мире»[1]. Идея Великого Турана реализуется через механизмы регионального взаимодействия, где Анкара играет главную роль.

Анализ историко-культурных предпосылок формирования и развития данных концепций во взаимодействии друг с другом позволяет выявить идеологические мотивы внешней политики Ирана и Турции на Южном Кавказе. Их идеологическое соперничество основано на различиях в культурно-религиозных идентичностях, а также отражает борьбу за контроль над торговыми путями и геополитическое влияние.

Южный Кавказ был ареной противостояния между оседлыми империями Ирана и кочевыми тюркскими государствами, а позже – многовековых войн между Сефевидским Ираном и Османской империей, чему способствовала сефевидская «шиитизация» Ирана. Важным элементом противостояния между Ираном и Турцией сегодня остаются культурно-религиозные факторы, как видно на примере конфессиональных изменений в Азербайджане. Шиитско-суннитская дихотомия усиливает соперничество между Тегераном и Анкарой, т. к. важна для легитимации регионального лидерства. Мифологическое противостояние Ирана и Турана в поэме «Шахнаме» также продолжает влиять на восприятие геополитики, идентичности и внешнеполитической стратегии.

Сетевой анализ военных конфликтов между Ираном и Турцией показал, что Южный Кавказ играл ключевую роль в их историческом противостоянии, являясь узлом с высокой плотностью военных столкновений. Регион олицетворяет борьбу между концепциями Большого Ирана и Великого Турана. Западный Иран и Месопотамия играли роль «посредников», а треугольная конфигурация области противостояния отражала многофронтовость войн в XVI-XIX вв. Высокий коэффициент кластеризации сети подчеркивает взаимосвязанность зон боевых действий, а стратегическое значение Южного Кавказа сохраняет актуальность для ирано-турецкого противостояния.

[1] Министерство иностранных дел Турецкой Республики. Национальная внешняя политика в «Век Турции» // mfa.gov.tr. – URL: https://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy-ru.ru.mfa (дата обращения: 20.04.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аватков В.А. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 2. – С. 90-100. – https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100 (дата обращения: 09.03.2025).

2. Аватков В.А., Касьяненко А.В. Военно-политические отношения на Южном Кавказе в контексте треугольника «Россия-Турция-Иран» // Мировая политика. – 2021. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskie-otnosheniya-na-yuzhnom-kavkaze-v-kontekste-treugolnika-rossiya-turtsiya-iran (дата обращения: 19.10.2024).
3. Агазаде М.М. оглы. Азербайджано-иранские отношения после Второй карабахской войны: особенности и тенденции // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2023. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/azerbaydzhano-iranskie-otnosheniya-posle-vtoroy-karabahskoy-voyny-osobennosti-i-tendentsii (дата обращения: 19.10.2024).
4. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. – 2014. – №1 (14). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/myslit-konstruktivistski-otkryvaya-mnogogolosyy-mir (дата обращения: 18.10.2024).
5. Алонцев М.А. Иранистика в Евразии: прошлое, настоящее, будущее / М.А. Алонцев, К.Х. Идрисов, М.С. Каменева. – М.: РГГУ, 2018. – 140 с.
6. Амбарян Г.Л. Деятельность международных террористических организаций в Азербайджане // Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив. – URL: https://russia-armenia.info/node/26833 (дата обращения: 29.07.2025).
7. Буря на Кавказе / Д. Барри, Г.М. Дерлугьян, А.М. Искандарян, М. Казалет, А.В. Лавров, К.В. Макиенко, С.М. Маркедонов, Л.А. Нерсисян, Р.Н. Пухов, Д.В. Тренин, К. Хас, М.Ю. Шеповаленко; под ред. Р.Н. Пухова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. –128 с.
8. Вахланг Дж. Индия на Южном Кавказе: значение для России, Ирана и Турции / Дж. Вахланг, С.Г. Мелконян // РСМД. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-na-yuzhnom-kavkaze-znachenie-dlya-rossii-irana-i-turtsii/ (дата обращения: 02.01.2025)
9. Гасанова Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок. (1908-1914 гг.) / АН АзССР. Ин-т народов Ближнего и Сред. Востока. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1966. – 162 с.
10. Гумилев Л.Н. Туран и Иран / Тысячелетие вокруг Каспия – М.: Айрис-пресс, 2008. – 384 с. – URL: https://hagahan-lib.ru/library/tysyacheletie-vokrug-kaspiya15.html (дата обращения: 20.04.2025).
11. Де Ваал Т. Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2014. – 392 с.
12. Денисова С. Серые волки. Турецкие экстремистские организации // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/turkeyextremists-greywolves (дата обращения: 29.07.2025).
13. Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 264 с.
14. Жигульская Д.В. «Турецкий идеал» в философии Зии Гёкальпа // Идеи и идеалы. – 2021. – №2-2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/turetskiy-ideal-v-filosofii-zii-gyokalpa (дата обращения: 09.03.2025).
15. Замани А. Фарр в «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Акил Замани; [Место защиты: Тадж. нац. ун-т]. – Душанбе, 2014. – 22 с.

16. Имгрунт Е.В. Ирано-турецкие конфликты в XVI–XVIII веках / Е.В. Имгрунт // Молодой ученый. – 2014. – № 20 (79). – С. 519-521. – URL: https://moluch.ru/archive/79/14062/ (дата обращения: 18.10.2024).
17. Каменева М.С. О трансформации понятия «культура» в Исламской Республике Иран // Россия и мусульманский мир. – 2015. – №3 (273). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-transformatsii-ponyatiya-kultura-v-islamskoy-respublike-iran (дата обращения: 18.10.2024).
18. Ал-Кашгари М. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
19. Кожанов Н.А., Богачёва А.С. Исламская Республика Иран в поиске своего внешнеполитического «я»: революционное новаторство или преемственность? // Вестник МГИМО. – 2020. – №2(71). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-respublika-iran-v-poiske-svoego-vneshnepoliticheskogo-ya-revolyutsionnoe-novatorstvo-ili-preemstvennost (дата обращения: 18.10.2024).
20. Лямин Ю.Ю. Персидский бастион / Под редакцией Ю.Ю. Лямина, Р.Н. Пухова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2019. – 320 с.
21. Мавашев Ю.Ю. «Новая Турция»: между Ататюрком и Эрдоганом. Монография (18+) / Кавказский геополитический клуб. – М.: Издатель А.В. Воробьев, 2024. – 308 с.
22. Маркедонов С.М. Слом статус-кво и международное измерение кризиса в Нагорном Карабахе. Доклад международного дискуссионного клуба Валдай. – М., 2020. – 23 с. (в соавторстве с В. Каледжи и К. Хасом). – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/slom-status-kvo-karabakh/ (дата обращения: 18.10.2024).
23. Матюхин В.В. Доминирование Партии справедливости и развития в турецком политическом процессе: идеологический аспект // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2016. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dominirovanie-partii-spravedlivosti-i-razvitiya-v-turetskom-politicheskom-protsesse-ideologicheskiy-aspekt (дата обращения: 29.07.2025).
24. Рак И.В. Зороастрийская мифология. – СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 1998. – 560 с.
25. Савинов Л.В. Национальный вопрос в Турции / Л.В. Савинов // Федерализм. – 2012. – № 2(66). – С. 135-146.
26. Сажин В.И. Иранский Азербайджан – история и политика // Журнал Международная жизнь – 2021. – URL: https://interaffairs.ru/news/show/32232 (дата обращения: 30.07.2025).
27. Сатановский Е.Я. Турция между Россией и Западом. Мировая политика как она есть без толерантности и цензуры / Е.Я. Сатановский, И.И. Стародубцев. – М.: Эксмо, 2023. – 288 с.
28. Сморгунов Л.В. Политические сети: Теория и методы анализа: Учебник для студентов вузов / Л.В. Сморгунов, А.С. Шерстобитов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. – 320 с.
29. Турецкий маршрут / Йешильташ М., Караташ Х., Каширин В.Б. и др. / под ред. Р.Н. Пухова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2024. – 220 с.

30. Фадеева И.Л. Турция: противостояние исламизации и секуляризма // Россия и мусульманский мир. – 2010. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/turtsiya-protivostoyanie-islamizatsii-i-sekulyarizma (дата обращения: 15.12.2024).
31. Фрай Р. Наследие Ирана / Под ред. и с предисл. М.А. Дандамаева; Пер. с англ. В.А. Лившица и Е.В. Зеймаля. – М.: Восточная литература, 2002. – 463 с.
32. Хомяков А.С. Царство Парфянское / Полное собрание сочинений: в 8 т. – Т.6. – М.: Университетская типография, 1904. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-6/ (дата обращения: 20.04.2025).
33. Шаклеина Т.А. Россия и США в полицентричном мире // Перспективы – 22.01.2011. – URL: https://www.perspektivy.info/print.php?ID=75630&ysclid=m820y3zofo23158984 (дата обращения: 09.03.2025).
34. Эргашев А.С., Гришин О.Е. Образовательная политика Турции в Центральной Азии. Проблемы постсоветского пространства. – 2022. – 9(3). – С.19-326. https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-319-326 (дата обращения: 09.03.2025).
35. Afshar Yazdi M. Afghan Letter // Volume 3, Tehran Printing, 160 Solar. – p. 405-49.
36. Atabaki T. Recasting Oneself, Rejecting the Other: Pan-Turkism and Iranian Nationalism / Van Schendel, W. (Editor). / Identity Politics in Central Asia and the Muslim World: Nationalism, Ethnicity and Labour in the Twentieth Century. – London, GBR: I.B. Tauris & Company, Limited, 2001. – 244 pp.
37. Dhalla M.N. Zoroastrian civilization: from the earliest times to the downfall of the last Zoroastrian empire, 651 A.D. / New York : Oxford University Press // Pp. 5-6. – 1922. – URL: https://archive.org/details/zoroastriancivi00dhalgoog/mode/2up (accessed on 08.03.2025).
38. Gignoux Ph. ANĒRĀN / Encyclopædia Iranica, II/1. – pp. 30-31. –URL: http://www.iranicaonline.org/articles/aneran (accessed on 08.03.2025).
39. Hajib Y. Wisdom of Royal Glory (Kutadgu Bilig): A Turko-Islamic Mirror for Princes / translated, with an introduction and notes, by R. Dankoff. – University of Chicago Press, 1983. – pp. 281
40. Heyd U. Foundations of Turkish nationalism: the life and teachings of Ziya Gökalp. – London, 1950: Luzac and the Harvill Press. – P. 50. – URL: https://archive.org/details/foundationofturk0000unse/mode/2up (accessed on 09.03.2025).
41. Murinson A. Turkey's Entente with Israel and Azerbaijan: State Identity and Security in the Middle East and Caucasus. – London: Routledge, 2010. – 240 p.
42. Parla T. The Social and Political Thought of Ziya Gökalp: 1876–1924. – Leiden: E.J. Brill, 1985. – P.7.
43. Singh B. Separatism in Xinjiang: Between Local Problems and International Jihad? / Institute of Peace and Conflict Studies. – 2012. – URL: http://www.jstor.org/stable/resrep09357 (accessed on 29.07.2025).
44. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics / International Organization. – 46(2). – pp. 391-425. – URL: http://www.jstor.org/stable/2706858 (accessed on 18.10.2024).
45. Yılmaz H. Caliphate Redefined: The Mystical Turn in Ottoman Political Thought. – Princeton Univ. Press, 2018. – URL: https://www.academia.edu/35889898/Caliphate_Redefined_The_Mystical_Turn_in_Ottoman_Political_Thought (accessed on 18.10.2024).

46. Zia-Ebrahimi, R. The Emergence of Iranian Nationalism: Race and the Politics of Dislocation. – New York: Columbia University Press, 2016. – 306 p.
47. Zonis M. The Political Elite of Iran / Princeton Univ. Press // Internet Archive. – 1971. – P. 121. – URL: https://archive.org/details/politicaleliteof0000zoni (accessed on 18.10.2024).
48. Sarınay Y. Türk milleti ve Turan // Türk Yurdu. – 1994. – 6(2). – S. 181–185.
49. Zülfikar H. Fark Edilmeyen Türkçedeki Oldubittiler // Türk Dili – 2014. URL: https://tdk.gov.tr/wp-content/uploads/2014/01/20140108.pdf (дата обращения: 20.04.2025)
50. Sheikh al-Eslami J. Be yād-e bonyāngozār-e Āyande // Majalle-ye Āyande – Sāl-e noh, shomāre-ye Dey va Bahman 1362. – 1984. – S. 717–725.
51. Torkaman M. Namehā-ye Doctor Mosaddeq / Chap-e aval. –Tehran: Nashr-e Hezārān, 1995. – S. 36.

REFERENCES

1. Avatkov V.A. Turtsiya i Azerbaijan: odna natsiya – odno gosudarstvo? [Türkiye and Azerbaijan: One Nation – One State?] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2022. – Vol. 66, №2. – pp. 90-100. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100 (accessed: 09.03.2025).
2. Avatkov V.A., Kas'yanenko A.V. Voenno-politicheskiye otnosheniya na Yuzhnom Kavkaze v kontekste treugol'nika «Rossiya-Turtsiya-Iran» [Military-Political Relations in the South Caucasus in the Context of the «Russia-Türkiye-Iran» Triangle] // Mirovaya politika. – 2021. – No.3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskie-otnosheniya-na-yuzhnom-kavkaze-v-kontekste-treugolnika-rossiya-turtsiya-iran (accessed: 19.10.2024).
3. Agazade M.M. ogly. Azerbaidzhano-iranskie otnosheniya posle Vtoroj karabakhskoi voiny: osobennosti i tendentsii [Azerbaijan-Iran Relations After the Second Karabakh War: Features and Trends] // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2023. – No.4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/azerbaydzhano-iranskie-otnosheniya-posle-vtoroy-karabahskoy-voyny-osobennosti-i-tendentsii (accessed: 19.10.2024).
4. Alekseeva T.A. Myslit' konstruktivistski: otkryvaya mnogogolosyj mir [Thinking Constructivist: Opening a Polyphonic World] // Sravnitel'naya politika. – 2014. – No.1 (14). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/myslit-konstruktivistski-otkryvaya-mnogogolosyy-mir (accessed: 18.10.2024).
5. Alontsev M.A. Iranistika v Evrazii: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Iranian Studies in Eurasia: Past, Present, Future] / M.A. Alontsev, K.Kh. Idrisov, M.S. Kameneva. – Moscow: RGGU, 2018. – 140 p.
6. Hambaryan G.L. Deyatel'nost' mezhdunarodnykh terroristicheskikh organizatsiy v Azerbaydzhane [Activities of International Terrorist Organizations in Azerbaijan] // Tsentr podderzhki russko-armyanskikh strategicheskikh i obshchestvennykh initsiativ – 2016. – URL: https://russia-armenia.info/node/26833 (accessed: 29.07.2025).

7. Burya na Kavkaze [Storm in the Caucasus] / D. Barry, G.M. Derluguian, A.M. Iskandaryan, M. Cazalet, A.V. Lavrov, K.V. Makiyenko, S.M. Markedonov, L.A. Nersisyan, R.N. Pukhov, D.V. Trenin, K. Khas, M.Y. Shepovalenko; edited by R.N. Pukhov. — Moscow: Tsentr analiza strategij i technologij, 2021 — 128 p.
8. Vakhlang J. Indiya na Yuzhnom Kavkaze: znachenie dlya Rossii, Irana i Turtsii [India in the South Caucasus: Significance for Russia, Iran, and Türkiye] / J. Vakhlang, S.G. Melkonyan. – RSMD, 2024. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-na-yuzhnom-kavkaze-znachenie-dlya-rossii-irana-i-turtsii/ (дата обращения: 02.01.2025)
9. Gasanova E.Y. Ideologiya burzhuaznogo natsionalizma v Turtsii v period mladoturok. (1908-1914 gg.) [The Ideology of Bourgeois Nationalism in Türkiye During the Young Turks Period (1908-1914)] / Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. Institute of Peoples of the Middle East. – Baku : Izdatelstvo AN AzSSR, 1966. – 162 p.
10. Gumilyov L.N. Turan i Iran / Tysyacheletie vokrug Kaspiya [Turan and Iran / Millenium Around the Caspian] // Moscow: Ayris-Press, 2008. – 384 p. – URL: https://hagahan-lib.ru/library/tysyacheletie-vokrug-kaspiya15.html (accessed: 20.04.2025).
11. De Waal T. Cherny`j sad. Armeniya i Azerbaidzhan mezhdu mirom i voinoi [Black Garden: Armenia and Azerbaijan Through Peace and War] / Moscow: Rossijskaya politicheskaya e`ntsiklopediya, 2014. – 392 p.
12. Denisova S. Seriye volki. Turetskie ekstremistskie organizatsii [Grey Wolves: Turkish Extremist Organizations] // Russian International Affairs Council (RIAC). – URL: https://russiancouncil.ru/turkeyextremists-greywolves (accessed: 29.07.2025).
13. Zhigalina O.I. Etnosotsial'naya evolyutsiya iranskogo obshchestva [Ethnosocial Evolution of Iranian Society]. – Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1996. – 264 p.
14. Zhigulskaya D.V. «Turetskiy ideal» v filosofii Zii Gyokalpa [«The Turkish Ideal» in the Philosophy of Ziya Gökalp] // Idei i idealy. – 2021. – №2-2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/turetskiy-ideal-v-filosofii-zii-gyokalpa (accessed: 09.03.2025).
15. Zamani A. Farr v «Shakhname» Abulkasima Firdousi: avtoreferat dis. kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.03 [Farr in Shahnameh by Abulqasim Ferdowsi] / Akil Zamani. – [Mesto zashchity: Tadzhiksky natsionalny universitet]. – Dushanbe, 2014. – 22 p.
16. Imgrunt E.V. Irano-turetskiye konflikty v XVI–XVIII vekah [Iranian-Turkish Conflicts in the 16th–18th Centuries] / E.V. Imgrunt. — Text: Direct // Molodoy ucheny. – 2014. – No. 20(79). – pp. 519-521. – URL: https://moluch.ru/archive/79/14062/ (accessed on 18.10.2024).
17. Kameneva M.S. O transformatsii ponyatiya «kul'tura» v Islamskoy Respublike Iran [On the Transformation of the Concept of «Culture» in the Islamic Republic of Iran] // Rossiya i musul'manskiy mir. – 2015. – No. 3(273). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-transformatsii-ponyatiya-kultura-v-islamskoy-respublike-iran (accessed on 18.10.2024).

18. Al-Kashgari M. Dīwān Lughāt al-Turk [Compendium of the Languages of the Turks] / Translated, with introduction and commentary by Z.-A. Auezova; indexes compiled by R. Ermers. – Almaty: Daik-Press, 2005. – 1288 p.
19. Kozhanov N.A. Islamskaya Respublika Iran v poiske svoego vneshnepoliticheskogo «ya»: revolyutsionnoe novatorstvo ili preemstvennost'? [The Islamic Republic of Iran in Search of its Foreign Policy Identity: Revolutionary Innovation or Continuity?] / N.A. Kozhanov, A.S. Bogacheva // Vestnik MGIMO. – 2020. – No. 2(71). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-respublika-iran-v-poiske-svoego-vneshnepoliticheskogo-ya-revolyutsionnoe-novatorstvo-ili-preemstvennost (accessed on 18.10.2024).
20. Lyamin Y.Y. Persidskiy bastion [The Persian Bastion] / Edited by Y.Y. Lyamin, R.N. Pukhov. – Moscow: Tsentr analiza strategij i technologij, 2019. – 320 p.
21. Mavashev Y.Y. «Novaya Turtsiya»: mezhdu Atatyurkom i E`rdoganom. Monografiya (18+) [«New Türkiye»: Between Atatürk and Erdoğan. Monograph (18+)] / Kavkazskiy geopoliticheskiy klub. – Moscow: Izdatel` A.V. Vorob`ev, 2024. – 308 p.
22. Markedonov S.M. Slom status-kvo i mezhdunarodnoye izmereniye krizisa v Nagornom Karabakhe [The Breakdown of the Status Quo and the International Dimension of the Crisis in Nagorno-Karabakh]. Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba Valday. – Moscow, 2020. November. – 23 p. (co-authored with V. Kaledzhi and K. Khas). – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/slom-status-kvo-karabakh/ (accessed on 18.10.2024).
23. Matyukhin V.V. Dominirovanie Partii spravedlivosti i razvitiya v turetskom politicheskom protsesse: ideologicheskiy aspekt [The Dominance of the Justice and Development Party in the Turkish Political Process: The Ideological Aspect] // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. – 2016. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dominirovanie-partii-spravedlivosti-i-razvitiya-v-turetskom-politicheskom-protsesse-ideologicheskiy-aspekt (accessed: 29.07.2025).
24. Rak I.V. Zoroastriyskaya mifologiya [Zoroastrian Mythology]. – St. Petersburg: Zhurnal «Neva»; Letniy sad, 1998. – 560 p.
25. Savinov L.V. Natsional'nyy vopros v Turtsii [The National Question in Türkiye] / L.V. Savinov // Federalism. – 2012. – № 2(66). – pp. 135-146.
26. Sazhin V.I. Iranskiy Azerbaidzhan – istoriya i politika [Iranian Azerbaijan: History and Politics] // Zhurnal Mezhdunarodnaya zhizn' – 2021. – URL: https://interaffairs.ru/news/show/32232
27. Satanovskiy E.Y. Turtsiya mezhdu Rossiej i Zapadom. Mirovaya politika kak ona est` bez tolerantnosti i tsenzury` [Türkiye Between Russia and the West. World Politics as It Is, Without Tolerance and Censorship] / E.Y. Satanovskiy, I.I. Starodubtsev. – Moscow: E`ksmo, 2023. – 288 p.
28. Smorgunov L.V. Politicheskiye seti: Teoriya i metody analiza: Uchebnik dlya studentov vuzov [Political Networks: Theory and Methods of Analysis: A Textbook for University Students] / L.V. Smorgunov, A.S. Sherstobitov. — Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2014. — 320 p.
29. Turetskiy marshrut [The Turkish Route] / M. Yesiltas, H. Karatas, V.B. Kashirin, et al.; edited by R.N. Pukhov. – Moscow: Tsentr analiza strategij i technologij, 2024. – 220 p.

30. Fadeeva I.L. Turtsiya: protivostoyanie islamizatsii i sekulyarizma [Türkiye: The Confrontation between Islamization and Secularism] // Rossiya i musul'manskiy mir. – 2010. – No. 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/turtsiya-protivostoyanie-islamizatsii-i-sekulyarizma (accessed on 15.12.2024).
31. Frye R. Naslediye Irana [The Heritage of Persia] / Edited and with an Introduction by M.A. Dandamaev; Translated from English by V.A. Livshits and E.V. Zeimal. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. – 463 p.
32. Khomyakov A.S. Tsarstvo Parfianskoye / Polnoe sobranie sochineniy: v 8 t. T. 6 [The Parthian Kingdom / Complete Works: Vol. 6] // Universitetskaya tipografiya, 1904. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-6/ (accessed: 20.04.2025).
33. Shakleina T.A. Rossiya i SShA v politsentrichnom mire [Russia and the USA in a Polycentric World] // Perspektivy. – 2011. – URL: https://www.perspektivy.info/print.php?ID=75630&ysclid=m820y3zofo23158984 (accessed: 09.03.2025).
34. Ergashev A.S., Grishin O.Y. Obrazovatel'naya politika Turtsii v Tsentral'noy Azii [Educational Policy of Türkiye in Central Asia] // Problemy postsovetskogo porstranstva. – 2022. – 9(3). – pp. 319-326. – https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-319-326 (accessed: 09.03.2025).
35. Afshar Yazdi M. Afghan Letter // Volume 3, Tehran Printing, 160 Solar. –P. 405-49.
36. Atabaki T. Recasting Oneself, Rejecting the Other: Pan-Turkism and Iranian Nationalism / Van Schendel, W. (Editor). / Identity Politics in Central Asia and the Muslim World: Nationalism, Ethnicity and Labour in the Twentieth Century. – London, GBR: I.B. Tauris & Company, Limited, 2001.
37. Dhalla M.N. Zoroastrian civilization: from the earliest times to the downfall of the last Zoroastrian empire, 651 A.D. – New York: Oxford University Press, 1922. – pp. 5-6. – URL: https://archive.org/details/zoroastriancivi00dhalgoog/mode/2up (accessed on 08.03.2025).
38. Gignoux Ph. ANĒRĀN / Encyclopædia Iranica // II/1. – pp. 30-31. – URL: http://www.iranicaonline.org/articles/aneran (accessed on 08.03.2025).
39. Hajib Y. Wisdom of Royal Glory (Kutadgu Bilig): A Turko-Islamic Mirror for Princes / translated, with an introduction and notes, by R. Dankoff // University of Chicago Press, 1983. – pp. 281
40. Heyd U. Foundations of Turkish nationalism: the life and teachings of Ziya Gökalp / London : Luzac and the Harvill Press, 1950. – P. 50. – URL: https://archive.org/details/foundationofturk0000unse/mode/2up (accessed on 09.03.2025).
41. Murinson A. Turkey's Entente with Israel and Azerbaijan: State Identity and Security in the Middle East and Caucasus. – London : Routledge, 2010. – 240 p.
42. Parla T. The Social and Political Thought of Ziya Gökalp: 1876–1924. –Leiden: E.J. Brill, 1985. – P.7.
43. Singh B. Separatism in Xinjiang: Between Local Problems and International Jihad? / Institute of Peace and Conflict Studies. – 2012. – URL: http://www.jstor.org/stable/resrep09357 (accessed on 29.072025).
44. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics / International Organization. – Vol. 46. – No. 2. – pp. 391-425. – URL: http://www.jstor.org/stable/2706858 (accessed on 18.10.2024).

45. Yılmaz H. Caliphate Redefined: The Mystical Turn in Ottoman Political Thought / Princeton Univ. Press // Academia.edu. – 2018. – URL: https://www.academia.edu/35889898/Caliphate_Redefined_The_Mystical_Turn_in_Ottoman_Political_Thought (accessed on 18.10.2024).
46. Zia-Ebrahimi, R. The Emergence of Iranian Nationalism: Race and the Politics of Dislocation. – New York: Columbia University Press, 2016. – 306 p.
47. Zonis M. The Political Elite of Iran / Princeton Univ. Press // Internet Archive. – 1971. – p. 121. – URL: https://archive.org/details/politicaleliteof0000zoni (accessed on 18.10.2024).
48. Sarınay Y. Türk milleti ve Turan / [Turkish Nation and Turan] // Türk Yurdu 6. – İstanbul: Ötüken, 1994. – N 2. – S. 181–185.
49. Zülfikar H. Fark Edilmeyen Türkçedeki Oldubittiler / [Unnoticed faits accomplis in the Turkish Language] // Türk Dili – 2014. – URL: https://tdk.gov.tr/wp-content/uploads/2014/01/20140108.pdf (accessed: 20.04.2025)
50. Sheikh al-Eslami J. Be yād-e bonyāngozār-e Āyande [In Memory of the Founder of Āyande Journal] // Majalle-ye Āyande – Sāl-e noh, shomāre-ye Dey va Bahman, 1984. – ss. 717–725.
51. Torkaman M. Namehā-ye Doctor Mosaddeq / [Letters of Dr. Mosaddeq]. / Chap-e aval. // Tehran: Nashr-e Hezārān, 1995. – S. 36.

ГЧП в экономике стран ЕАЭС, ШОС, БРИКС+, СНГ: новые технологии, старые проблемы и их решение

Семенов Александр Викторович
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
Кафедра экономики и управления социально-экономическими системами, аспирант

РЕЗЮМЕ

Цель данной работы заключается в комплексном анализе государственно-частного партнёрства (ГЧП) в экономике стран ЕАЭС, ШОС, БРИКС+ и СНГ, с акцентом на выявление общих тенденций, специфических проблем и перспектив развития. В рамках исследования были поставлены задачи по изучению существующих моделей ГЧП, сравнению их эффективности, анализу законодательной и институциональной базы, а также оценке влияния международного сотрудничества на развитие ГЧП. Научная новизна работы состоит в межрегиональном сравнении опыта ГЧП, что позволяет выявить универсальные и специфические факторы успеха и неудач, а также предложить инновационные подходы к решению возникающих проблем. Теоретические рамки исследования базируются на концепциях институциональной экономики и теории публичного выбора, что позволяет рассматривать взаимодействие между государством и частным сектором через призму институциональных механизмов и стимулов. Методы исследования включают количественный анализ статистических данных о реализованных проектах ГЧП и качественный контент-анализ документов, а также экспертные опросы представителей государственных органов, бизнеса и научного сообщества. Основные выводы исследования подтверждают, что ГЧП является эффективным инструментом для решения задач модернизации инфраструктуры и привлечения инвестиций в странах ЕАЭС, ШОС, БРИКС+ и СНГ. Наибольшие успехи достигаются при наличии благоприятной институциональной среды и политической поддержки. Основные проблемы включают недостаток компетенций, бюрократические барьеры и сложности в распределении рисков. Рекомендации по улучшению механизмов ГЧП включают развитие образовательных программ, упрощение процедур и создание специализированных институтов поддержки. Исследование также выявило необходимость дальнейшего изучения культурных факторов и социальных эффектов ГЧП, а также интеграции инновационных технологий в проекты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
ГЧП; ЕАЭС; ШОС; БРИКС+; СНГ; развитие; экономика.

Для связи с автором: alexandr29354@yandex.ru

PPP in the economy of the EAEU, SCO, BRICS+, CIS: new technologies, old problems and their solutions

Semenov Alexander Viktorovich
St. Petersburg University of Management and Economics Technologies
Department of Economics and Management of Socio-Economic Systems, PhD student

ABSTRACT

The purpose of this work is a comprehensive analysis of public-private partnership (PPP) in the economies of the EAEU, SCO, BRICS+ and CIS countries, with an emphasis on identifying common trends, specific problems and development prospects. Within the framework of the study, tasks were set to study existing PPP models, compare their effectiveness, analyze the legislative and institutional framework, as well as assess the impact of international cooperation on the development of PPP. The scientific novelty of the work consists in an interregional comparison of the PPP experience, which allows us to identify universal and specific factors of success and failure, as well as to propose innovative approaches to solving emerging problems. The theoretical framework of the study is based on the concepts of institutional economics and the theory of public choice, which allows us to consider the interaction between the state and the private sector through the prism of institutional mechanisms and incentives. Research methods include quantitative analysis of statistical data on implemented PPP projects and qualitative content analysis of documents, as well as expert surveys of representatives of government agencies, business and the scientific community. The main conclusions of the study confirm that PPP is an effective tool for solving the problems of infrastructure modernization and attracting investments in the EAEU, SCO, BRICS+ and CIS countries. The greatest success is achieved in the presence of a favorable institutional environment and political support. The main problems include a lack of competencies, bureaucratic barriers and difficulties in risk allocation. Recommendations for improving PPP mechanisms include the development of educational programs, simplification of procedures and the creation of specialized support institutions. The study also revealed the need for further study of cultural factors and social effects of PPP, as well as the integration of innovative technologies into projects.

KEYWORDS
PPP; EAEU; SCO; BRICS+; CIS; development; economy.

Contact the author via alexandr29354@yandex.ru

Государственно-частное партнёрство (далее ГЧП) в экономике стран ЕАЭС, ШОС, БРИКС+ и СНГ представляет собой сложный и многогранный феномен, который приобретает всё большее значение в современных условиях глобализации и интеграции. Актуальность изучения данной темы обусловлена рядом факторов. Во-первых, страны этих международных организаций сталкиваются с аналогичными экономическими и социальными вызовами, такими как необходимость модернизации инфраструктуры, привлечение инвестиций и улучшение качества общественных услуг. ГЧП является одним из наиболее эффективных инструментов для решения этих задач. Во-вторых, в условиях растущей конкуренции на международных рынках и ограниченности бюджетных ресурсов государств, поиск эффективных моделей взаимодействия между публичным и частным секторами становится все более важным. Новизна данной работы заключается в комплексном анализе применения ГЧП в различных международных организациях, таких как ЕАЭС, ШОС, БРИКС+ и СНГ, с учетом специфики их экономических и политических систем. Исследование направлено на выявление общих тенденций, проблем и перспектив развития ГЧП в этих странах, а также на предложение инновационных подходов к решению возникающих вопросов.

Цели исследования включают выявление особенностей реализации проектов ГЧП в различных странах и организациях, определение ключевых проблем, с которыми сталкиваются участники ГЧП, и разработку рекомендаций по улучшению механизмов взаимодействия между государством и бизнесом. Задачи работы заключаются в анализе существующих моделей ГЧП, сравнении их эффективности в разных странах, исследовании законодательной и институциональной базы, а также оценке влияния международного сотрудничества на развитие ГЧП.

Методы исследования включают в себя как количественные, так и качественные подходы. Количественный анализ будет проводиться на основе статистических данных о реализованных проектах ГЧП, включая их стоимость, сроки реализации, достигнутые результаты и влияние на экономику стран-участниц. Качественный анализ будет включать контент-анализ документов, таких как законодательные акты, стратегические планы и отчёты международных организаций. Дополнительно будут проведены экспертные опросы представителей государственных органов, бизнеса и научного сообщества для получения более глубокого понимания специфики и проблем ГЧП в различных странах. Теоретическая основа исследования базируется на концепциях институциональной экономики и теории публичного выбора, которые позволяют рассмотреть взаимодействие между государством и частным сектором через призму институциональных механизмов и стимулов.

Обзор литературы включает работы как отечественных, так и зарубежных авторов, занимающихся проблематикой ГЧП. Важным аспектом исследования является выявление недостаточно изученных аспектов ГЧП, таких как влияние культурных и институциональных различий на успешность проектов, а также разработка новых подходов к оценке эффективности ГЧП, учитывающих не только экономические, но и социальные результаты. Таким образом, представленное исследование направлено на комплексное

изучение ГЧП в странах ЕАЭС, ШОС, БРИКС+ и СНГ, с целью выявления общих тенденций и специфических особенностей, что позволит предложить решения для улучшения взаимодействия между государственным и частным секторами в этих регионах.

На протяжении последних двух десятилетий институт государственно-частного партнерства (ГЧП) не только прочно утвердился в мировой экономике, но и доказал свою жизнеспособность в странах с различными типами правительственных структур и уровнями социально-экономического развития. Государство также может использовать современные и высокоэффективные технологии[1]. Долгосрочный характер таких партнерств и взаимодействие с государством в качестве основного заказчика, который предоставляет долгосрочные контракты на большие объемы работ, делает их особенно привлекательными для бизнеса. Интерес к ГЧП в странах ЕАЭС подтверждается и оценками состояния этой сферы авторитетными международными экспертами.

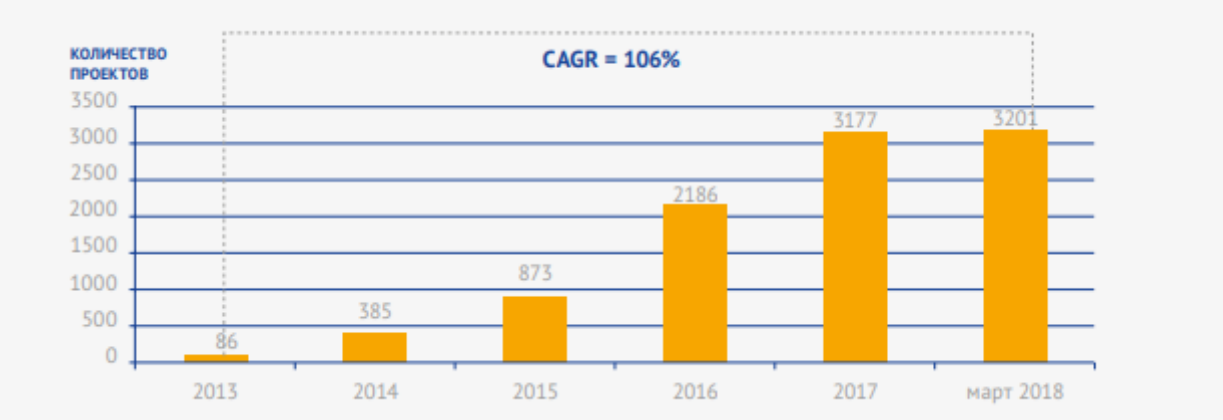


Рис. 1. Динамика общего количества ГЧП-проектов (накопительным итогом), прошедших стадию принятия решения о реализации[2]

Первоначальный этап предполагает, что правительство проводит оценку жизнеспособности идеи партнерства. В процессе этой оценки анализируется международный и отечественный опыт взаимодействия бизнеса с государственными и муниципальными проектами. Важной частью является формулирование политики государственно-частного партнерства (ГЧП), а также интеграция ключевых концепций в экономические и юридические вопросы. Помимо этого, правительство занимается подготовкой законодательной и нормативной базы для этого направления. Важной частью этого этапа является подготовка и реализация пилотных проектов, которые служат основой для дальнейшего развития[3]. На втором этапе основное внимание уделяется созданию органов, ответственных за государственно-частное партнерство, а также принятию соответствующих законов и

[1] Пирцхалава Х.Д. Интеллектуальная собственность и международный туризм в международном частном праве стран ЕАЭС и других государств в условиях эволюции правовых систем // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. — 2019. — №. 3. — С. 111.
[2] Государственно-частное партнерство в странах Евразийского экономического союза. Практическое руководство для инвесторов / Жаксылыков Т.М., Селезнев П.Л., Пискунов В.В., Ткаченко М.В. // ЕЭК, 2018. — С. 88.— URL: https://investugra.ru/upload/iblock/ab8/Gosudarstvenno_chastnoe-partnerstvo-v-stranakh-Evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza.-Prakticheskoe-rukovodstvo-dlya-investora.pdf.
[3] Рисин И.Е. Стратегирование процессов развития внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2019. — №. 4. — С. 77.

нормативно-правовых актов. Важным аспектом данного этапа является обучение государственных служащих теории и практике ГЧП, чтобы они могли эффективно работать с такими проектами. Происходит активное развитие рынка национальных проектов, и постепенно расширяется сфера применения ГЧП. Третий этап включает в себя завершение создания системы управления ГЧП. В этот период проводится доработка законодательной и нормативно-правовой базы, чтобы устранить все возможные недочеты и повысить эффективность существующих механизмов. Одним из ключевых направлений работы является совершенствование моделей ГЧП, что позволяет создавать более эффективные и гибкие проекты. В результате всех этих усилий и мероприятий формируется полноценный рынок проектов государственно-частного партнерства, который способен работать на долгосрочной основе и приносить значительные экономические и социальные выгоды.

Рис. 2. Отраслевая структура российского рынка ГЧП по количеству проектов, прошедших стадию принятия решения о реализации[1]

На данном этапе наблюдается значительное расширение круга заинтересованных инвесторов и формирование разнообразного арсенала источников финансирования. При этом уровень квалификации государственных и муниципальных служащих в области государственного-частного партнерства (ГЧП) достигает такого состояния, которое соответствует поставленным целям[2]. Беларусь и Кыргызстан, которые начали развивать ГЧП значительно позже, стремятся ускорить процесс создания правовой базы и институциональных основ. Армения лишь на начальном этапе пути и только начинает делать первые шаги в этом направлении. Такой системный подход включает концептуальную и доктринальную основу политики ГЧП, основанную на долгосрочных планах, укрепление правовой базы ГЧП и создание системы управления.

Мировая экономика сегодня сталкивается с серьезными инфраструктурными пробелами, выражающимися в значительном разрыве между

[1] Государственно-частное партнерство в странах Евразийского экономического союза. Практическое руководство для инвесторов / Жаксылыков Т.М., Селезнев П.Л., Пискунов В.В., Ткаченко М.В. // ЕЭК, 2018. — С. 88. — URL: https://investugra.ru/upload/iblock/ab8/Gosudarstvenno_chastnoe-partnerstvo-v-stranakh-Evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza.-Prakticheskoe-rukovodstvo-dlya-investora.pdf.

[2] Новиков А.Б. Актуальные правовые таможенные вопросы в современных условиях развития Евразийского экономического союза и Содружества Независимых Государств / под ред. И.А. Максимцева // Осенняя сессия Международного форума «Евразийская экономическая перспектива»: сборник докладов. — СПб, 2020. — С. 85.

требуемым и реально существующим уровнем инфраструктурного обеспечения. По оценкам Глобального института McKinsey, мировые финансовые потребности в развитии инфраструктуры достигают баснословной суммы в 57 триллионов долларов[1]. Исследования Oxford Economics показывают, что даже при крайне оптимистичных сценариях развития до 2040 г. ликвидировать этот дефицит, вызванный постоянной нехваткой инвестиций в инфраструктуру, не удастся. В странах Шанхайской организации сотрудничества (далее ШОС) проблема инфраструктуры особенно актуальна. Международные эксперты оценивают текущее состояние инфраструктуры в ключевых секторах как «среднее» или даже «ниже среднего»[2].

Многие страны ШОС активно используют ГЧП в своих интересах, стремясь к модернизации экономики и улучшению инфраструктуры. Китай является одним из наиболее активных участников и сторонников ГЧП в Азиатско-Тихоокеанском регионе, демонстрируя ведущую роль в продвижении и реализации этих партнерских проектов. Это, в свою очередь, привело к улучшению координации между государственными и местными органами власти, а также к созданию специализированных подразделений ГЧП в государственных структурах[3]. Эти изменения способствуют снижению правовой неопределенности и инвестиционных рисков, что делает проекты ГЧП более привлекательными для инвесторов.

В последнем десятилетии применение механизмов ГЧП также стало эффективным инструментом привлечения частного капитала для развития инфраструктуры в Индии, которая ранее считалась стабильно неразвитой. Систематические и энергичные усилия индийских властей в данной сфере позволили стране добиться существенных успехов. По данным Economist Intelligence Unit, Индия стала первой развивающейся экономикой, которая вошла в группу стран с «развитым ГЧП» на пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. Индийские проекты ГЧП охватывают широкий спектр отраслей, включая строительство автомобильных и железных дорог, портов и аэропортов, а также энергетические проекты, водоснабжение и канализацию, ирригацию и коммунальное хозяйство, социальные услуги и информационно-коммуникационные технологии. Общая база данных ГЧП Индии включает в себя 1877 проектов[4]. Важную роль в поддержке и реализации проектов ГЧП в Индии играет эффективная система государственной поддержки.

На постсоветском пространстве интерес к ГЧП также растет, особенно в таких странах, как Россия, Казахстан и Кыргызстан. Эти государства рассматривают ГЧП как важный инструмент для развития инфраструктуры, решения социальных и экономических проблем, содействия устойчивому экономическому росту и повышения уровня жизни граждан. В этих странах значительно укреплена

[1] Иванов В.В. Стратегии трансграничного банковского взаимодействия в условиях трансформации внешнеэкономических связей / В.В. Иванов, С.О. Девочкин // Вопросы инновационной экономики. — 2023. — Т. 13, №. 2. — С. 853.
[2] Черевко В.Е., Бережных М.А. Анализ ESG-трансформации мировой и российской экономики: направления деятельности государства в области устойчивого развития / В.Е. Черевко, М.А. Бережных // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2024. — №. 3-2 (109). — С. 178.
[3] Дадабаева З.А. Евразийская экономическая интеграция и безопасность: анализ современных проблем и поиск путей их решения / З.А. Дадабаева, И.З. Ярыгина // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2022. — №. 1. — С. 176.
[4] Авраменко А.А. Эколого-экономические аспекты управления транспортными системами ведущих интеграционных объединений мира / А.А. Авраменко, Р.И. Курбангулова // Вестник евразийской науки. — 2021. — Т. 13, №. 1. — С. 20.

нормативно-правовая база ГЧП; приняты соответствующие законы и разработаны долгосрочные программы развития. Россия и Казахстан уже накопили значительный опыт в реализации проектов ГЧП в различных отраслях.

В России реализуется более 3400 проектов ГЧП с общим объемом частных инвестиций в 2,2 триллиона рублей, тогда как в Казахстане осуществляется 473 проекта на сумму 90 миллиардов рублей[1].

В последние годы интерес к механизмам ГЧП также начал расти в Узбекистане. Однако следует отметить, что уровень развития ГЧП в странах ШОС отличается значительно. Разные страны начали использовать механизмы ГЧП в разное время и с различными масштабами, правовыми и институциональными структурами. В этом контексте Индия и Китай значительно опережают остальные страны по зрелости институциональной среды ГЧП.

За последние годы Россия и Казахстан продвинулись в развитии ГЧП и перешли от стадии «зарождения» к стадии «становления и закрепления». Некоторые страны, такие как Кыргызстан, начали развивать формы ГЧП позже и сейчас активно работают над формированием своей правовой и институциональной базы. Другие страны, такие как Таджикистан, находятся только на начальном этапе и делают первые шаги в этом направлении.

1 января 2024 г. группа БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) была расширена за счет включения в нее пяти новых стран. Это представляет собой новый этап в развитии блока и придает ему больший экономический и демографический вес.

Однако неоднородность ее членов и низкая торговая интеграция между ними ограничивают способность группы влиять на мировую торговлю и международную валютную систему. На данном этапе расширение в основном служит для того, чтобы подчеркнуть привлекательность альянса для стран с формирующимся рынком и развивающихся стран, которые рассматривают его как форум для самовыражения «Глобального Юга», и помогает утвердить расширенный блок (БРИКС+) в качестве основной силы в глобальном экономическом управлении[2].

Расширение БРИКС с 1 января 2024 г. за счет включения в него пяти новых стран знаменует собой новый этап в становлении блока как экономической и политической силы. Первоначально БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) был экономической и финансовой аббревиатурой, но постепенно превратился в более формальную политическую группировку. С 2009 г. четыре члена-основателя организации регулярно и официально собирались на саммитах, посвящённых главам государств и правительств. В 2011 г. к ним присоединилась Южная Африка, усилив тем самым объединение.

На 15-м саммите, состоявшемся в Йоханнесбурге с 22 по 24 августа 2023 г., была достигнута важная веха: группа пригласила присоединиться к ней еще шесть стран с многопрофильной и развивающейся рыночной экономикой. Среди этих стран оказались

[1] Ярыгина И.З., Боровикова О.А. БРИКС+ как фактор экономического роста и инвестиционного развития / И.З. Ярыгина, О.А. Боровикова // Экономика. Налоги. Право. — 2019. — Т. 12, №. 4. — С. 115.
[2] Shoba M. An Appraisal of EU and BRICS Relations: Lessons for BRICS // Journal of African Foreign Affairs. — 2023. — Vol. 10, №. 1. — P. 7.

Аргентина, Египет, Эфиопия, Иран, Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты. Эти страны должны были стать полноправными членами организации с 1 января 2024 г. Однако стоит отметить, что Аргентина впоследствии отказалась от участия, что произошло после победы Хавьера Милея на президентских выборах в декабре 2023 г[1]. Этот значимый шаг по расширению состава группы, известной как «БРИКС+», значительно увеличил её экономическую и политическую значимость на глобальной арене.

Согласно Йоханнесбургской декларации, принятой на 15-м саммите БРИКС в 2023 г., расширенная группа будет способствовать развитию сотрудничества, солидарности и стратегического партнёрства среди стран «Глобального Юга». Этот шаг подчёркивает твёрдую приверженность принципам инклюзивной многосторонности, что подразумевает стремление к более справедливому и всеобщему сотрудничеству на международной арене[2].

БРИКС+ представляет собой объединение с огромным демографическим и экономическим весом, охватывая почти половину населения планеты. На его долю приходится примерно 46 % мирового населения по сравнению с 41 % в странах БРИКС, в то время как государства Группы семи (G7), включающие США, Канаду, Японию, Великобританию, Германию, Францию и Италию, обладают незначительно меньшей долей – менее 10 % населения мира. В экономическом плане страны БРИКС уже опередили государства G7 по размеру общего мирового ВВП, превышая их долю в 2022 г. – 31,6 % по паритету покупательной способности (ППС) против соответствующей доли G7. С расширением группы БРИКС эта доля возросла до 35,6 % в 2022 г. Важно отметить, что Китай продолжает доминировать внутри группы БРИКС, обеспечивая 52 % совокупного ВВП по ППС, что аналогично весу Соединенных Штатов в рамках группы G7. Ожидается, что разрыв между БРИКС+ и G7 будет увеличиваться на фоне устойчивого экономического роста в развивающихся странах. Согласно прогнозам Международного валютного фонда (МВФ), в 2027 г. на долю БРИКС+ будет приходиться 37,6 % мирового ВВП по ППС, тогда как на государства G7 придется 28,2 %.

Содружество Независимых Государств (СНГ) представляет собой региональную межправительственную организацию в Евразии, образованную после распада Советского Союза в 1991 г. СНГ стремится к поощрению сотрудничества в различных сферах, включая экономическую, политическую и военную, обладая также некоторыми полномочиями по координации вопросов торговли, финансов, законодательства и безопасности, включая меры по предотвращению трансграничной преступности[3].

[1] Иванов В.В. Стратегии трансграничного банковского взаимодействия в условиях трансформации внешнеэкономических связей / В.В. Иванов, С.О. Девочкин // Вопросы инновационной экономики. — 2023. — Т. 13, №. 2. — С. 858.
[2] Aleksia C., Bakhtiar A.R. BRICS as New Alternatives in Reforming International Financial Institutions and Economic Partnerships / C. Aleksia, A.R. Bakhtiar // Insignia: Journal of International Relations. — 2023. — Vol. 10, №. 2. — P. 128-143.
[3] Дадабаева З.А. Евразийская экономическая интеграция и безопасность: анализ современных проблем и поиск путей их решения / З.А. Дадабаева, И.З. Ярыгина // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2022. — №. 1. — С. 177.

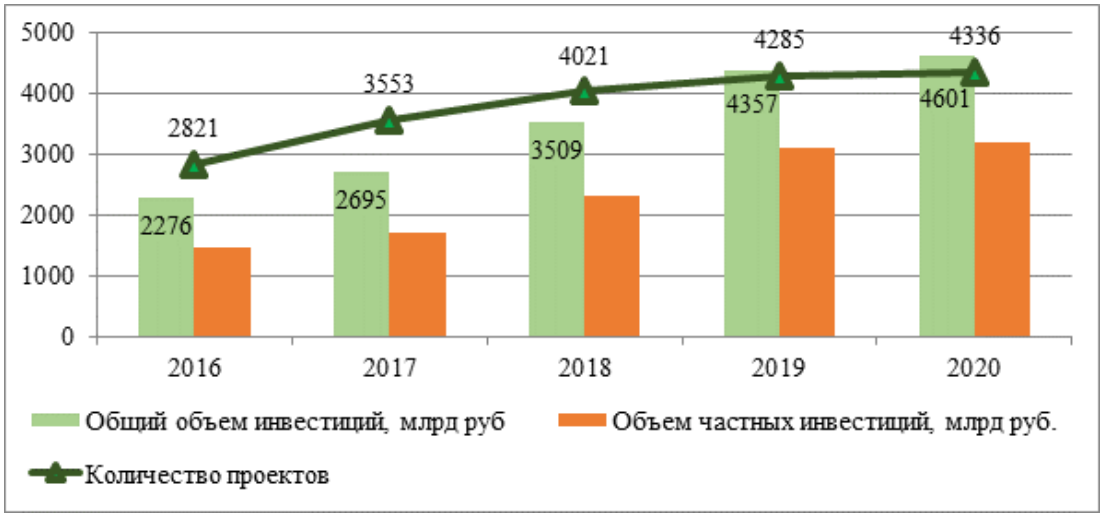


Рис. 7. Динамика развития ГЧП в России[1]

Модельный закон был разработан на основе международных признанных стандартов и передовой практики в области законодательства о ГЧП. Модельный закон был одобрен МПА СНГ в ноябре 2014 г. и рекомендован для включения в национальное законодательство государств-участников СНГ. При содействии Европейского банка реконструкции и развития (далее — ЕБРР) был дополнительно подготовлен подробный комментарий. На международной конференции, на которой был представлен Модельный закон и комментарии к нему, представители властей большинства стран СНГ высказались за расширение работы и включение в нее набора практических инструментов и методических материалов, которые помогут сотрудникам национальных подразделений по ГЧП, государственным и муниципальным служащим применять их в своей повседневной работе[2]. ЕБРР уделяет значительное внимание развитию инструментов ГЧП в своих регионах, особенно в странах СНГ. Хотя принятие Модельного закона является важным шагом на пути к разработке всеобъемлющего и гармонизированного типового законодательства о ГЧП для стран СНГ, эффективность внедрения ГЧП во многом зависит от наличия соответствующей благоприятной среды. В целях содействия внедрению Типового закона и в ответ на конкретные запросы ряда стран СНГ в сентябре 2016 г. ЕБРР и Межпарламентская ассамблея государств-участников СНГ приступили к работе над первым набором типовых документов, определенных в качестве приоритетных, — практическими инструментами и методологиями для подготовки и реализации проектов ГЧП, включая оценку эффективности проектов, ключевые показатели эффективности (KPI), процедуры выбора частного партнера, разработки матрицы распределения рисков, основные условия соглашения о ГЧП и так далее.

[1] Дробот Е.В. Динамика, экономические и правовые особенности развития государственно-частного партнерства в регионах России / Е.В. Дробот, И.Н. Макаров, М.В. Титова, Ю.В. Сухина, В.С. Назаренко // Экономика, предпринимательство и право. — 2021. — Том 11. — № 9. — С. 2193.

[2] Рисин И.Е. Стратегирование процессов развития внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации //Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2019. — №. 4. — С. 75.

ВЫВОДЫ

В заключение следует отметить, что проведенное исследование подтвердило актуальность и важность государственно-частного партнёрства для стран ЕАЭС, ШОС, БРИКС+ и СНГ в контексте их экономического развития и модернизации инфраструктуры. В ходе работы удалось выявить общие тенденции и специфические особенности реализации проектов ГЧП в этих странах, что позволило сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, несмотря на различия в политических и экономических системах, во всех рассматриваемых странах существует схожая потребность в привлечении частных инвестиций для решения задач общественного развития. Это делает ГЧП универсальным инструментом, способным адаптироваться к различным условиям и потребностям. Во-вторых, эффективность проектов ГЧП в значительной степени зависит от качества институциональной среды, включая наличие четкой законодательной базы, прозрачных механизмов отбора и реализации проектов, а также развитых форм взаимодействия между государством и бизнесом.

Особое внимание было уделено вопросу доверия между государственными и частными партнерами, который является критическим для успешной реализации проектов ГЧП. В рамках исследования были предложены рекомендации по улучшению механизмов ГЧП, включая развитие образовательных программ для государственных служащих, упрощение процедур и создание специализированных институтов для поддержки ГЧП. Цель исследования, заключавшаяся в комплексном анализе применения ГЧП в странах ЕАЭС, ШОС, БРИКС+ и СНГ, была достигнута. Были подробно рассмотрены существующие модели и практики, выявлены их преимущества и недостатки, а также предложены пути для повышения эффективности и устойчивости проектов ГЧП. Однако, несмотря на достигнутые результаты, остаются нерешенными некоторые противоречия и вопросы. Например, необходимо более глубоко изучить влияние культурных факторов на реализацию ГЧП, а также разработать методологические подходы для оценки социальных эффектов от реализации таких проектов.

Для будущих исследований рекомендуется сосредоточиться на сравнительном анализе успешных и неуспешных проектов ГЧП с целью выявления ключевых факторов успеха и причин неудач. Особое внимание следует уделить вопросам интеграции инновационных технологий в проекты ГЧП и их влиянию на экономическую и социальную устойчивость. Также важно продолжить изучение законодательных и институциональных реформ, направленных на поддержку ГЧП, и их влияния на привлечение частных инвестиций. В условиях быстро меняющейся глобальной экономической конъюнктуры необходимо регулярно обновлять данные и подходы к исследованию ГЧП, чтобы своевременно адаптироваться к новым вызовам и возможностям. Таким образом, исследование показало, что государственно-частное партнёрство остаётся ключевым инструментом для экономического развития стран ЕАЭС, ШОС, БРИКС+ и СНГ. Для его успешной реализации необходимо продолжать совершенствовать институциональные условия, развивать компетенции участников и активно использовать международный опыт и инновационные подходы. Для сравнительно крупных проектов наиболее перспективным способом финансирования

является использование инфраструктурных облигаций (низкая стоимость привлечения инвестиций, а также возможность использования международного опыта предоставления льгот и гарантий частным инвесторам)[1]. Объединение совместных усилий в этой связи даст возможность достичь больших результатов в разработке новых технологий и повысить эффективность использования природных ресурсов[2].

[1] Семенов А.В. Институциональный и организационный альянс государства и бизнеса: реализация общественно-значимых проектов стран БРИКС / А. В. Семенов // Экономика и управление: научно-практический журнал. — 2022. — № 5(167). — С. 12.
[2] Семенов А.В. ГЧП в развитии промышленно-технологического сотрудничества России, Китая и Евразийских стран / А.В. Семенов // Конкуренция хозяйственных систем евразийского и западно-европейского типа : Сборник научных статей по итогам VIII международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19—20 октября 2023 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. — С. 400.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авраменко А.А. Эколого-экономические аспекты управления транспортными системами ведущих интеграционных объединений мира / А.А. Авраменко, Р.И. Курбангулова // Вестник евразийской науки. — 2021. — Т. 13., №. 1. — С. 1-23.
2. Дадабаева З.А. Евразийская экономическая интеграция и безопасность: анализ современных проблем и поиск путей их решения / З.А. Дадабаева, И.З. Ярыгина // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2022. — №. 1. — С. 171-179.
3. Дробот Е.В. Динамика, экономические и правовые особенности развития государственно-частного партнерства в регионах России / Е.В. Дробот, И.Н. Макаров, М.В. Титова, Ю.В. Сухина, В.С. Назаренко // Экономика, предпринимательство и право. — 2021. — Том 11, № 9. — С. 2189-2206.
4. Иванов В.В. Стратегии трансграничного банковского взаимодействия в условиях трансформации внешнеэкономических связей / В.В. Иванов, С.О. Девочкин // Вопросы инновационной экономики — 2023. — Т. 13., №. 2. — С. 849-870.
5. Ковригина С.В. Современный рынок ГЧП в странах БРИКС: анализ и специфика // Фундаментальные исследования. — 2016. — № 11-1. — С. 183-188.
6. Новиков А.Б. Актуальные правовые таможенные вопросы в современных условиях развития Евразийского экономического союза и Содружества Независимых Государств / под ред. И.А. Максимцева // Осенняя сессия Международного форума «Евразийская экономическая перспектива»: сборник докладов. — СПб, 2020. — С. 81-86.
7. Пирцхалава Х.Д. Интеллектуальная собственность и международный туризм в международном частном праве стран ЕАЭС и других государств в условиях эволюции правовых систем // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. — 2019. — №. 3. — С. 103-112.
8. Рисин И.Е. Стратегирование процессов развития внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2019. — №. 4. — С. 73-77.

9. Семенов А.В. ГЧП в развитии промышленно-технологического сотрудничества России, Китая и Евразийских стран / А. В. Семенов // Конкуренция хозяйственных систем евразийского и западно-европейского типа : Сборник научных статей по итогам VIII международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19–20 октября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. — С. 395-401.
10. Семенов А.В. Институциональный и организационный альянс государства и бизнеса: реализация общественно-значимых проектов стран БРИКС / А. В. Семенов // Экономика и управление: научно-практический журнал. — 2022. — № 5(167). — С. 8-14.
11. Черевко В. Е., Бережных М. А. Анализ ESG-трансформации мировой и российской экономики: направления деятельности государства в области устойчивого развития / В.Е. Черевко, М.А. Бережных // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2024. — №. 3-2 (109). — С. 174-181.
12. Ярыгина И. З., Боровикова О. А. БРИКС+ как фактор экономического роста и инвестиционного развития / И.З. Ярыгина, О.А. Боровикова // Экономика. Налоги. Право. — 2019. — Т. 12., №. 4. — С. 111-120.
13. Aleksia C., Bakhtiar A.R. BRICS as New Alternatives in Reforming International Financial Institutions and Economic Partnerships / C. Aleksia, A.R. Bakhtiar // Insignia: Journal of International Relations. — 2023. — Vol. 10., №. 2. — P. 128-143.
14. Shoba M. An Appraisal of EU and BRICS Relations: Lessons for BRICS // Journal of African Foreign Affairs. — 2023. — Vol. 10, №. 1. — P. 7-26.
15. Государственно-частное партнерство в странах Евразийского экономического союза. Практическое руководство для инвесторов / Жаксылыков Т.М., Селезнев П.Л., Пискунов В.В., Ткаченко М.В. // ЕЭК, 2018. — URL: https://investugra.ru/upload/iblock/ab8/Gosudarstvenno_chastnoe-partnerstvo-v-stranakh-Evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza.-Prakticheskoe-rukovodstvo-dlya-investora.pdf.

REFERENCES

1. Aleksia C., Bakhtiar A.R. BRICS as New Alternatives in Reforming International Financial Institutions and Economic Partnerships / C. Aleksia, A.R. Bakhtiar // Insignia: Journal of International Relations. — 2023. — T. 10., №. 2. — P. 128-143.
2. Avramenko A.A. Ekologo-ekonomicheskie aspekty upravleniya transportnymi sistemami vedushchih integracionnyh ob»edinenij mira [Ecological and economic aspects of the management of transport systems in the world's leading integration unions] / A.A. Avramenko, R.I. Kurbangulova // Vestnik evrazijskoj nauki [The Eurasian Scientific Journal]. — 2021. — Vol. 13., №. 1. — P. 1-23.
3. Cherevko V. E., Berezhnyh M. A. Analiz ESG-transformacii mirovoj i rossijskoj ekonomiki: napravleniya deyatel'nosti gosudarstva v oblasti ustojchivogo razvitiya [Analysis of ESG Transformation of the World and Russian Economy: Directions of Government Activity in the Field of Sustainable Development] / V.E. Cherevko, M.A. Berezhnyh // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [Economy and Business: Theory and Practice]. — 2024. — №. 3-2 (109). — P. 174-181.

4. Dadabaeva Z.A. Evrazijskaya ekonomicheskaya integraciya i bezopasnost': analiz sovremennyh problem i poisk putej ih resheniya [Eurasian Economic Integration and Security: Analysis of Contemporary Problems and a Search for Ways to Resolve Them] / Z.A. Dadabaeva, I.Z. Yarygina // Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. — 2022. — №. 1. — P. 171-179.
5. Drobot E.V. Dinamika, ekonomicheskie i pravovye osobennosti razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v regionah Rossii [Dynamics, economic and legal particularities of the public-private partnership development in the Russian regions] / E.V. Drobot, I.N. Makarov, M.V. Titova, Yu.V. Suhina, V.S. Nazarenko // Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law]. — 2021. — Vol 11, № 9. — P. 2189-2206.
6. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v stranah Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza. Prakticheskoe rukovodstvo dlya investorov [Public-private partnership in the EAEU member states. Guidelines for investors] / Zhaksylykov T.M., Seleznev P.L., Piskunov V.V., Tkachenko M.V. // EEK, 2018. — URL: https://investugra.ru/upload/iblock/ab8/Gosudarstvenno_chastnoe-partnerstvo-v-stranakh-Evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza.-Prakticheskoe-rukovodstvo-dlya-investora.pdf.
7. Ivanov V.V. Strategii transgranichnogo bankovskogo vzaimodejstviya v usloviyah transformacii vneshneekonomicheskih svyazej [Strategies for cross-border banking interaction in the transformation of foreign economic relations] / V.V. Ivanov, S.O. Devochkin // Voprosy innovacionnoj ekonomiki [Russian Journal of Innovation Economics]. — 2023. — Vol. 13., №. 2. — P. 849-870.
8. Kovrigina S.V. Sovremennyj rynok GChP v stranah BRIKS: analiz i specifika [Modern PPP Market in the BRICS: the Analysis and Specificity] // Fundamental'nye issledovaniya [Fundamental research]. — 2016. — № 11-1. — P. 183-188.
9. Novikov A.B. Aktual'nye pravovye tamozhennye voprosy v sovremennyh usloviyah razvitiya Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza i Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv [Pending Legal Custom Issues in Contemporary EAEU and CIS] / ed. by I.A. Maksimcev // Osennyaya sessiya Mezhdunarodnogo foruma «Evrazijskaya ekonomicheskaya perspektiva»: sbornik dokladov [Conference proceedings: Eurasian economic perspective]. — SPb, 2020. — P. 81-86.
10. Pirckhalava H.D. Intellektual'naya sobstvennost' i mezhdunarodnyj turizm v mezhdunarodnom chastnom prave stran EAES i drugih gosudarstv v usloviyah evolyucii pravovyh sistem [Intellectual Property and International Tourism in Private International Law of the EAEU Countries and Other States under the Evolution of Legal Systems] // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, ekonomika, parvo [International Cooperation of the Eurasian States: Politics, Economics, Law]. — 2019. — №. 3. — P. 103-112.
11. Risin I.E. Strategirovanie processov razvitiya vneshneekonomicheskoj deyatel'nosti sub»ektov Rossijskoj Federacii [Strategizing Development of External Trade in the Russian Federation Subjects] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie [Proceedings of Voronezh State University Series Economics and Management]. — 2019. — №. 4. — P. 73-77.

12. Semenov A.V. GChP v razvitii promyshlenno-tekhnologicheskogo sotrudnichestva Rossii, Kitaya i Evrazijskih stran [PPP in Developing Industrial and Technological Development in Russia, China and Eurasian States] / A. V. Semenov // Konkurenciya hozyajstvennyh sistem evrazijskogo i zapadno-evropejskogo tipa : Sbornik nauchnyh statej po itogam VIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 19–20 oktyabrya 2023 goda [Conference proceedings: Competition Between Eurasian and Western European Economic Systems]. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet, 2023. — P. 395-401.
13. Semenov A.V. Institucional'nyj i organizacionnyj al'yans gosudarstva i biznesa: realizaciya obshchestvenno-znachimyh proektov stran BRIKS Institutional and Organizational Alliance of the State and Business: Implementation of Socially Significant Projects of the BRICS Countries] / A. V. Semenov // Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal [Economics and Management: Research and Practice Journal]. — 2022. — № 5(167). — P. 8-14.
14. Shoba M. An Appraisal of EU and BRICS Relations: Lessons for BRICS // Journal of African Foreign Affairs. — 2023. — Vol. 10, №. 1. — P. 7-26.
15. Yarygina I. Z., Borovikova O. A. BRIKS+ kak faktor ekonomicheskogo rosta i investicionnogo razvitiya [. BRICS+ as a factor of economic growth and investment development] / I.Z. Yarygina, O.A. Borovikova // Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, taxes & law]. — 2019. — Vol. 12., №. 4. — P. 111-120.

Сетевое издание «Международный аспект International Aspect» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: ЭЛ № ФС 77 - 80193 от 22 января 2021 г.

Журнал (периодическое печатное издание) «Международный аспект International Aspect» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: ПИ № ФС 77 - 85925 от 06 октября 2023 г.

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка Д.А. Хворова

Подписано в печать ДАТА. Формат 60×84⅛.
Усл. печ. л. 13,49. Тираж 25 экз. Заказ №

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

The certificate of registry of mass media, registration date ЭЛ № ФС 77 - 80193, 22.01.2021 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

The certificate of registry of print media, registration date ПИ № ФС 77 - 85925, 06.10.2023 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

Layout: Daria Khvorova

Published by MGIMO University. Number of printed copies: 25.

ISSN 2949-6381 (Print)
ISSN 2949-6365 (Online)